

ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ім. І.І. МЕЧНИКОВА
ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЇ
ОДЕСЬКЕ ЛІНГВІСТИЧНЕ ТОВАРИСТВО

ЗАПИСКИ
з РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ
ФІЛОЛОГІЇ

ВИПУСК 11

ОДЕСА
2002

Збірник є фаховим виданням і вміщує статті з питань романо-германської філології і викладання іноземних мов.

Редакційна колегія:

проф. Колегаєва І.М.

(головний редактор),

к.ф.н. Калінюк О.О.

(відповідальний секретар),

проф. Бровченко Т.О.,

проф. Корсаков А.К.,

проф. Кухаренко В.А.,

проф. Таранець В.Г.,

доц. Голубенко Л.М.,

доц. Костильова Е.І.,

доц. Шишиков В.В.

*Друкується за рішенням Вченої ради
факультету романо-германської філології ОНУ*

3 46020201002-106
8028-2002 Без об'яв.

ISBN 966-8028-03-1

© Одеський національний університет, 2002
© ЛАТСТАР, 2002

ПЕРЕДМОВА

Черговий, одинадцятий номер "Записок з романо-германської філології" зібрав воєдино цілу низку наукових досліджень, присвячених проблемам мови і мовлення у різних їх проявах. Значна частина публікацій висвітлює проблеми сегментної та супрасегментної фонетики. Ряд публікацій містять спостереження над граматичною системою мови у морфологічному та синтаксичному аспектах. Є дослідження одиниць лексичного рівня. Велика увага приділяється вивченню цілого тексту як функціонально-стильового і комунікативного явища. Міжмовні контакти та проблеми перекладу також виявилися предметом вивчення авторів даного збірника. Методи дослідження, використані у наукових роботах, охоплюють статистичні, інструментальні, співставні та описові із зачлененням діахронного та синхронного підходів.

Статті надійшли від викладачів вищих учебових закладів Одеси, Ужгороду, Житомира та інших міст України. Серед авторів публікацій є знані і досвідчені науковці – доктори та кандидати наук, є аспіранти та пошукачі, що прагнуть досягти глибин наукового пошуку. Всіх їх єднає невідчуваючий інтерес до проблем сучасної романо-германської філології.

"Записки з романо-германської філології" видаються за рішенням Ради факультету РГФ Одесського національного університету ім. І.І.Мечникова. Постанова Президії ВАК України за № 3-0511 від 10.11.99 включає цей збірник наукових праць до переліку № 3 (позиція 7) фахових видань, в яких дозволяється публікувати результати дисертаційних досліджень.

Зaproшуємо до співробітництва і обміну думками щодо проблем, про які йдеться в статтях. Якщо ви зацікавлені у публікаціях наукових

досліджень у галузі германської або романської філології, звертайтесь за інформацією до головного редактора збірника проф. Колегасової Ірини Михайлівни.

Вимоги до рукописів див. в кінці збірника с. 284.

Координати головного редактора:

- телефон: (0482) 21-87-60;
- адреса: 65058, м. Одеса, Французький бульвар, 24/26,
Одеський національний університет,
факультет РГФ, кімната 109.

Л. Л. Букреєва

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ОБРАЗНАЯ СТРУКТУРА ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Интерпретация художественного текста является необходимым этапом переводческой деятельности, в которой переводчик, с одной стороны, выступает как получатель сообщения на исходном языке (ИЯ), с другой стороны, он формирует у себя собственную переводческую концепцию произведения, перевыражаемого затем на языке перевода (ПЯ). Этап интерпретации тесно связан с восприятием текста оригинала, поэтому он является составной частью процедуры оценки качества переводимого текста. Квалифицированный эксперт, формулируя свое заключение о переводе, опирается не столько на пословные и пофразовые сравнения двух текстов, сколько на сравнение своих интерпретаций, своего впечатления от их прочтения. Иными словами, он сравнивает макрообразы подлинника и перевода и обращается к анализу языковых средств в обоих текстах лишь в тех случаях, когда обнаруживает несоответствия в их интерпретациях. Поскольку такая процедура не лишена значительной доли субъективизма, а объективные критерии функциональной адекватности не всегда поддаются формализации, М. Я. Цвиллинг и Г. Я. Туровер предложили объективизировать те закономерности, которые лежат в основе субъективных суждений и, тем самым, выработать способы уменьшения разброса индивидуальных оценок экспертов [26, 8].

Объективизация индивидуальных суждений должна развиваться в двух направлениях: выработка объективных параметров для оценки

сравниваемых текстов и объективизация процедуры интерпретации сравниваемых текстов. Анализируя виды интерпретации, используемые в переводческой деятельности, В.Н.Комиссаров заключает, что все они различаются, в основном, степенью обращения к экстралингвистическому опыту переводчика и построены для разных уровней привлечения контекста [9, 11]. Роль контекста в переводе Г.В.Колшанский характеризует следующим образом: "... учет контекста есть не только обязательный элемент переводческой деятельности, но и предварительное условие творчества переводчика, выступающего в роли настоящего интерпретатора текста в его лингвистическом, культурном, художественном, научном и т.д. аспектах" [8, 111]. Однако привлечение контекста при восприятии сообщения может быть неосознанным, и тогда понимание представляет собой извлечение смысла, минуя его языковое оформление в выражении, т.е. интуитивную интерпретацию сообщения. При анализе различия интуитивного понимания и понимания с помощью интерпретации Д.Фоллесдалль отмечает: "Мы должны различать эксплицитное построение гипотез (что имеет место в научном познании) и имплицитное использование гипотез (что характеризует весь наш опыт), когда процесс формулировки гипотез не тематизируется, и мы познаем полнозначные объекты непосредственно... Интерпретация подобна построению теории, ибо в обоих случаях мы выдвигаем гипотезы относительно того, что мы еще не поняли, с целью согласования этого с тем, что нам известно и понятно" [25, 143-144].

Существует ряд лингвостилистических методик, которые предлагаются использовать для анализа и интерпретации художественного текста на всех уровнях языковой иерархии. К ним относятся работы Э.Г.Ризель [22], И.Шарнхорста [30], В.Я.Задорновой [7], В.Коллера [29] и других. Однако каждая из этих методик по-разному трактует необходимую последовательность использования языковых уровней при анализе текста.

В работе "Теория и практика интерпретации текста" Э.Г.Ризель предлагает начинать анализ текста с его экстралингвистических параметров: с общих сведений о мировоззрении автора, его принадлежности

к какому-либо литературному направлению, с жанра произведения, композиции и лишь затем рассматривать языковые и стилистические средства, с помощью которых реализована основная идея произведения [22, 32-33].

Очевидна необходимость выделять при анализе художественного текста в первую очередь коммуникативную цель произведения, коммуникативное намерение автора, а также экстралингвистические факторы, существенные для лингвистического декодирования коммуникативного замысла произведения. Методика подобного анализа заключается в переходе от формирования того, что В.В.Виноградов называл "образом автора", к характеристике языковых и стилистических средств, выражающих авторскую идею произведения [2].

Несколько иную схему анализа художественного произведения дает И.Р.Гальперин [3]. Эта схема включает шесть процедур: таксономическую (определение литературной разновидности текста, его подстилей и жанров), информативную (раскрытие содержания текста в тезисной форме), семантическую (анализ стилистически маркированных отрезков текста, предложений и слов), стилистическую (анализ стилистических приемов и их соотношение с нейтральными средствами передачи сообщения), функциональную (определение функций стилистических приемов в тексте), синтезирующую (определение творческой манеры автора и системы использования языковых средств). В данном случае после совокупности процедур анализа текста две последние процедуры направлены на выяснение того, что составляет "образ автора".

Специально для сравнительного анализа вариантов перевода художественного (поэтического) текста В.Я.Задорнова предлагает анализировать художественное произведение на трех уровнях (семантическом, метасемиотическом и метаметасемиотическом): "первый шаг в исследовании – рассмотрение слов и словосочетаний на семантическом уровне, т.е. анализ единиц языка как таковых, в их прямом значении: анализ лексики, морфологии, синтаксиса – всех возможных языковых аспектов данного текста" [7, 8]. Она мотивирует это тем,

что все в литературном произведении – намерения автора, его идеи, образы и т.д. – реализуется в словах. Подобное утверждение представляется крайне неубедительным, поскольку вся имплицитная информация художественного текста не может быть выражена вербально. По мнению И.Р.Гальперина, из трех видов информации, заключенной в тексте, лишь содержательно-фактуальная выражается вербально. Остальные же – содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая – имплицитны по своей природе и вербально не выражаются [4; 28, 41, 44], будучи заключенными в широком контексте. На примере рассказа А.П.Чехова "О любви" И.Р.Гальперин показал невозможность верной интерпретации текста, в частности негативного отношения автора к главному герою, без привлечения фоновых знаний, поскольку в самом тексте оценка автора вербально ни коим образом не выражена.

Спорной нам представляется и последовательность этапов анализа художественного текста, предлагаемая В.Я.Задорновой. Для того, чтобы понять, каким образом следует проводить интерпретацию текста, нужно сначала определить само понятие "текст". И.Р.Гальперин дает следующее определение: "Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единиц), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и pragmatische установку" [4, 18]. Таким образом, художественный текст в первую очередь характеризуется своей функциональной направленностью или, другими словами, главным коммуникативным заданием всего текста, эстетическим намерением автора. Из этого положения и следует исходить, выстраивая последовательность этапов комплексного анализа художественного произведения.

Правда, не все филологи придерживаются мнения, что в методике анализа текста должна соблюдаться строгая последовательность эта-

пов. Так, А.А.Богатырев предлагает в первую очередь выделять в тексте основные категориальные смыслы [1, 63]. Н.О.Гучинская считает, что анализ стихотворного текста, представляющего собой взаимодействие ритма и метафоры, между которыми располагаются как равноправные члены – литературное течение, жанровая форма, тема и композиция, можно начинать с любой точки этого замкнутого единства – в зависимости от особенностей данного конкретного текста [5, 72].

Нам представляется, что наиболее полно и последовательно этапы анализа и интерпретации художественного текста представлены в "Искусстве перевода" И.Левого [13, 59-77], где требования к процессу перевода распределены по трем стадиям: постижение подлинника, его интерпретация и, затем, перевыражение подлинника. Методика восприятия и анализа текста, предложенная В.Я.Задорновой, практически повторяет этапы постижения подлинника, данные И.Левым: "филологическое понимание" на основе лингвистического анализа, стилистический анализ языковых средств и литературоведческий анализ художественного единства текста. Стадия интерпретации содержит совсем другие этапы. К ним относятся установление объективного смысла произведения, формирование интерпретационной позиции и, как следствие, выработка переводческой концепции произведения. Таким образом, результат анализа художественного текста лишь предваряет этап интерпретации, заключающейся в том, что переводчик в отличие от простого читателя, который более или менее интуитивно отбирает для себя в тексте заинтересовавшие его места, обдуманно формулирует интерпретационную позицию, зная, что он хочет сказать читателю своим переводом [13, 73]. Иными словами, интерпретация состоит в формировании максимально полного и верного представления о художественном тексте, проведенного с целью создания переводческой концепции произведения. Получаемое представление и будет отражением художественной действительности произведения.

Как уже было сказано выше, компаративный анализ подлинника и перевода представляет собой сравнение их интерпретаций. Р.О.Якобсон замечает, что как любой получатель верbalного сообщения, лин-

гвист является его интерпретатором [27, 363]. Однако лингвистические уровни анализа являются сугубо вспомогательными, поэтому, проходя вслед за переводчиком стадию постижения подлинника, но обладая другой интерпретационной позицией, компаративист может сместить оценку перевода в сторону более эквивалентного выражения языковых средств подлинника. Стремление формализовать процедуру сравнения на уровне соответствия языковых единиц, не связывая ее с интерпретациями текстов подлинника и перевода, оказывается, как правило, безрезультатным.

Методы сравнения текстов оригинала и перевода не вызывают особых споров. Уже в 1964 году Ю.М.Лотман отмечал, что сопоставление структур оригинала и перевода и установление критериев их адекватности может стать отправным пунктом при определении своеобразия поэтической структуры вообще [15, 183]. Очевидно, что предметом художественного перевода является идеино-образная структура подлинника, представляющая собой связанные авторской идеей наиважнейшие образы произведения. Элементы этой структуры могут находиться на различных уровнях: фонетическом, ритмическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Но гипотеза о наложении структур оригинала и перевода не реализуется в виде схемы соответствий элементов различных языковых уровней и не отражает сложности подобия идеино-образных структур сравниваемых произведений. На наш взгляд, причины такого несовпадения удачно сформулировала Н.А.Купина: "Единицу текста следует отличать от единицы анализа текста, в качестве единицы анализа (описания, исследования) могут выступать не только линейные, но и малые языковые составляющие текста, любые его части" [10, 8].

Рассматривая проблему сравнения интерпретаций, мы неизбежно наталкиваемся на связанную с ней проблему обоснования единиц текста, которые могут быть положены в основу сравнения, и представления отношений между ними, которое связывало бы эти единицы в единое целое. С нашей точки зрения, требованиям к совокупности таких отношений вполне удовлетворяет композиционная структура текста. В

работе "Стилистика текста" В.В.Одинцов дает ей следующее определение: "Композиция – это группировка по определенной схеме элементов содержания (общих положений, фактов), но сама эта группировка, представляющаяся более или менее сложной, способствует выразительности текста, в большой степени обуславливает его общий характер и отдельные особенности" [20, 133]. Анализ композиции – необходимый элемент стилистического анализа художественного текста. Предложенная В.В.Одинцовым типология композиции включает характеристики десяти композиционных типов, построенных с помощью фактора трансформации и вида развертывания содержания текста [20, 151]. Идея трансформации линейно-нейтрального изложения как основа классификации стилистических приемов и типов композиционного развертывания содержания текста обоснована в "Общей риторике" [19].

Таким образом, можно утверждать, что композиционная структура текста представляет собой набор композиционных единиц-элементов содержания, связанный определенной схемой, которая обладает экспрессивной функцией и, в свою очередь, обусловлена художественной функцией всего произведения. По приведенному выше определению И.Р.Гальперина текст является объединением ряда сверхфразовых единиц (СФЕ), причем, как утверждает О.И.Москальская [18, 18], тема, заключенная в СФЕ, представляет смысловое ядро его содержания и выступает как мельчайшая частная тема текста. Входящие в СФЕ предложения не имеют самостоятельных тем, а лишь дополняют друг друга при раскрытии темы СФЕ. Следовательно, либо СФЕ, либо абзац, (который, по мнению Т.И.Сильман, является относительно заключенным литературно-композиционным отрезком текста [23]), могут выступать в роли композиционной единицы.

На уровне СФЕ образуются целостные художественные образы как результат межобразного взаимодействия представлений, возникающих на уровне предложения и конкретизируемых контекстом СФЕ. В таком случае можно полагать, что образная структура произведения представляет собой его композиционную структуру, объединяющую худо-

жественные образы, которые, в свою очередь, формируются на основе представлений в рамках темы СФЕ.

Проведенный анализ структуры текста позволяет дать следующее определение понятию "художественный образ". Это *композиционная единица художественного текста, отражающая все виды текстовой информации: содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую и характеризующаяся целостностью восприятия (единство темы СФЕ), а также экспрессивной функцией, обусловленной художественной функцией текста*. Исследуя феномен художественного образа, Г.В.Степанов отмечает: "Специфика языкового оформления целостного образа состоит, очевидно, не просто в подчиненности отдельных лингвистических единиц тексту как целому, но в сочетании с самостоятельной (самодовлеющей) содержательной ценностью этих единиц" [24, 147]. Локализовавшись однажды в рамках СФЕ, художественный образ может проходить через другие сверхфразовые единства, уточняясь и обогащаясь в них за счет тематических вариаций, придающих образу динамичность.

Выработанное определение художественного образа позволяет иначе подойти к формированию критерия адекватности перевода подлиннику с позиций функционального подобия. Вполне логично предположить, что максимального совпадения интерпретаций как основы оценки качества перевода можно добиться лишь тогда, когда и прагматическая, и семантическая субструктуры текста будут совпадать хотя бы на уровне его макроструктуры. Это значит, что необходима адекватность элементов двух верхних уровней образной структуры: макрообраза всего текста и его художественных образов с учетом их композиционного взаимодействия. Оба нижних уровня – первичных образов и представлений – допускают переводческие трансформации, но лишь в такой мере, в какой эти трансформации не затрагивают адекватности художественных образов, т.е. при сохранении контекстуальной и подтекстовой информации произведения. Следовательно, художественный образ представляет собой неразложимую экспрессивно-

смысловую единицу перевода художественного текста, и составляющие ее компоненты не имеют права на самостоятельные, не зависящие от нее переводческие трансформации, т.к. это может исказить концептуальную или подтекстовую информацию, представленную в образе.

В результате сам процесс оценки качества переводов представляется последовательностью этапов: постижения подлинника (лингвостилистический и литературоведческий анализ), интерпретация подлинника (интерпретационный анализ), постижение перевода, интерпретация перевода и сравнительный анализ интерпретаций на уровнях макрообраза текстов и их художественных образов. Интерпретационный анализ текста оперирует относительными категориями и анализирует динамику смысловой структуры текста.

Как показал А.Попович [21, 91-93], стилистические категории должны сохраняться в переводе, образуя тем самым гомеостаз стилистической структуры текста в процессе перевода. Стилистическая эквивалентность распространяется и на уровни первичных образов и представлений, хотя используемая здесь эквивалентность переводческих трансформаций имеет ограниченный характер и должна распространяться не только на лексико-грамматические конструкции внутри предложения, но и на тематические связи между целями предложениями. Тем не менее, сохранение здесь стилистической эквивалентности возможно как результат контекстуально детерминированной синонимии, реализующей общий принцип, согласно которому одна и та же информация может передаваться в языке либо синтагматически, либо парадигматически.

Интерпретация художественных образов оригинала является базовой для сравнения тех языковых средств, которые используют автор и переводчик при формировании микроконтекста. Обнаружение образных сигналов как первая задача интерпретации текста, по мнению В.А.Кухаренко [11, 10], происходит в условиях специально организованного контекста, одним из наиболее распространенных принципов которого служит повторяемость. В этом случае повторение ключевых и тематических слов создает в тексте образную перспективу произведения [12].

Что касается стихотворной речи, то здесь ритмическая организация высказывания, а также его композиционная структура имеют некоторую дополнительную несмысловую информацию. В равной мере и рифма, по утверждению Ю.М.Лотмана [14, 61], принадлежит метрической, фонологической и семантической организации текста. От произвольного синтагматического членения прозы, фразировки ее речевого потока, темпа речи, связанного с намерением говорящего, фразировка поэзии отличается тем, что ритм ее задан с самого начала. Таким образом, и метр, и рифма придают экспрессивную окраску поэтическому тексту, усиливая его эмотивную функцию.

Нужно сказать, что эмотивная функция является в художественных текстах, по-видимому, ведущим компонентом эстетического воздействия [6; 17]. Это обстоятельство особо отметил А.Р.Лурия: "Характерно, что "глубина прочтения текста" вовсе не зависит от широты знаний или степени образования человека, она вовсе не обязательно коррелирует с логическим анализом поверхностной системы значений, а больше зависит от эмоциональной тонкости человека, чем от его формального интеллекта. Эта способность оценивать внутренний подтекст представляет собой совершенно особую сторону психической деятельности" [16, 246].

Вводя в качестве одной из шести основных функций языка поэтическую, Р.О.Якобсон назвал ее центральной определяющей функцией словесного искусства [28, 202]. Замечая, что главенствование поэтической функции над референциальной (денотативной) не уничтожает саму референцию, но делает ее неоднозначной, он подчеркивал существование в речи как бы второго, "подводного течения, параллельного значению", связанного со скоплением или столкновением фонем в звуковой ткани строки, строфы или всего стихотворения [28, 225]. Такой параллелизм создает дополнительное эмоциональное напряжение и его сохранение в переводе требует значительных усилий, поскольку жесткая ритмическая организация стиха предъявляет повышенные требования к выбору лексики, усиливая образность каждого слова. В лингвистическом плане это означает смену доминирующей в

повествовательном предложении синтагматической связи, соединяющей различные элементы текста по контрасту, на парадигматическую связь, имеющую четко выраженный ассоциативный аспект.

Таким образом, жесткая сегментация структуры стихотворного текста увеличивает значимость любых элементов речевого уровня, придавая им новое, не всегда осознанное значение, обусловленное их местом в структуре строки или строфы. Отмеченное свойство стиха выравнивает в какой-то мере значимость элементов всех уровней образной структуры оригинала. И при переводе стихотворения необходимо выдерживать уже не один вид параллелизма, а несколько одновременно совпадающих видов на фонетическом, ритмическом и лексическом языковых уровнях. Следовательно, в стихотворном тексте первый образ или представление могут иметь такую же об разную значимость, что и художественный образ, т.е. находиться в фокусе высказывания, резко усиливаемом совпадением параллелизмов. При анализе образной структуры стихотворного текста целесообразно рассматривать элементы обоих уровней как микрообразы, лингвостилистический анализ которых должен проводиться на трех стилеобразующих уровнях: лексическом, ритмико-интонационном и синтаксическом.

Литература

1. Богатырев А.А. Семантическая категория всеобщности как интерпретационный конструкт в художественном тексте // Вісник Київського лінгвістичного університету. – Філологія. Т.4. – Кий, 2001. – С. 61-74
2. Виноградов В.В. О теории поэтической речи. – М.: Наука, 1971.
3. Гальперин И.Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 267-290.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.

5. Гучинская Н.О. Методические рекомендации к спецкурсу "Стилистика стихотворной речи". – Л.: ЛГПИ, 1981. – 87 с.
6. Журавлева Е.И. Эмоциональность, информативность и образность поэтического текста. – Н.Новгород, 1999. – 160 с.
7. Задорнова В.Я. Восприятие и интерпретация художественного текста. – М.: Высш. Школа, 1984. – 152 с.
8. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 150 с.
9. Комиссаров В.Н. Перевод и интерпретация текста // Тетради переводчика. – М., 1982. – Вып. 19. – С.3-19.
- 10.Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. – Красноярск: Изд-во КраснГУ, 1983. – 160 с.
- 11.Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – Л.: Просвещение, 1978. – 328 с.
- 12.Кухаренко В.А., Колегаева И.М., Шевченко Н.Г. Тхор Н.М. Ключевые и тематические слова в оригинале и переводе художественного произведения // Филологические науки. – 1983. – № 4. – С.68-71.
- 13.Левый И. Искусство перевода. – М.: Прогресс, 1974. – 398 с.
- 14.Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. – Л.: Просвещение, 1972. – 272 с.
- 15.Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1964. – Вып.1. – 195 с.
- 16.Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 320 с.
- 17.Малышева Е.В. Структурно-композиционные и лингвостилистические особенности актуализации как особого типа текста. – СПб., 1998. – 154 с.
- 18.Москальская О.И. Грамматика текста. – М.: Высш. школа, 1981. – 184 с.
- 19.Общая риторика / Ж.Дюбуа, Ф.Эделин, Ж.-М.Клинкербергер, Ф. Мэнге, Ф.Пир, А.Тринон / – М.: Прогресс, 1986. – 392 с.
- 20.Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – 264 с.
- 21.Попович А. Проблемы художественного перевода. – М.: Высш. школа, 1980. – 200 с.
- 22.Ризель Э.Г. Теория и практика интерпретации текста. – М.: Высш. школа, 1974. – 184 с.
- 23.Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики – Л.: Просвещение, 1967. – 152 с.
- 24.Степанов Г.В. Несколько замечаний о специфике художественного текста // Сб.науч.труд. МГПИИ им. М.Тореза. – М., 1976. – Вып.103. – С. 143-149.
- 25.Фоллес达尔 Д. Понимание и рациональность // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып.18. – С. 139-159.
- 26.Цвиллинг М.Я. Туровер Г.Я. О критериях оценки перевода // Тетради переводчика. – М., 1978. – Вып.15. – С. 3-8
- 27.Якобсон Р.О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 456 с.
- 28.Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Современный структурализм: "за" и "против". – М., 1975. – С. 193-230 .
- 29.Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. – Wiesbaden., 1997. – 344 S.
- 30.Scharnhorst J. Modelle des Sprachsystems // Linguistische Studien. – Berlin, 1986. – Bd.145. – Reihe A. – S. 42-47.

ОБ ИСТОКАХ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

С давних времен медицинская наука имела свою собственную терминологию.

Известно, что научная терминология играет важную роль в любой области знаний, поскольку она "отображает конкретные понятия в системе наименований, употребляющихся в конкретной науке" [2, 3].

Трудно переоценить ее значение для медицинской науки, поскольку именно терминосистемы составляют основу профессионального языка врача. Профессиональный язык, которым владеет врач на современном этапе – продукт мирового сокровища разных цивилизаций и культур, многофакторных межязыковых контактов, заимствований и трансформаций, действовавших на протяжении тысячелетий [9, 410].

Одной из характерных особенностей медицинской терминологии в целом, и англоязычной медицинской терминологии в частности, является то, что она пополнялась и продолжает пополняться за счет прямого или опосредованного привлечения лексики и словообразовательных средств двух классических языков античного мира – древнегреческого и латинского. Об этом свидетельствует, к примеру, тот факт, что в современной английской медицинской терминологии 2/3 терминов греческого и латинского происхождения [8, 7].

История полупрофессионального и профессионального врачевания насчитывает несколько тысячелетий. "Их (врачей) деятельность – ровесница человека ... Было бы несправедливо считать историю медицины с письменного ее периода" (И.П.Павлов) [Цит по 4, 31]. Истоки языка вра-

чевания следует искать в цивилизациях Древнего Востока. Наиболее ранними дошедшими до нас письменными источниками явились 10 египетских медицинских трактатов, написанных иероглифами на папирусе. Наиболее ценные из них два папируса II в. до н.э. – папирус Эберса и папирус Смита. *Папирус Эберса* (названный в честь ученого-археолога Г.Эберса, нашедшего данный папирус) "Книга приготовления лекарств для всех частей тела" содержит 300 прописей для лечения органов пищеварения, дыхательных путей, ожогов, кровотечений, глазных, кожных и других заболеваний. *Папирус Смита* (названный в честь коллекционера Э. Смита) – часть обширного трактата, наиболее древнего из сохранившихся в истории медицины текстов по хирургии – о строении человеческого тела и оперативном лечении.

На территории Шумера, Вавилона и Ассирии археологи нашли десятки тысяч клинописных табличек, в том числе и медицинского содержания. Среди них имеются и такие, которые использовались как своего рода учебные терминологические словари. Так, ко второй половине II тысячелетия относится сборник, составленный из более чем 30 табличек, в котором по тематическому принципу подобраны названия частей тела, органов, а также обозначения их функций. Другие сборники – комбинации табличек по признакам болезней или по названиям пораженных частей тела, представляющие своего рода номенклатуру болезней [1, 42].

Врачевание, медицинские знания достигли в Египте, Шумере, а затем и в Ассирии определенных успехов, а вместе с ними получила развитие и медицинская литература. Прежде всего вавилоно-ассирийской и египетской культурам обязана древнегреческая медицина, достигшая в древности наибольшей степени самостоятельности.

Наиболее ранними из дошедших до нас древнегреческих письменных источников являются несколько фрагментов медицинских текстов *Алкмеона Кротонского*, датируемые VI в. до н.э.

Имеются еще более древние литературно-художественные (немедицинские) тексты, роль которых в развитии медицинской терминологии несомненна. Это эпические поэмы Гомера "Илиада" и "Одис-

сия". В гомеровском эпосе представлена значительная часть наименований почти всех важнейших частей тела и органов человека. Большинство этих наименований в том или ином виде употребляется в современной анатомии и клинических дисциплинах, например, *blepharon*, *daktylos*, *derma*, *gaster*, *kardie* (*kardia*), *kystis*, *neuron*, *pleure*, *pneumon*, *rhachis*, *thorax* и т.д.. Там же приводятся наименования лекарственных растений, которые собирала русокудрая жена Агамеда, "знавшая свойства всех трав, что растут на земле необъятной" (Песнь XI, 741), а также фигурирует египтянка Полидамна, обучавшая гречанку Елену употреблению многих трав, в частности лишавших сознания ("оглушающих") [Цит. по 4, 32].

Однако фактически история европейской медицины и медицинской терминологии начинается с "Гиппократового сборника" ("Corpus Hippocraticum"), в котором собрано свыше 100 медицинских сочинений, приписываемых величайшему врачу древности Гиппократу (460–377 гг. до н.э.). В данный сборник вошли сочинения не только Гиппократа и его учеников, но и врачей, представляющих иные направления медицины того времени. Из принадлежащих непосредственно Гиппократу сочинений следует назвать самое знаменитое – "Афоризмы", в котором в краткой форме изложена сущность его учения; теоретическое сочинение "Прогностикон" ("Prognosticon"), представляющее общие свойства болезней; "Эпидемии" ("Epidemiae"); "О природе человека" ("Peri physeos tou anthropou") и "Клятва" ("Horos"; лат. "Jusjurandum"), известная в истории как "Клятва Гиппократа".

Специальной медицинской лексики, соответствующей современному понятию термина, в "Гиппократовом сборнике" сравнительно немного. Основную языковую ценность сборника в данном аспекте представляет не столько анатомическая лексика, сколько та, которая относится к области физиологии, патологии, симптоматики и нозологии (от греч. *nosos* – "болезнь", + *logos* – "учение" – учение о болезнях и их классификации). Из сочинений Гиппократа современная английская медицинская терминология унаследовала множество понятий, таких, например, как *apophysis*, *bronchus*, *carcinoma*, *cholera*, *cota*,

emphysema, *epidemic*, *kyphosis*, *nephritis*, *paresis*, *peritoneum*, *polyp* (*polypus*), *typhus*, *ureter* и другие [1, 34].

"Гиппократов сборник" явился основой для последующего развития медицинской терминологии.

Значительный вклад в медико-биологическую лексику внес греческий философ и ученый Аристотель (384–322 гг. до н. э.). Из его сочинений в научный язык вошли такие наименования, как *aorta*, *glaucoma*, *diaphragm*, *leucoma*, *trachea*, *pancreas*, *phalanx* (*phalange*) и другие. Аристотель уточнил специальные значения ряда уже существующих в медицинском лексиконе слов, например, сузил содержание слова *tēninx*, *tēningos* (оболочка) до значения "мозговая оболочка".

С началом эпохи эллинизма (конец IV – I в. до н. э.) центр древнегреческой науки и медицины переместился в Александрию, столицу одной из эллинистических монархий. Здесь сложилась известная во всем мире и предопределившая на многие столетия вперед развитие медицины Александрийская медицинская школа. Особенно прославили ее своей деятельностью два выдающихся врача – Герофил и Эразистрат, оставившие заметный след в медицине, а именно в анатомической терминологии. Если в предшествующую эпоху медицинская лексика обогащалась главным образом путем заимствования слов разговорного языка, то Александрийцы вводят неологизмы – искусственные, специально созданные наименования. Так, например, *Герофилу* (приблизительно 300 – 250 гг. до н. э.) принадлежит авторство таких терминов, как *простата* (в современной англ. терминологии - *prostate*), *диастола* (*diastole*), *систола* (*systole*) и др. [перевод на английский язык из 10]. К нему восходит термин *dodekadaktylon* (двенадцатиперстная кишка; от *dodeka* – что означает "двенадцать" и *daktylos* – "палец"). Герофил впервые обратил внимание на существование лимфатических узлов, ошибочно принял их за железы и назвав *āden* (железа). Это наименование (в лат. переводе – *glandula*) продержалось вплоть до середины XX века, когда было замечено термином *nodus lymphaticus* или *lymphonodus*, однако корень "*gland*" сохранился в английской терминологии и употребляется наряду с термином *node* (сравни: *lymph gland*, *lymphatic gland*, *lymph node*). Заблужде-

ние Герофилла до сих пор дает о себе знать: терминоэлемент *aden-* входит в состав таких, например, терминов, как *adenopathy* (аденопатия) – злокачественная опухоль, развивающаяся из лимфоидной ткани; *lymphadenitis* (лимфаденит) – воспаление лимфатического узла, и др..

Эразистрату (умер прибл. в 250 г. до н. э.) принадлежит авторство таких неологизмов, как *паренхима* (англ. *parenchyma*), *булиния*, букв. "бычий голод" (*bulimia*), *анастомоз* (*anastomosis*), сохранившихся и по сей день, однако несколько изменивших свое значение. Современная медицина обязана Эразистрату таким терминам, как *neura aisthētika* и *neura kinetica* (чувствительные и двигательные нервы), *triglōchines hymens* (трехстворчатый клапан; от *tri* – "три", + *glōchis*, *glōchinos* – "острие, рубец"), более известным в латинском переводе как *valvula tricuspidalis* (от *tri* – "три", + *cuspis*, *cuspidis* – "острие, рубец").

Александрийцы немало сделали для упорядочения и нормализации языка медицины. Именно при их участии он приобрел черты строгости и точности. К их авторитету часто обращались ученые и врачи последующих эпох.

Вплоть до кризиса античного мира греческий язык фактически выполнял функцию международного языка медицины, служил средством профессионального взаимопонимания для врачей разных этнических групп [9, 411].

В этот период латинский язык не оказывал какого-либо влияния на развитие медико-биологической лексики, даже несмотря на установление римского господства над Грецией (146 г. до н.э.) и странами эллинизма. На протяжении всей своей истории латинский язык испытывал сильное влияние греческого.

Со II в. до н.э. Рим начинает осваивать лексику греческой науки, философии и медицины, частично заимствуя вместе с новыми понятиями и обозначающие их термины, латинизируя их. Наряду с этим более активно развивался другой процесс – образование латинских терминов. Основным приемом использования греческой научной и философской терминологии является у римлян калькирование, как сло-

вопроизводственное – образование нового латинского слова по греческому образцу, так и семантическое – сообщение латинскому слову тех специальных значений, которыми обросло греческое [5, 85].

Некоторое представление о латинской специальной лексике, в частности анатомической, можно составить по поэме поэта-философа Лукреция Кара (прибл. 99-55 гг. до н.э.) "О природе вещей" ("De rerum natura"). Описывая строение человеческого тела, Лукреций пользовался как словами литературного латинского языка, так и латинизированными заимствованиями из греческого. Некоторые наименования, использованные в поэме, употребляются в современной Международной анатомической номенклатуре, например: *membra* (конечности), *palatum* (нёбо), заимствованное *brachium* (плечо). Подобно греческим анатомам, обозначавшим и артерии, и вены словом *phleps*, *phlebos* в общем значении "жила", Лукреций пользовался эквивалентным латинским словом *vena*, а для обозначения нервов, сухожилий и связок – словом *nervus*, от греческого *neuron* – жила, примененным для той же цели еще Гиппократом и Герофилем [8, 157].

Единственным сохранившимся полностью медицинским сочинением древних римлян, в котором содержатся ссылки на авторитет греческих врачей, а именно Гиппократа, Герофилла и Эразистрата, является трактат "De medicina" ("О медицине"). Это сочинение, представляющее собою часть не дошедшего до нас обширного энциклопедического труда, было написано на латинском языке Авлом Корнелием Цельсом в I в. н.э. Сочинение, которое считалось безвозвратно утерянным, было случайно обнаружено в 1443 г., спустя 15 веков после его создания, и с этого времени стало доступным европейской медицине.

Используемая Цельсом специальная лексика, нередко с уточненным, а иногда с измененным значением слов, почти полностью вошла в словарь профессиональной медицины, став частью международных анатомических номенклатур конца XIX – середины XX вв. Например: *abdomen* (в современной англ. терминологии – *abdomen*) – брюшная полость, живот; *articulus* (*articulation*) – сустав; *cartilago* (*cartilage*) – хрящ; *cervix* (*cervix*) – шея; *cubitus* (*cubit*) – локтевая кость;

digitus (*digitus*) – палец; *index* (*index*) – указательный палец; *intestinum* (*intestine*) – кишечник; *medulla* (*medulla*) – мозг (у Цельса – костный мозг); *oculus* (*oculus*) – глаз; *pulmo* (*pulmo*) – легкое; *ren* (*ren*) – почка; *tonsilla* (*tonsilla*) – миндалина; *vertebra* (*vertebra*) – позвонок и др.

В меньшей степени в существующую медицинскую терминологию вошли латинские наименования болезней и их симптомов, например: *acutus morbus* (*acute morbus*) – острое заболевание; *cancer* (*cancer*) – рак; *delirium* (*delirium*) – бред, расстройство сознания; *febris* (*febricity*) – лихорадка, *fractura* (*fracture*) – перелом; *papula* (*papule*, *papula*) – папула; *remissio* (*remission*) – ремиссия; *tumor* (*tumor*) – припухлость, опухоль; *tussis* – кашель; *varix* (*varix*) – расширение, вздутие вен; *verruca* (*verruca*) – бородавка.

Так как в эпоху Цельса латинские медицинские термины находились еще в периоде становления, то у него нередко одно и то же слово выражало различные понятия: *vulnus* – 1) рана; 2) язва; *cancer* – 1) раковые образования; 2) омертвение; *Ignis sacer* – 1) опоясывающий лишай; 2) острое воспалительное заболевание типа гастрита [6, 6].

И.Я.Гейберг, отмечая заслуги Цельса в изложении достижений хирургии Александрийского периода, характеризовал весь труд следующим образом: "Медицина дала в I в. н.э. отрадно поражающее произведение – небольшой справочник Корнелия Цельса, – самое лучшее, что внесли римляне во всю научную литературу" [Цит. по 6, 8].

Некоторый вклад в расширение медицинской лексики внес римский писатель Плиний Старший (23-79 гг. н.э.) своим сочинением "Naturalis historia" ("Естественная история") Так, он ввел слово *tinea* (червь) в качестве наименования некоторых кожных заболеваний, а также латинизировал некоторые греческие термины, например, сохранившийся до наших дней термин *параентез* (*paracentesis* от греч. *parakentēsis*) [3, 10].

Поскольку греческий и латинский языки являлись территориально и исторически взаимодействующими языками, недостающие обозначения заимствовались латинским языком из греческого и легко в нем ассимилировались. При этом ряд грецизмов сохранял свою форму полностью, будучи транскрибированным средствами латинского

алфавита с учетом особенностей греческих букв. Так, звуки, обозначенные греческими буквами *χ* (хи), *φ* (фи) и *υ* (тета) римляне передавали соответственно диграфами *ch*, *ph*, *th*: *χοριον* – *chorion*, *φλεγμανια* – *phlegmasia*, *υθωραξ* – *thorax*. Сочетание греческих букв *σχ* (сигма, хи) передавалось в виде *sch*, например: *σχήμα* – *schema*. Начальный звук, обозначавшийся греческой буквой *ρ* (ро) передавался по-латыни диграфом *rh*, например, *ριντης* – *rhinitis*, а в составе производных слов получал дополнительное *r*, например: *αιμορραγια* – *haemorrhagia*. Греческий дифтонг *ai* передавался латинским *ae*; греческий *oi* – латинским *oe*; *ei* буквой *i* или диграфом *ei*; *au* – *au*; *eu* – *eu*. Так, например, перешли из греческого языка в латинский термины *gangraena*, *therapia*, *aura*, *pneumonia* и др... Греческая буква *κ* транскрибировалась обычно буквой *c*, читавшейся в классической латыни как [k]. Однако со временем возникло двоякое чтение буквы *c*: как [k] – перед *a*, *o*, *u*, перед согласными и в конце слова, как [ц] – перед *e*, *i*, *y*, *ae*, *oe*. В словах греческого происхождения, подвергшихся латинизации или иной транскрипции в западноевропейских языках, греческая буква *κ* читалась двояко. Так, от греч. *κεφαλή* (голова) произведены не только термины *кефалография* (англ. *cephalography*), *кефалгематома* (англ. *cephal(o)hematoma*), но и *цефалометрия*, *цефалоцем*, и т.д.

Иногда латинизация затрагивала словоформы: вместо греческих окончаний *-ος*, *-ον* употреблялись латинские *-us*, *-um*, например: *πιλωρος* – *pylorus*, *βραχιων* – *brachium*.

Среди латинизированных греческих слов, дошедших до наших дней, можно встретить, например, следующие: *bronchus* – в первоначальном значении – дыхательная трубка; *carpus* – запястье; *hepar* – печень;

larynx – горло; *necrosis* – омертвение; *pancreas* – поджелудочная железа; *paralysis* – паралич; *pharynx* – глотка; *propolis* – пчелиный клей; *thorax* – грудная клетка [7, 262].

Заимствования укоренились довольно быстро, поскольку большинство практикующих врачей в Риме были греками.

Из них большой интерес к вопросам медицинской терминологии проявил Руф Эффеский (I-II в. н.э.), написавший для изучающих анатомию

небольшое пособие "О назывании частей человеческого тела". Руф ввел термин *diploe* для обозначения губчатой сердцевины кости. Другому греческому врачу *Аретею Каппадокийскому* (I или II в. н.э.) приписывается введение в медицинский лексикон термина *диабет* (англ. *diabetes*). Наименования *экзема* (англ. *eczema*) и *трахома* (англ. *trachoma*) впервые встречаются в сочинениях *Диоскорида Килийского* (I в. н. э.).

Огромное влияние на последующее развитие античной и послеантичной медицины оказало творческое наследие греческого врача, анатома, фармаколога, философа *Клавдия Галена*. Он составил словарь и комментарии к сочинениям Гиппократа, ввел немало новых греческих терминов, уточнил значение старых, возродил почти забытые или малопонятные для его современников гиппократовские термины. Галену принадлежит авторство таких новых для его времени терминов, как *thalamus* – лат. *thalamus* (*зрителный бугор мозга*), *peristalticē kinesis* – *перистальтика*, и др. [9, 31]. В подходе Галена заключались на начальном этапе основные требования, которые впоследствии стали предъявляться к научным терминам, а именно точность и однозначность толкования.

На протяжении всего последующего развития медицинской науки медицинские термины греко-латинской этимологии проникали в терминосистемы национальных языков, ассимилируясь в них и превращаясь в интернационализмы.

Литература

1. Заблудовский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левит М.М. История медицины: Учеб. для студ. мед. ин-тов всех факультетов. – М.: Медицина, 1981. – 352 с.
2. Закалюжний М.М., Андрейчин М.А. Посібник з анатомічної і клінічної термінології. – К.: Здоров'я, 1993. – 224 с.
3. Медицина в памятниках латинской и греческой литературы / Тексты и комментарии / Под общ. ред. Ю.Ф.Шульца. – М., 1966. – 271 с.

4. Мультановский М.П. История медицины: Учеб. для мед. ин-тов. – М.: Медицина, 1967. – 272 с.
5. Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973. – 207 с.
6. Цельс Август Корнелий. О медицине. Пер. с лат./ Под редакцией дейст. чл. АМН СССР В.Н.Терновского и Ю.Ф.Шульца. – М., 1959. – 407 с.
7. Чернявский М.Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии: Учеб. для студ.. – М.: Медицина, 1997. – 336 с.
8. Чикин С.Я. Врачи-философы. – М.: Медицина, 1990. – 383 с.

Словари

9. Энциклопедический словарь медицинских терминов: В 3-х томах. Около 60 000 терминов. / Гл. ред. Б.В.Петровский. – Вступ. статья проф. М.П.Чернянского. Т.3. – М.: Советская энциклопедия, 1982
10. Dorland's illustrated medical dictionary. / Ed 28. – London: W.B. Saunders Comp., 1994. – 1940 p.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВОЙ СТАТУС НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА

Стилевая дифференциация языка в настоящее время – факт общеизвестный, хотя по поводу определения понятия "стиль" до сих пор ведутся дискуссии. Общее определение функционального стиля было дано В.В. Виноградовым еще в 1955 году: "Стиль – это общественно-осознанная и функционально-обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общественного, общеноционального языка, соотносительно с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа" [11, 73].

Лингвистические исследования последних лет свидетельствуют о том, что адекватное описание и определение функциональных стилей невозможно без учета всего множества коммуникативных факторов, лежащих в основе их формирования и функционирования. При изучении функциональных стилей в коммуникативном аспекте традиционно выделяются два основных фактора, реализующих закономерности их организации: коммуникативная сфера и типизированная коммуникативная функция [15, 26]. Представляется, что для более последовательного описания и глубокого осмыслиения функциональных стилей следует исходить из всей структуры коммуникации и рассматривать функциональный стиль и стилеобразование, обращаясь в первую очередь к тем компонентам коммуникативной структуры, которые являются значимыми в функционально-стилевом аспекте.

Научно-популярный текст является объектом исследования многих наук. Он находится в центре внимания психологов, философов, педагогов, библиографов и лингвистов. Круг вопросов, исследуемых психологами, связан с восприятием научно-популярного текста, его пониманием и усвоением заложенной в нем информации. Проблемы научно-популярного изложения нашли свое отражение и в философской литературе. Например, в решении вопроса о диалектической взаимосвязи обыденного и научного познания. Педагоги рассматривают научно-популярную литературу как один из источников, используемых для образования и воспитания молодежи. Библиографы изучают вопросы типологии и классификации научно-популярных изданий, занимаются составлением библиографии научно-популярной литературы. Лингвистические особенности научно-популярной литературы были рассмотрены на материале русского языка Л.А. Баташевой [6], И.И. Барановой [4], Т.В. Ковтун [18], М.Н. Кожиной [21], Н.Н. Маевским [25], О.Л. Моровой [27], Н.В. Поздняковой [28], А. Стельмашук [32], английского языка Г.А. Васюченко [10], С.В. Кислициной [17], С.И. Костыгиной [23], немецкого языка Г.Ш. Айтмухановой [1], Э.В. Будасси [9], О.В. Волковой [12], Л.В. Стегер [31], испанского языка Л.Г. Хакимовой [37].

Спорным остается вопрос о функционально-стилистическом статусе научно-популярного текста.

Часть лингвистов рассматривает научно-популярную литературу как проявление самостоятельного функционального стиля: А.Н. Гвоздев (1965), А.В. Степанов (1966), Н.Д. Андреев (1967), Н.Я. Сердобинцев (1969), Н.Н. Маевский (1979), В.И. Кодухов (1979), Г.А. Васюченко (1980), А. Стельмашук (1987), Н.В. Позднякова (1995), Г.Ш. Айтмуханова (1997) и др. Одним из первых выделил научно-популярный стиль А.Н. Гвоздев, указав на то, что данный стиль – это "сочетание различных стилей, дающих особую разновидность" текста [13, 25]. Автором определены также основные черты, отличающие научно-популярное изложение от собственно научного. Это специфичность использования терминологии, конкретность, иллюстрированность, доступность, живость, увлекательность и эмоциональность [13, 24].

А.В.Степанов отмечает, что "процесс отпочковывания научно-популярного стиля... происходит в связи с общим процессом расслоения стилей литературного языка и в основе его лежат сложные соотношения между формами устной и письменной речи" [33, 85]. Как одну из центральных проблем данного стиля, автор справедливо выделяет проблему читателя: "специфика языка научно-популярной литературы заключается в том, что любое научное понятие, обозначаемое термином, непременно вовлекается в цепь житейских ассоциаций, подчиняясь, таким образом, центральной проблеме научно-популярного стиля – проблеме читателя" [33, 86].

Н.Н.Маевский главным аргументом выделения научно-популярного стиля называет то, что "он в противоположность научному стилю реализует не одну языковую функцию сообщения (коммуникативно-информационную), а две языковые функции: функцию сообщения и функцию воздействия, что определяется особой сферой общения, деятельности, в которой этот стиль используется, – сферой научной популяризации, а в связи с этим и особой по сравнению с научным стилем экстралингвистической основой" [25, 11].

Экстралингвистическое обоснование научно-популярного стиля в работе А.Стельмащук базируется на том положении, что "специфика данного стиля предопределяется отражением в нем совмещения двух видов сознания: бытового и научного, тогда как за спецификой собственно научного стиля стоит лишь научное сознание со всеми вытекающими из этого факта закономерностями теоретического мышления" [32, 3]. Собственно лингвистические критерии, определяющие специфику научно-популярного стиля, должны опираться не на поиски ограниченного набора языковых средств, характерных для того или иного стиля, а на "рассмотрение их специфических функций и особой роли в композиционном устройстве текста" [там же].

Опора на совокупность научного и бытового сознания определяется влиянием фактора адресанта и адресата, сторон, участвующих в процессе коммуникации. Целевая установка научно-популярных текстов – популяризация научного знания для непрофессионалов – опре-

деляет основные стилеобразующие черты, в числе которых выделяются доступность, образность, конкретность, наглядность (Н.Я.Сердинцев, Н.Н.Маевский).

Г.Ш.Айтмуханова рассматривает научно-популярную литературу как "самостоятельный стиль со свойственными только ему специфическими особенностями, которые выделяют его от собственно-научного, оказывают влияние на отбор языковых средств (особая лексика, особый синтаксис, особая организация текста) и на характер их функционирования" [1, 36].

Н.В.Позднякова считает, что "широкая сеть научно-популярных изданий, важность функций, реализуемых этими изданиями, своеобразие стиля, особый отбор лексических и синтаксических средств дают основание расценивать и рассматривать научно-популярный стиль речи не как разновидность научного стиля, а как сложившийся и прекрасно действующий в языке самостоятельный стиль книжной речи" [28, 9].

Мы в целом разделяем позицию ученых, трактующих научно-популярную литературу как манифестацию самостоятельного стиля речи. Вместе с тем интересно рассмотреть, с каких позиций это положение оспаривается теми исследователями, которые оценивают научно-популярную литературу как подстиль или разновидность научного стиля: В.А.Кухаренко, Е.Г.Сошальская (1964), Р.А.Будагов (1967), Е.И.Калмыкова (1969), Т.А.Тимофеева (1969), И.Р.Гальперин (1971), М.Н.Кожина (1971), Э.Г.Ризель (1975), Л.Г.Барлас (1978), М.И.Брандес (1983), О.Д.Митрофанова (1985), Е.С.Троянская (1985), И.И.Баранова (1995), О.Л.Морова (1997) и др.

Т.А.Тимофеева подчеркивает, что "научно-популярное изложение представляет собой разновидность научной речи, так как современные функциональные стили могут иметь множество подразделений в соответствии с речевыми жанрами" [34, 7].

М.Н.Кожина высказывает мнение, что более целесообразно выделять научно-популярный подстиль в пределах одного научного стиля на том основании, что, "несмотря на дополнительное целевое задание, научно-популярное изложение в своей основе принципиально не

отличается от собственно научного, сохраняя все основные и существенные особенности последнего, и даже в использовании средств выразительности и образности не отходит от него далеко" [21, 101].

Л.Г.Барлас рассматривает научно-популярную литературу в рамках научного стиля и отмечает, что научно-популярный подстиль "находится на периферии научного стиля" [5, 70].

В работах О.Д.Митрофановой принадлежность к научному стилю доказывается широким использованием в научно-популярных произведениях элементов научного стиля. По мнению автора, несмотря на очевидное своеобразие научно-популярных текстов, "нет оснований для отнесения их к особому функциональному стилю, поскольку здесь для передачи научного содержания используются те же средства научного стиля – термины, устойчивые и фразеологические сочетания, синтаксические конструкции" [26, 14].

Научная популяризация рассматривается в качестве составной части научной речи на основании общего объекта речи в работах А.П.Грызулиной [14] и Л.Г.Хакимовой [37]. Они считают, что и собственно научные и научно-популярные тексты содержат научную информацию. Однако изложение этой информации зависит от коммуникативной задачи, которую выполняет произведение. "Научно-популярное изложение синтезирует в себе черты многих функциональных стилей. В нем органически соединяются стилевые черты научного функционального стиля, стилистические средства и художественные приемы публистики, тенденция к беллетризации и элементы разговорно-обиходной речи" [37, 3]. "Но это не просто конгломерат разностилевых элементов, здесь есть своя система, которая объединяет все эти элементы в нечто целое" [17, 29].

Е.С.Троянская отмечает, что дополнительная коммуникативная установка – популяризации – связана непосредственно с формой изложения и является важным фактором, "который позволяет уже говорить скорее о подstile" [35, 196]. Иными словами, "научно-популярная литература – это литература научная по содержанию и популярная по форме изложения" [14, 11]. Научно-популярные произведения, сообщая факты и рассказывая о явлениях, "стремятся заинтересовать чи-

тателя, воздействуя не только на его ум, но и на воображение, на чувства" [30, 129].

Такую же позицию разделяет И.И.Баранова: "научно-популярный текст, функционируя как некое единство разрешающих признаков, может быть достаточно удален от научного. Научно-популярные произведения представлены текстами очень широкого диапазона: в некоторых научно-популярных текстах наиболее отчетливо выступают признаки научного стиля, другие же могут находиться правее на шкале "научный текст – научно-популярный текст – научно-фантастический текст..." [4, 34]. Несмотря на безусловное разнообразие научно-популярных произведений, научно-популярный стиль рассматривается в качестве подстиля научного, хотя по отношению к ядру научного стиля он находится, "в основном, на самом краю пограничной зоны" [35, 196].

Л.В.Стегер признает своеобразие научно-популярной литературы и "ее отличие (в плане коммуникативных целей и языковой формы) от собственно научной литературы", но считает "неклесообразным и неправомерным выделять стиль данной коммуникативной сферы в самостоятельный функциональный стиль и противопоставлять его научному функциональному стилю. Решающим аргументом в пользу этого утверждения является, конечно, общность основной предметной области – науки и техники, позволяющая считать научно-популярную литературу одной из форм подачи научной информации, а именно – такой, в которой совмещена специфика научной и частично бытовой среды" [31, 12].

Некоторые ученые относят научно-популярное изложение к **речевому жанру**: А.Н.Васильева, Н.С.Фудель (1972), О.С.Ахманова, М.М.Глушко (1974), Д.Н.Шмелев (1977), С.В.Кислицина (1984).

Интересный подход к рассматриваемой проблеме обнаруживают Н.С.Фудель и А.Н.Васильева, "определая научно-популярную литературу в лингвистическом плане как своеобразный межстилистический речевой жанр, складывающийся на пересечении основных функциональных стилей – научного, разговорного, газетно-публицистического и художественного" [36, 96].

О.С.Ахманова и М.М.Глушко также считают научно-популярную литературу жанровым подразделением внутри научной литературы [3, 9, 14]. Эту точку зрения разделяет Д.Н.Шмелев, рассматривая научно-популярную литературу как особый жанр научной прозы с "заметным отступлением от канона "чисто научного изложения"" [38, 32].

Отсутствие единства мнений относительно статуса научно-популярного изложения объясняется сложностью и неоднородностью научно-популярной литературы, а также и тем, что исследователи подходят к анализу объекта с различных позиций. Трудность в определении статуса научно-популярного изложения, отмечает С.В.Кислицина, обусловлена рядом факторов, в частности гибридностью его образования, переплетением и преломлением языковых средств в научно-популярной литературе, заимствованных из других функциональных стилей, поэтому становится возможным говорить о существовании особыго научно-популярного стиля изложения [17, 28].

Действительно, "лингвистическую основу научно-популярного стиля составляет межстилистическая контаминация – объединение в самостоятельную структурно-функциональную систему типичных для научного, художественно-беллетристического, публицистического и разговорного стилей разнообразных языковых средств и стилистических приемов в результате их функционального взаимодействия, органического слияния, скрещения" [25, 58]. Однако следует отметить, что это не простой конгломерат заданных элементов, когда все они полностью сохраняют собственные черты и свойства. Научно-популярный стиль "дает им качественно новое, функционально своеобразное по сравнению с их использованием в каждом отдельном стиле, из которого они заимствованы и по отношению к которому их можно считать первично отнесенными и относительно закрепленными. Данное соединение, служащее совмещению в научно-популярном изложении научности и доступности, и составляет конструктивный принцип научно-популярного стиля" [25, 58].

Научно-популярная литература содержит в себе информацию о новых достижениях в области науки и техники. Ознакомление и постепенное внедрение их в жизнь зависит от средств и способов распростра-

нения этой информации. Одним из источников распространения являются средства массовой коммуникации (телевидение, радио, печать). Информация может быть представлена в устном или в письменном виде.

К научно-популярному тексту мы относим научно-популярное сообщение, рассчитанное на массового читателя или слушателя-неспециалиста, то есть "сообщение о достижениях науки, высказанное учеными в доступной форме" [20, 196]. Научно-популярный текст в отличие от собственно научного не претендует на исчерпывающее изложение научных проблем и гипотез. Цель и задачи научно-популярного сообщения заключаются в том, "...чтобы доступным и красочным образом дать возможность проникнуть в среду науки и техники, возбудить вкус и желание работать в этой области" [33, 85]. Научно-популярный текст отличается от собственно научного тем, что он хотя и сохраняет частично научную терминологию и клишированность синтаксических конструкций, однако при этом больше, чем все другие типы научных текстов использует эмоционально оценочные средства. Он более нагляден, более эмоционален, более доступен, что и привлекает читателя-неспециалиста.

Все вышеизложенное дает возможность сформулировать необходимое для дальнейшей работы определение научно-популярного текста. В качестве такового мы принимаем определение И.И.Барановой: "Научно-популярный текст – это текст, излагающий научные сведения для неспециалиста в данной области знания и реализующий коммуникативную установку на удовлетворение познавательного интереса адресата" [4, 37].

Литература

1. Айтмуханова Г.Ш.. Стратегии интерпретации немецких научно-популярных текстов (грамматический аспект: Дис.... канд.филол.наук. – М.,1997. – 147 с.
2. Андреев Н.Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. – Л.: Наука,1967. – 403 с.
3. Ахманова О.С., Глушко М.М. Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования. – М., 1974. – 178 с.

4. Баранова И.И. Функциональные особенности научно-популярных текстов: На материале подъязыка физики: Дис.... канд. филол. наук. – М., 1995. – 183 с.
5. Барлас Л.Г. Русский язык. Стилистика. – М.: Просвещение, 1978. – 258 с.
6. Баташева Л.А. Приемы популяризации в различных типах научной речи: Дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1985. – 186 с.
7. Брандес М.И. Стилистика немецкого языка. – М., 1983. – 271 с.
8. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. – М.: Высшая школа, 1967. – 376 с.
9. Будасси Э.В. Популяризация как форма обработки научно-технической информации: Дис.... канд. филол. наук. – М., 1992. – 209 с.
10. Васюченко Г.А. Лексические характеристики английского научно-популярного повествования: Дис. ... канд. филол. наук. – Днепропетровск, 1980. – 172 с.
11. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкоznания. – 1955. – № 1. – С.60-87.
12. Волкова О.В. Функционально-коммуникативный аспект научно-популярного текста: Дис... канд. филол. наук. – М., 1988. – 209 с.
13. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1965. – 408 с.
14. Грызулина А.П. Чтение научно-популярной литературы в старших классах средней школы: Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1966. – 15 с.
15. Ирисханова К.М. Коммуникативные форманты стиля // Сб. науч. трудов МГПИИ им. М.Тореза. – 1987. – Вып. 286. – С.26-30.
16. Калмыкова Е.И. Образность как лингвистическая категория в современной научной прозе: Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1969. – 23 с.
17. Кислицина С.В. Лингвостилистические средства научно-популярного изложения: Дис... канд. филол. наук. – М., 1984. – 188 с.
18. Ковтун Т.В. Типы наименований текстов в научно-популярном стиле: Дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1990. – 182 с.
19. Кодухов В.И. Введение в языкознание. – М.: Наука, 1979. – 315 с.
20. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. – Пермь: Изд-во Перм. гос. унта, 1966. – 213 с.
21. Кожина М.Н. Некоторые замечания по вопросу классификации функциональных стилей // Исследования по стилистике. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1971. – С. 99-112.
22. Коробова Л.А. Заглавие как компонент текста (на материале газетной публистики ГДР): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 23 с.
23. Костыгина С.И. Коммуникативно-прагматическая направленность современного англоязычного научно-популярного текста: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 17 с.
24. Кухаренко В.А., Сошальская Е.Г. Конспект лекций по стилистике английского языка. – Одесса, 1964. – 49 с.
25. Маевский Н.Н. Особенности научно-популярного стиля: Дис... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1978. – 234 с.
26. Митрофанова О.Д. Научный стиль речи. Проблемы обучения. – М.: Русский язык, 1985. – 128 с.
27. Морова О.Л. Средства речевого контакта в различных функциональных стилях (на материале русского и английского языков): Дис... канд. филол. наук. – Саратов, 1997. – 148 с.
28. Позднякова Н.В. Метафора в научно-популярном стиле: Дис... канд. филол. наук. – Белгород, 1995. – 209 с.
29. Ризель Э.Г., Шендельс Е.И. Стилистика немецкого языка. Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1975. – 316 с.
30. Сердобинцев Н.Я. Выразительность как средство становления научно-популярного стиля литературного языка // Проблемы лингвистической стилистики. – М.: МГПИИ им. М.Тореза, 1969. – С. 129-131.

31. Стегер Л.В. Средства выражения экспрессивности в научно-популярном тексте (на материале немецкого языка): Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1990. – 16 с.
32. Стельмашук А. Функционирование вопросительных предложений в научно-популярном стиле: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 15 с.
33. Степанов А.В. Проблемы стиля научно-популярной литературы // Вопросы стилистики. – М.: МГУ, 1966. – С. 83-88.
34. Тимофеева Т.А. Некоторые речевые приемы популяризации в научно-популярной литературе: Дис... канд. филол. наук. – Краснодар, 1969. – 262 с.
35. Троянская Е.С. Особенности жанров научной литературы и отбор текстов на разных этапах обучения научных работников иностранному языку // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. – М.: Наука, 1985. – С. 189-201.
36. Фудель Н.С., Васильева А.Н. Научно-популярный жанр // Вопросы стилистики в преподавании русского языка иностранцам. Под ред. А.Н. Васильевой. – М.: МГУ, 1972. – С. 96-113.
37. Хакимова Л.Г. Научно-популярный стиль в русском и испанском языках (на материале текстов научно-популярных биографий): Автореф. дис канд. филол. наук. – М., 1993. – 21 с.
38. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
39. Galperin I.R. Stylistics. – Moscow, 1971. – 334 с.

O.H. Гуменная

ПОСТУЛАТ РЕЛЕВАНТНОСТИ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Данное исследование посвящено анализу реализации коммуникативного постулата релевантности, сформулированного Г.П.Грайсом в рамках его теории речевого общения. Предметом нашего изучения явились англоязычные тексты рекламы, тематически объединенные понятием "автомобиль".

Впервые идея прагматической релевантности была высказана Г.П.Грайсом [5, 217-237] при описании выдвинутого им общего Принципа кооперации. Г.П.Грайс полагал, что участники речевой коммуникации в нормальных условиях имеют общей целью достижение взаимопонимания, что возможно при условии соблюдения ими данного Принципа, включающего в себя ряд постулатов (максим) [об этом см.: 12, 10].

Коммуникативные постулаты, каждый из которых сопровождается максимами, делятся на четыре категории. Вслед за Кантом, Грайс назвал их категориями Количество, Качество, Отношения и Способа:

1) к категории Количество относятся постулаты информативности, сформулированные в виде директивных высказываний, или максим ("Твоё высказывание должно быть достаточно информативным"; "Оно не должно содержать лишней информации");

2) к категории Качество – постулаты истинности ("Говори правду" или, по крайней мере, "Не говори того, что ты считаешь ложным"; "Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований");

3) к категории Отношения – постулат релевантности ("Не отклоняйся от темы!");

4) к категории Способа – постулаты ясности выражения ("Выражайся ясно"; "Избегай непонятных выражений"; "Избегай неоднозначности"; "Будь краток"; "Будь организован") [5, 226].

Следует отметить, что на сегодняшний день наименее четко сформированной и менее всего исследованной остается категория Отношения.

С трактовкой постулата релевантности связаны некоторые проблемы, вызывающие у исследователей серьезные затруднения, в частности вопрос о том, каковы возможные типы релевантности и ее фокусы, как они смещаются в речевом общении, например, при смене предмета разговора. На эти вопросы, сформулированные еще самим Грайсом [5, 223], исчерпывающие ответы пока не найдены.

Излагая свое понимание релевантности, Г.П.Грайс упоминает следующие характеристики:

– категория Отношения и принцип релевантности присущи не только речевой деятельности: "На каждом шаге совместных действий мне естественно ожидать, что вклад партнера будет уместен по отношению к непосредственным целям данного шага. Когда я замешиваю тесто, я не ожидаю, что вы подадите мне интересную книгу или даже кухонное полотенце" [5, 224];

– между выделенными четырьмя категориями (Количества, Качества, Отношения и Способа) и соответствующими им постулатами иерархические отношения неясны: постулат релевантности может быть более "сильным", чем, например, отдельные постулаты категории Количества [там же, 230];

– исчерпывающее объяснение Принципа кооперации невозможно по крайней мере до тех пор, "пока не будет достигнута ясность в отношении природы релевантности и тех условий, в которых релевантность необходима" [там же, 226]. Как отмечает В.Р.Ястржемский, постулат релевантности может использоваться и вне собственно коммуникативной категории Отношения, например, в связи с категорией Способа, а именно в связи с подчиненным постулатом ясности [12, 12-13], т.е. правомерно говорить о релевантности той или иной "формальной характеристики выражения" [5, 236]. Грайс говорит также о релевантности интерпретации [там же, 233].

По мнению М.Даскала, при таком подходе Грайса очень трудно, если не невозможно, предсказать, какие критерии следует использовать в каждом конкретном случае, если нужно, например, оценить степень релевантности того или иного высказывания [12, 11].

Д.Гордон и Дж.Лакофф попытались скорректировать трактовку данного понятия: "В ситуациях, когда участники взаимодействуют друг с другом, предполагается, что говорящий передает такой объем содержания, который он считает релевантным с точки зрения адресата его высказывания" [4, 284].

Радикальная попытка переосмыслиния и разработки понятия pragmatischen релевантности была предпринята на протяжении 80-х годов в работах Д.Шпербера и Д.Уилсон, которые предложили следующие определения релевантности:

1. "Некоторое допущение является релевантным в определенном контексте тогда и только тогда, когда оно имеет в данном контексте какой-либо контекстуальный эффект" [11, 216].

2. "Допущение является тем релевантнее в некотором контексте, чем больше его контекстуальные эффекты в данном контексте и чем меньше когнитивные усилия, необходимые для его обработки" [там же, 218].

Эти определения делают возможной оценку степени релевантности; критерием при этом может служить, в частности, большее или меньшее когнитивное усилие при восприятии высказывания.

Развивая далее теорию всеохватного Принципа кооперации, Е.В.Падучева [9] разделяет выдвинутые Грайсом коммуникативные постулаты, или максимы дискурса на аналогичные четыре группы, которые, однако, обозначает более прозрачными именами. Она перечисляет постулаты информативности (они же постулаты категории Количества у Грайса), постулаты истинности (категории Качества), постулат релевантности (категории Отношения) и постулаты ясности выражения (категории Способа). Интересующий нас постулат релевантности у Е.В.Падучевой формулируется в виде следующих максим: "Будь релевантен", т.е. "Говори то, что в данный момент имеет отношение к делу" [9, 84].

С точки зрения Е.В.Падучевой, этот постулат в значительной мере совпадает по вытекающим из него импликатурам с презумпцией связности текста, со сменой темы разговора, т.е. со смещением фокуса. Под импликатурами понимаются "компоненты содержания высказывания, не входящие в собственно смысл предложения и в то же время передаваемые с достаточной надежностью от говорящего к слушающему" [9, 83].

В настоящей статье в качестве исходного пункта принимается первоначальное толкование постулата релевантности, выраженное максимом "Не отклоняйся от темы!". Наши рассуждения базируются на предпосылке того, что фокусом релевантности в тексте, рекламирующем автомобили, является основная тема, тематическое ядро – автомобиль (его название, марка). Такой выбор фокуса релевантности продиктован наиболее важной прагматической задачей рекламодателей – убеждением читателя в привлекательности рекламируемого объекта и побуждением его к последующему некоммуникативному действию, а именно, приобретению товара. Степень релевантности будем оценивать с точки зрения приближенности задействованных в рекламном сообщении тем к смысловому ядру.

Материалом исследования послужили англоязычные тексты рекламы автомобилей, содержащиеся в современных британских и американских изданиях журналов *Cosmopolitan*, *Autocar and Motor*, *Playboy*, *Harper's Bazaar*, *Elle*. Хронологически выборка ограничена рамками 1990-2000 годов. Общий объем составил около 100 текстов.

Текст рекламы автомобиля (TPA) рассматриваем как поликодовое сообщение, в котором текстовые (вербальные) и изобразительные компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое целое [1, 73]. Основная тема – "автомобиль" в анализируемых сообщениях проявляется как в текстовом ряде (заголовок и основной текст рекламного сообщения), так и в изобразительном (иллюстрация, фото) [8, 6]. Собственно текстовый ряд здесь будет рассмотрен только на материале заголовков ТРА, т.к. именно эта часть текста является структурно и психологически сильной и расположена в наиболее благоприятных для восприятия позициях [2, 7].

Рассмотрим особенности функционирования постулата релевантности на следующих примерах.

Заголовок "*TO SURVIVE out here you'll need a needle, thread and a Jeep Wrangler*" (*Cosmo*, июнь, 1998) содержит эксплицитно выраженную информацию о рекламируемом товаре, т.е. название марки автомобиля (*Jeep Wrangler*). Однако, несмотря на то, что тематическое ядро ТРА в данном заголовке четко выражено (*Jeep Wrangler*), не представляется возможным считать подобный заголовок максимально релевантным, т.к. сопутствующие дополнительные темы (*needle, thread*) характеризуются отсутствием внеконтекстной тематической, ассоциативной связи с основной темой рекламного текста, что позволяет говорить об отступлении от постулата релевантности. Раскрытие содержания подобных заголовков, имеющих дополнительные нерелевантные темы, осуществляется посредством привлечения рекламного контекста. Рекламный контекст представляет собой особое сложное целое, составляющими которого в частности являются: вербальный контекст, визуальный (изобразительный) контекст, фоновые знания [6, 12].

Нерелевантные темы в рассматриваемом заголовке могут быть декодированы с помощью дополнительного поликодового сообщения, в котором "нить" и "игла" трактуются как средства, необходимые для выживания в пустыне. На фотографии изображена иголка, горизонтально подвешенная на нитке, а также способ намагничивания иголки: руки, держащие иголку и магнит. Вербальная часть этого дополнительного сообщения гласит: "*a needle ... stroked repeatedly in one direction with ... a magnet will become magnetized and point North*". Видеоряд основного рекламного сообщения представляет собою фотографию безбрежной пустыни, на переднем плане песчаные барханы, колючки, никаких следов дороги. По пескам движется джип. В подобном контексте иголка с ниткой и джип *Wrangler* упоминаются как одинаково ценные объекты, которые помогут выбраться из пустыни, спасти свою жизнь, не случайно начало слогана подано крупным кеглем: "*TO SURVIVE out here you'll need a needle, thread and a Jeep Wrangler*".

Дополнительная, нерелевантная информация направлена на создание ситуации, в которой рекламируемый автомобиль воспринимается не столько как качественное средство передвижения, сколько как надежный способ выживания. Сопоставление нерелевантных дополнительных тем с основной темой ТРА способствует презентации объекта рекламы в неожиданном, нестандартном, нестереотипном контексте, что, в свою очередь, помогает привлечь внимание адресата к заголовку, ТРА в целом, а, следовательно, и к товару.

В рекламе автомобилей каждое конкретное сообщение иллюстрирует и нацелено на продвижение конкретной марки авто. Отсутствие данных о марке, модели рекламируемого товара полагаем отклонением от принципа релевантности. Рассмотрим заголовки, не несущие эксплицитно выраженной информации о товаре (названии модели автомобиля), но содержащие некоторые идентификаторы смысла. Например, "The car for the 90'S" (*Autocar & Motor*, апрель, 1990), "All the comforts of a much, much, much bigger car" (*Cosmo*, июнь 1995).

Рекламный заголовок "The car for the 90°S" содержит, гипероним "car", его гипоним "The Astra GTE", т.е. точное обозначение типа автомобиля, появляется только в массиве рекламного вербального текста. Следует, однако заметить, что видеоряд содержит фотографию, на которой изображен именно тот тип авто, который рекламируется.

Особенностью выраженности тематического поля в подобных заголовках является, во-первых, незначительное смещение фокуса релевантности и, во-вторых, наличие дополнительных тем (например, указание на комфортабельность, безопасность, надежность рекламируемого автомобиля без верbalного обозначения его марки). В заголовке данного текста графическими средствами обыгрывается числовое обозначение "for the 90°S". Использовав знак "°" (градусы) вместо "" (апострофа), рекламисты придали многозначность вербальному высказыванию. С одной стороны оно читается как "90 годы" (напомним, что реклама опубликована в апрельском номере за 1990 г.). С другой стороны, с опорой на визуальный и вербальный контекст, оно читается как 90° по Фаренгейту. Фотография изображает автомобиль

кабрио (без крыши) на фоне испепеленной солнцем равнины, засохшего дерева. Текст рекламы в первом же предложении вводит тему "*hot weather*". Таким образом акцентируется тезис об уместности, комфортабельности данной марки авто в жаркое время года. Полагаем, что это свидетельствует о некотором нарушении постулата релевантности, поскольку имеет место преднамеренное выделение другого тематического центра, что позволяет сфокусировать внимание адресата в первую очередь на уточняющих, дополняющих положительных сведениях о товаре и только потом, на самом рекламируемом объекте.

Вышеуказанные дополнительные темы характеризуются достаточно высокой степенью приближенности к основному тематическому ядру. Например. "*All the comforts of a much, much, much bigger car*" (*Cosmo*, июнь 1995). В данном заголовке наблюдается не только нарушение принципа релевантности, но и постулата Способа "Будь краток". Трехкратный повтор интенсификатора "much" смещает фокус релевантности, выдвигает на первый план не столько сам объект, сколько его характеристики.

Комфортабельность рекламируемого автомобиля, обозначенного гиперонимом "car", акцентируется не прямо, а через ссылку к иному, более дорогому, более шикарному, более просторному авто. Гиперонимическое, а следовательно более точное обозначение рекламируемой марки появляется в первой фразе вербального сообщения: *Cinquecento SX*. Сопоставление этого автомобиля с лимузином, традиционно воспринимаемым как очень большая и комфортабельная машина, происходит в заголовке вербально и пиктографически. На фотографии Фиат Чинквеченто как бы растянут в длину, та часть корпуса машины, которая растягивается, представляет собой заголовок рекламного сообщения. Таким образом видим, что тема комфортабельности маленькой и недорогой машины выдвигается в центр внимания. Поскольку физические параметры автомобиля (размер) и связанные с ними психологические параметры (ощущение комфорта) входят в диапазон тем, приближенных к тематическому ядру, можно говорить об оправданном отклонении от постулата релевантности.

Анализ ТРА свидетельствует о том, что существуют заголовки, не содержащие эксплицитно выраженной информации о рекламируемом объекте.

В таких заголовках отсутствует тематическое ядро "автомобиль", т.е. в них в значительной степени нарушается постулат релевантности. Например, "*The only thing to be seen in this summer*" (*Cosmo*, июнь 1998), "*The world is not round*" (*Cosmo*, июнь 1998). Особенности декодирования информации в подобных заголовках является обязательное привлечение тех или иных составляющих рекламного контекста.

В первом рекламном сообщении на фотографии изображена машина марки *Citroën Xsara Coupe*, позади которой стоит обнаженная Клаудия Шиффер. Впоследствии текст рекламы "объясняет", что знаменитой фотомодели нет необходимости надевать на себя одежду, т.к. рекламируемый автомобиль столь же удобен, красив, функционален, как и самая дорогая одежда. Коммуникативная нерелевантность заголовка "*The only thing to be seen in this summer*" состоит во множественности трактовок слова "*thing*", только одна из которых – это обозначение объекта рекламы, автомобиля.

Во втором из упомянутых выше случаев рекламный заголовок не содержит никакого упоминания о рекламируемом товаре. Разрушение устоявшегося, даже банального высказывания о том, что земля круглая выражено в заголовке "*The world is not round*". Видеоряд и расположение вербальной части сообщения акцентируют это парадоксальное высказывание за счет показа рекламируемого "внедорожника" *Toyota Land Cruiser Colorado* на фоне совершенно дикого пейзажа, отвесных утесов, острых скал, грубых камней, покрывающих горный уступ, по которому может двигаться машина. Эффект жесткости, враждебности окружающей среды усиливается следующим изобразительным приемом: фотография имеет не ровные, но зазубренные края. Верbalное сообщение расположено не в линию, но в зигзагообразном порядке. В итоге адресат невольно идентифицирует себя с пассажиром или водителем машины, которая движется по очень неровной поверхности. Таким образом, проходимость автомобиля, его надежность в самых экстремальных дорожных условиях – это основная тема данного рекламного текста.

В заголовке "*Guided Missile*" (*Autocar & Motor*, 1998, vol. 216 №10) не соблюdenы постулат релевантности и постулат истинности (употребление метафорического значения). Подобный заголовок не может быть адекватно истолкован без соотнесения с изобразительным контекстом. Фото автомобиля *BMW*, мчащегося на большой скорости (эффект размытых очертаний) в сочетании с огненного цвета полосами, позволяет адресату идентифицировать объект рекламы и осмыслить возникшую импликацию: автомобиль *BMW* – мощную, скоростную, реактивную машину, с механизмом, отложенным с военной точностью. Имплицитно выраженные характеристики (скорость, мощность и т.д.) принадлежат тематическому полю "автомобиль", соответственно оправдывают нарушение постулата релевантности.

Из ста проанализированных текстов рекламы автомобилей, все сто ТРА содержат изображения рекламируемых объектов. Исследуемые визуальные сообщения (фотографии, рисунки, схематические изображения) можно разделить на три группы. Видеоряд первой группы построен в соответствии с постулатом релевантности, т.е. не содержит информации, отклоняющейся от основной темы "рекламируемый автомобиль".

Содержание видеоряда второй группы характеризуется некоторым отступлением от постулата релевантности, т.к. содержит дополнительные визуально выраженные темы. Это отступление можно считать не значительным, поскольку дополнительная информация максимально приближена к тематическому ядру (например, изображение дороги, светофора, ремонтной автомастерской, автомойки, покрасочного бокса и т.п.).

Третья группа содержит дополнительные темы, которые формируют следующее, с большим радиусом отдаления от ядра поле, состоящее из оценочных, эмоциональных и т.п. характеристик объекта рекламы. Этую группу отличает наиболее значительное отступление от постулата релевантности. Примером может служить изображение автомобиля *Renault* в зале картинной галереи (*Bazaar*, июнь 1998). Помещение объекта рекламы в столь необычное окружение способствует выражению положительной оценки, т.к. автомобиль в визуальном ряде рекламного сообщения представлен в качестве выставочного экспоната.

Соблюдение/несоблюдение постулата релевантности в вербальных и изобразительных компонентах ведет к возникновению разных видов отношений между ними.

Основными видами внутритекстовых структурно-семантических отношений между обоими компонентами являются автосемантические и синсемантические. Для автосемантических отношений характерна автономность, относительная независимость верbalного компонента от изобразительного: он обладает смысловой самостоятельностью вне соотнесения с изобразительным контекстом. Для синсемантических отношений характерна зависимость верbalного компонента от изобразительного: вербальный компонент не обладает смысловой самостоятельностью или не может быть правильно истолкован вне соотнесения с изобразительным компонентом [1, 74].

Автосемантические отношения могут быть характерны для заголовков, в которых либо полностью соблюден постулат релевантности, либо отступления от постулата незначительны как, например, в заголовках, содержащих дополнительные темы, максимально приближенные к основному тематическому ядру. Вышеуказанные заголовки обладают смысловой самостоятельностью вне связи с изобразительным контекстом. Все остальные отношения будут синсемантическими.

В заключении следует подчеркнуть, что нарушение коммуникативного постулата релевантности является одним из средств, способствующих созданию и расширению тематических полей, ядром в которых является рекламируемый объект. Возможность объединения темы "автомобиль" с такими понятиями как "комфорт", "престиж", "надежность", "стиль жизни" и т.п. позволяет учесть уже существующие установки, миропонимание, жизненный стиль, мотивацию, интересы читателя [7, 7] и создать общую для участников рекламной коммуникации модель мира. Этот факт имеет особое значение, поскольку несоответствие моделей мира у адресанта и адресата, служит источником неполноценной коммуникации – непонимания [9, 93], вследствие которого возникают коммуникативные затруднения и неудачи.

Смещение фокуса релевантности может также иметь своей целью создание единой оценочной модели мира, что позволит соединить типы объектов рекламы и типы адресатов. В результате создается определенный "знаковый продукт" [10, 303], т.е. автомобиль воспринимается не только как средство передвижения, но и как, например, гаранты безопасности жизни, признак определенного социального статуса, предмет роскоши.

Исследование особенностей функционирования постулата релевантности в рекламном тексте, а также изучение направленного распределения информации в ТРА соответственно степени ее релевантности позволит изучать коммуникативные, когнитивные, социальные и идеологические условия производства этих текстов, а также их обработку, и, следовательно, запоминание и использование читателями [3, 241-252].

Литература

1. Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст // Вопросы языкознания. – М., 1992. – Вып.1. – С.71-78.
2. Баркова Л.А. Прагматический аспект использования фразеологизмов в рекламных текстах: Автореф. дис. ...канд.филол.наук, М., 1983.
3. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 241-252.
4. Гордон Д, Лакофф Дж. Постулаты речевого обращения // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып.16. – С.276-302.
5. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып.16. – С.217-237.
6. Лочмелес Г.Д. Заголовок в тексте англоязычной коммерческой рекламы: Автореф. дис. ...канд.филол.наук, – Л., 1998.
7. Мальцева О.В. Разноуровневый повтор в англоязычном рекламном тексте: Автореф. дис. ...канд.филол.наук, – СПб, 1991.

8. Моисеенко И.П. Прагмалингвистическая организация рекламного текста. Макро- и микроанализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, – Киев, 1996.
9. Падучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. – М., 1982. – Вып. 18. – С. 76–118.
10. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. – М., 2000. – С. 291–306.
11. Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике – М., 1988. – Вып. 23. – С. 212–233.
12. Ястржембский В.Р. Понятие релевантности // Прагматика и семантика: Сб. научно-аналитич. обзоров. – М., 1991. – С. 10–27.

Л.И. Демьянова

НОВЕЙШИЕ ИТАЛЬЯНИЗМЫ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Итальянизм – слово или выражение, являющееся по происхождению итальянским и проникшее или уже освоенное другим языком. В данной работе итальянизмы понимаются широко; к ним относятся слова разной степени освоенности: 1) собственно заимствования, полностью освоенные языком-реципиентом, 2) иностранные слова, сохраняющие следы своего иноязычного происхождения, 3) экзотизмы, обозначающие свойственные Италии и итальянскому народу понятия и реалии, 4) проникновения, вошедшие как синонимы к уже имеющимся словам [1, 159].

В работе рассматриваются слова, имеющие различную частотность и распространенность: от узкоспециальных и отмеченных в одном лишь источнике (*ведута* "разновидность пейзажного жанра", *аччакатура* "форшлаг") до получивших повсеместное распространение и присутствующих сегодня почти во всех языках мира (*чайо, спагетти, пицца*).

Предметом анализа в статье являются итальянизмы, впервые отраженные в русской и/или украинской лексикографической литературе в 1950–2000 гг. Критерием отбора в русском языке стала фиксация итальянизмов в словарях, начиная с выхода в свет Большой Советской Энциклопедии (1969–1978 гг.); в украинском языке – отражение в словарях, начиная с Українсько-російського словаря (1953–1963 гг.). Источниками сбора материала послужил ряд крупнейших изданий как собственного лексикографического, так и энциклопедического характера на русском, украинском и итальянском языках, опубликованных с 1960-х гг. [4–29].

Данная работа строится на двух выборках. Материалом для статьи послужила собственно первая выборка – итальянизмы, отмеченные в русских и/или украинских словарях, опубликованных начиная с 50-х гг. (см. табл. 1 и 3). Для сравнения использовались материалы второй выборки – итальянские заимствования, освоенные русским и/или украинским языком до периода 50-х гг. двадцатого столетия (см. табл. 2 и 3). Критерием для определения итальянизма как заимствования новейшего периода в русском и украинском языках послужила его первая лексикографическая фиксация в течение последнего пятидесятилетия.

Как правило, итальянизмы параллельно отмечены как в словарях русского, так и украинского языков. Для исследования использовались как нашедшие свое отражение только в русских источниках, так и зафиксированные лишь в украинских изданиях. Дефиниции итальянизмов приводятся в соответствии с указанными словарями.

С точки зрения понятийной отнесенности можно выделить следующие группы итальянской по происхождению лексики.

1. Самой многочисленной является лексика, относящаяся к сфере культуры, музыки и театра (39,1%). Сюда относятся термины общего характера: русское (далее р.) *биеннале*, украинское (далее у.) *біснale* "мероприятие, проводимое регулярно в 2 года, напр., выставка, кинофестиваль" – итальянское (далее ит.) *biennale*; р., у. *еризм* "близкое к натурализму течение в литературе, изобразительном искусстве и оперной музыке" – ит. *verismo*; также р., у. *герметизм* "модернистское направление в итальянской поэзии 20-30 гг. XIX в.", р. *травестия*, у. *травестія* "юмористическая поэзия, основанная на гротескно-комическом "переинчавании" классических поэтических произведений", р. *триеннале* "мероприятие, проводимое регулярно раз в три года, например, выставка, кинофестиваль и т.п.". Можно выделить группу терминов, относящихся к истории итальянской культуры: р., у. *ученто* "XIII век" – ит. *duecento*, р., у. *треченто* "XIV век" – ит. *trecento*, р., у. *кватроценто* "XV век" – ит. *quattrocento*, р., у. *чинквиченто* "XVI век" – ит. *cinquecento*, р., у. *сеченто* "XVII век" – ит. *seicento*.

Весьма многочисленна музыкальная лексика – как правило, это узкоспециальные термины. Здесь можно выделить названия музыкальных инструментов: р. *пифферо*, у. *піферо*, р., у. *пандурина*, р. *clavecinbało*, р. *гравичембаło*, р. *аркічембаło*, у. *аркічембало*; названия танцев: р. *сицилиана*, у. *сициліана*, р. *тедеска*, р. *трещца*, р. *пассамеццо*, у. *пасамеццо*, р. *павана*, р., у. *гальярда*, р. *вольта*; названия песен: р. *баллада* "лирический песенный жанр, распространенный в Италии в 13-15 вв." – ит. *ballata*; р. *бриндизи*, у. *бріндізи* "застольная песня" – ит. *brindisi*, р. *вилланела*, у. *віланела*, р. *виллотта*, у. *вілотта*, р., у. *бергамаска*, р. *фrottola*; названия пьес, жанров или частей крупного музыкального произведения: р., у. *бурлеска* "музыкальная пьеса шутливого, иногда грубовато-комического содержания" – ит. *burlesca*, р. *облизато*, р.у. *партита*, р. *новеллетта*, у. *новелетта*, р. *мореска*, р. *кодетта*, р. *качча*, у. *кача*, р. *дуэттино*, у. *дуетіно*, р. *кампанелла*, у. *кампанела*, р. *кабалетта*, у. *кабалета*, р. *интрада*, у. *інтрада*, р. у. *ламенто*; названия способов и приемов исполнения: р., у. *ажитато* "возбужденно, взорванно" – ит. *agitato*, р. *апассионато*, у. *анасионато* "страстно" – ит. *appassionato*; р. *анимато*, у. *анімато*, р., у. *состенuto*, р. *вibrato*, у. *вібрато*, р., у. *остинато*, р., у. *декрецено*, р. *диминуэндо*, у. *димінуєндо*, р. *стретто*, у. *стрето*, р. *виваче*, у. *віваче*, р., у. *дольче*, р. *легатиссимо*; термины музыкальной грамоты: р. *аподжсіатура*, у. *аподжіатура* "форшлаг" – ит. *appoggiatura*; р., у. *мордент* "вид мелизма, мелодическое украшение" – ит. *mordente*, а также р. *камбіата*, р., у. *да-ка-по*, р. *скордатура*, р. *сольмизация*, р., у. *тират*, р., у. *терцдецима*, р. *тенуто*; театральные термины: р. *пастично*, у. *пастічо* "опера, музыка которой заимствована из различных ранее написанных опер" – ит. *pasticcio*, р. *компримаріо* "оперный артист, исполняющий второстепенные партии" – ит. *comprimario*, а также р. *дзанни*, у. *дзані*, р. *комедія-буфф(a)*, р. у. *опера-буфф(a)*, р. *опера-серія*, р. *опера-семисерія*, р. *концерто гроссо*.

2. Второй по количеству новейших итальянизмов является лексика, относящаяся к сфере экономики, коммерции, банковского дела (13%): р. *камбист*, у. *камбіст* "лицо, занимающееся вексельными

операциями и торговлей иностранными монетами" – ит. *cambista*; р., у. *локо* "условие сделки, означающее, что назначаемая продавцом цена товара не включает расходы по его транспортировке" – ит. *loco*.

3. Сфера быта 12%. Образ Италии зачастую связывается с гастрономией, что проявляется, в частности, значительным числом итальянцев с соответствующей семантикой. Среди названий напитков отмечаем: р. *кьянти*, р. *амаретто*, р. *martини*, р. (*кофе*)-*эспрессо*, р. *капучино*; блюд – р. *равиоли*, р. *лазанья*, у. *лазани*, р. *пиниоли*, р. *пекорино*, р. *моцарелла*, р. *горгонзолла*, р. *спагетти*, которые "едят во всем мире, это слово присутствует в словарях всех языков" [2, 132].

К сфере быта можно отнести также такие лексемы, как р. *пиццерия*, у. *піцерія* "кафе, где готовят и продают пиццу", р., у. *болонья* "капроновая плащевая ткань" – ит. *bologna*. Большая часть упомянутых здесь заимствований приходят в русский и украинский язык вместе с обозначаемыми ими реалиями, что позволяет им оставаться достаточно стабильными; такие слова иногда называют "заимствованиями по необходимости" [3, 441].

Отдельно следует сказать о самом, пожалуй, известном итальянизме в мире чао "привет! пока!" – ит. *ciao!* "Древневенецианская по происхождению формула приветствия, (*sciao – schiavo* (ваш) раб) представляет сегодня своего рода "слово-флаг" итальянского языка за рубежом и широко распространено во всем мире. Оно употребляется в разговорном стиле английского языка в Америке и Австралии, в разговорном французском, в молодежном жаргоне немецкого языка" [3, 458]. Этот итальянизм относится к категории заимствований, называемой "заимствованиями престижа"; это слова, усваивающиеся благодаря престижу страны, ее культуры или языка, из которых они происходят. Такие заимствования могут быть заменены исходными словами воспринимающего языка [3, 441].

К бытовой сфере можно отнести и отдельные лексемы из других сфер: р. *тиффози* "спортивный болельщик в Италии" – ит. *tifosi*, р. *папарацци*, у. *папараці* "назойливый журналист-фотограф" – ит. *paparazzi*.

4. К характерным для Италии социальным и историко-политическим понятиям также относится 12% заимствованных в новейшую эпоху итальянизмов. Первую группу составляют названия реалий, появившихся относительно недавно: р. *сквадрист* "член вооруженного фашистского отряда или неофашистской организации в Италии" – ит. *squadrista*; р. *мафия*, у. *мафія* "организованная группа людей, тайно и в нарушение закона действующая в своих интересах" – ит. *mafia*; р. *мафиозо*, у. *мафіозо* "член мафии" – ит. *mafioso*; р., у. *duce* "диктатор Б.Муссолини" – ит. *duce*; р., у. *джунта* "исполнительный орган местной власти в Италии" – ит. *giunta*; р., у. *аджорнаменто* "курс на обновление католической церкви" – ит. *aggiornamento* "осовременивание".

Ко второй группе можно отнести итальянизмы, обозначающие давно существующие явления, но в силу разных причин нашедших свое отражение лишь в последнее пятидесятилетие в русской и украинской лексикографической литературе. Здесь выделяются: а) названия политических группировок и объединений: р. *габеллины*, у. *гібеліни* "политическая группировка в Италии в 12-15 вв., поддерживавшая германских императоров в их борьбе с папством", р. *гвельфы*, у. *гвельфи* "политическая группировка в Италии в 12-15 вв., выступавшая на стороне папства"; б) названия лиц по профессиональной или социальной принадлежности: р. *пополаны*, у. *пополани* "торгово-ремесленные слои Северной и Средней Италии в 12-16 вв."; р. *чомпи*, у. *чомпі* "наемный рабочий шерстоткацких мануфактур во Флоренции и др. городах Италии в 14 в.>"; р. *берсальеры*, у. *берсальери* "особые стрелковые части итальянской армии, впоследствии самокатные и мотоциклетные части"; иные термины: р., у. *віндіта* "организация и место сбора карбонариев в Италии в 19 в.", – ит. *vendita*; р., у. *Левант* "употребляющееся до 20 в. название стран восточного побережья Средиземного моря, Ближний Восток" – ит. *Levante*, р., у. *сомало* "денежная единица Сомали, действовавшая до 1960 г." - ит. *somalo*, р., у. *чентезимо* "мелкая разменная монета Италии, 1/100 лиры" – ит. *centesimo*.

5. К области науки (10, 6%) отнесены следующие группы итальянизмов: а) геология и география: р. *габбро*, у. *габро* "глубинная магматическая

порода" – ит. *gabbro*; р. *фиумары*, у. *фиумари* "периодические или временные реки в странах Средиземноморья" – ит. *fiumara*; р., у. *бора* "сильный порывистый ветер в некоторых приморских районах" – ит. *bora*; *серпентина* "извилистая горная дорога" – ит. *serpentina*; также р. *лидо*, р., у. *бока*, р. *сольфатары*, у. *сольфатари*, у. *ковелін*; б) точные науки: р., у. *вольт* "единица разницы электрических потенциалов" – ит. *volta* (по имени итальянского физика A. Volta); также *ферми* (от имени собственного E. Fermi), р., у. *нейтринио*; в) сельское хозяйство, растительный и животный мир и другие сферы: р., у. *мальсекко* "грибная болезнь цитрусовых культур" – ит. *male* "болезнь" + *secco* "сухость"; р. *брокколи*, у. *броколі* "разновидность цветной капусты с мясистыми побегами" – ит. *broccolo*; а также у. *селагінела*, р. *гравілат*, у. *гравілат*, у. *валінерія*, у. *скополія*, р., у. *селера*.

6. В области изобразительного искусства, архитектуры и строительства насчитывается 10,2% от общего числа новейших итальянismов. Можно выделить следующие подгруппы: а) изобразительное и декоративное искусство: у. *ведута* "разновидность пейзажного жанра" – ит. *veduta*, р., у. *аквафорта* "офорт" – ит. *acquaforza*, р. *граффити*, у. *графіті* "древние надписи и рисунки, нацарапанные на стенах зданий, сосудах и пр." – ит. *graffiti* "нацарапанные"; р. *ниелло*, у. *нієлло* "рисунок, вырезанный на золоте или серебре и заполненный чернью" – ит. *nigello*; б) приемы и способы живописи: р. *граффито* (*сграффито*), у. *графіто* "способ декоративной отделки зданий путем процарапывания по верхнему слою штукатурки" – ит. *graffito*; р. *кьяроскуро* "светотень, вид цветной ксилографии" – ит. *chiaroscuro*; р., у. *сфумато* "прием в изобразительном искусстве" – ит. *sfumato*; в) архитектура и строительство: р. *кампанила*, у. *кампаніла* "колокольня в архитектуре средних веков и эпохи Возрождения, стоящая отдельно от храма" – ит. *campanile*; р., у. *пергола* "увитая растениями беседка или галерея в парке" – ит. *pergola*; р., у. *фуст* "ствол, стержень колонны" – ит. *fusto*, р. *стукко* "искусственный мрамор" – ит. *stucco*; а также р. *импост*, у. *імпост*, р., у. *маскарон*; г) издательское дело: р. *бодони*, у. *бодоні* "тип шрифта" – ит. *bodoni*.

7. Сфера техники представлена незначительным числом итальянismов (3,1%): р. *фиат* "тип легкового автомобиля" – ит. *Fiat*

(*Fabbrica Italiana Automobili Torino*); р. *а джорно*, у. *а джіорно* "о ярком искусственном освещении" – ит. *a giorno* "как днем"; р. *нувистор*, у. *нувістор* "сверхминиатюрная металлокерамическая приемно-усилительная лампа" – ит. *nuovo* "новый" + *vista* "вид"; р. у. *бурат* "машина для просеивания сыпучих материалов через сито, натянутое на вращающемся барабане" – ит. *buratto*; у. *монопосто* "одноместный кузов гоночного автомобиля" – ит. *monoposto*.

Количественное соотношение различных сфер употребления итальянismов в новейшую эпоху и в предшествующий период (до 1950г.) отражено в следующих таблицах (см. табл. 1 и табл. 2).

Таблица 1
Сфера употребления итальянismов в новейшую эпоху

Сфера употребления	1950-2000 гг.	
1. Культура, музыка и театр	88	39,1%
2. Экономика	29	13%
3. Сфера быта	27	12%
4. Социально-политические понятия	27	12%
5. Наука	24	10,6%
6. Изобразительное искусство	23	10,2%
7. Техника	7	3,1%
Всего	225	100%

Таблица 2
Сфера употребления итальянismов в период до 1950г.

Сфера употребления	до 1950 г.	
1. Культура, музыка и театр	144	38,7%
2. Сфера быта	56	15%
3. Изобразительное искусство	54	14,5%
4. Наука	42	11,2 %
5. Техника	28	7,6%
6. Экономика	27	7,3%
7. Социально-политические понятия	21	5,7%
Всего	372	100%

Можно заметить, что сравнительно с предыдущим периодом – до 1950 г. почти в два раза возросла доля лексики, относящейся к экономике, коммерции, банковскому делу: 13 % среди новейших заимствований против прежних 7,3% .

Количество терминов в области культуры, музыки и театра, а также науки практически не изменилось. Незначительно уменьшилось количество итальянismов в сфере техники, изобразительного искусства и быта. Значительное процентное увеличение терминов, связанных с характерными для Италии социально-политическими явлениями можно объяснить первой фиксацией давно существующих названий в большом количестве издававшейся в 60-80 гг. в России и Украине специальной лексикографической литературы (сравнительно с предыдущей эпохой).

Можно возразить итальянскому лингвисту Луке Сериани, который пишет, что "... в балканских языках и восточных (т.е. и в русском – прим. Л.Д.), в течение веков связанных с Италией глубокими коммерческими связями, по причине глубоких культурных различий почти полностью отсутствуют итальянismы, относящиеся к изящным искусствам и литературе" [3, 441]. По нашим данным, суммарно в русском и украинском языках имеется 77 лексем, относящихся к изящным искусствам, и 232 термина из области культуры, музыки и театра.

Динамика лексического состава итальянismов в русском и украинском языках показана в следующей таблице (см. табл.3):

Таблица 3

Динамика лексического состава итальянismов

Сфера употребления	Всего (100%)	в т.ч. новейшие (1950-2000 г.г.)
1. Культура, музыка и театр	232 (100%)	88 (38%)
2. Сфера быта	87 (100%)	27 (31%)
3. Изобразительное искусство	77 (100%)	23 (30%)
4. Наука	66 (100%)	24 (36%)
5. Социально-политические понятия	48 (100%)	27 (56%)
6. Экономика	56 (100%)	29 (51%)
7. Техника	35 (100%)	7 (20%)

Как видно из приведенной таблицы, доля новейших заимствований в области экономики составляет более половины всех заимствований в данной сфере. Та же закономерность присуща и сфере характерных для Италии социально-политических понятий. За последнее пятидесятилетие наиболее интенсивно пополнялись именно эти сферы заимствованной итальянской лексики.

Итальянismы последнего пятидесятилетия в области науки, изобразительного искусства, культуры, музыки и театра, а также сферы быта составляют примерно одинаковое количественное отношение к заимствованиям в данных сферах в предшествующий период – от 30% до 38%. "Что касается новейших итальянismов, вошедших в иностранные языки в последние пятьдесят лет, знаменательно, что к сферам, в которых традиционно главенствовал итальянский язык, таких как музыка (и сегодня, например, в двух основных словарях немецкого языка более половины итальянismов относится к этому сектору), добавились в разных языках сферы архитектуры, литературной критики, рекламы" [3, 458].

Как правило, сохраняется соответствие грамматических категорий итальянизма в языке-источнике и русском и украинском языках-реципиентах. Но иногда наблюдается и перераспределение грамматической отнесенности. Так, итальянизму-существительному в русском и украинском языках могут соответствовать в итальянском языке:

а) прилагательное: ит. *quadro* "квадратный" – р., у. *квадр* "камень для кладки стен, отесанный в виде правильного параллелепипеда";

б) целое словосочетание: ит. *uso* "обычай" + *tara* "тара" – р., у. *узотара* "тара, вес которой устанавливается на основе торговых обычаев"; ит. *agio* "отклонение в сторону рыночной стоимости золота или денежных знаков" + *conto* "счет" – у. *ажюконт* существительное (далее с.) среднего рода (далее ср.), несклоняемое (далее искл.) "счет, на котором отражены доходы и расходы"; ит. *giro* "оборот" + *conto* "счет" – у. *жироконт* с. ср. искл. "особый вид текущего счета"; ит. *mille fiori* "тысяча цветов" – р. *миллефьоре*, у. *міллефіорі* с. ср. искл. "способ декорирования изделий из художественного стекла"; ит. *mastino napoletano* – р. *мастино-наполетано* "древнейшая порода боевых собак".

Итальянизм в русском или украинском языке может приобретать иную родовую характеристику, что во многом обусловлено отсутствием в итальянском языке категории среднего рода. На русской и украинской почве многие итальянизмы мужского рода обретают статус несклоняемых существительных среднего рода (чему способствует окончание основы на безударный -о): *каско* с. ср. искл. "страхование транспортных средств" – *casco* мужской род (далее м.) "шлем, маска"; р., у. *кonto* с. ср. искл. "счет" – ит. *conto* м.; р., у. *облиго* с. ср. искл. "сумма общей задолженности по векселям" – ит. *obbligo* м. "обязательство"; у. *сконто* с. ср. искл. "скидка с основной ценой товара, что предусматривается при оплате его наличными или досрочно" – ит. *sconto* м. "скидка"; *банко* с. ср. искл. "курс, по которому банк продает ценные бумаги" – ит. *banco* м. "банк".

Итальянизму-существительному в русском и украинском языках может соответствовать предложная конструкция (т.е. форма слова в каком-либо падеже) в итальянском языке: р. *алла прима*, у. *ала-прима* "техника масляной живописи быстрыми мазками, позволяющая выполнить картину за один сеанс" – ит. *alla prima* "по первому (разу)"; р. *а конто*, у. *а-кonto* с. ср. искл. "платеж, осуществляемый импортером на основании счетов экспортера в качестве предварительного расчета с последним" – ит. *a conto* "в счет"; р., у. *делькредере* с. ср. искл. "ручательство комиссии перед комитетом за исполнение договора" – ит. *del credere* "на веру"; р. *ависта*, у. *авіста* "надпись на векселе, удостоверяющая, что оплата этого документа должна быть произведена по его предъявлении" – ит. *a vista* "по предъявлении".

В ряде случаев из итальянского языка заимствуется часть словосочетания, которая в заимствующем языке приобретает самостоятельное употребление: р., у. *гамба* "теноровая виола" – ит. *viola da gamba*; р. у. *лоро* с. ср. искл. "счет, открываемый банком своему банку-корреспонденту" – ит. *loro conto* "их счет"; р., у. *ностро* с. ср. искл. "счет, который банк имеет у своего банка-корреспондента и на который вносятся все его расходы и поступления" (наряду с заимствованным целиком словосочетанием р. *ностро конто*, у. *ностро-кonto* – ит. *nostro conto* "наш счет").

При освоении в русском или украинском языках итальянизмы зачастую претерпевают изменение значения. "... В случае вхождения нового слова в качестве синонима к уже существующим словам между этими синонимами происходит разграничение значений и наблюдается сдвиги в исходной семантике" [1, 159]: ит. *cambio* "замена, смена", "курс валюты", "размен" – р. *камбю*, у. *камбю* "заемное письмо, вексель"; ит. *марко* "марка (монета)", "метка, шрам" – р., у. *марко* "определение стоимости монеты по ее весу, а не номиналу". Чаще всего наблюдается сужение объема значения: ит. *pagamento* "оплата" – р., у. *пагамент* "платеж наличными"; ит. *gloria* "ореол, сияние" – р. *глория* "оптическое явление в атмосфере – цветные кольца, образуемые вокруг тени наблюдателя".

На основании проанализированного материала можно сделать вывод, что за последние полвека в русский и украинский языки вошло довольно значительное количество итальянизмов. Как и в предыдущие эпохи, основной функциональной сферой итальянской по происхождению лексики являются области культуры, музыки, театра, искусства, живописи, архитектуры. Существенно увеличилась, по сравнению с предыдущими эпохами, доля лексики, относящейся к экономике, коммерции, банковскому делу. Итальянизмы новейшего периода при освоении в русском и украинском языках претерпевают различные изменения грамматического и семантического характера.

Литература

1. Добродомов И.Г. Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 – С. 159.
2. Chiuchiù A., F. Minciarelli, M. Silvestrini. In Italiano. – Perugia, 1990.
3. La lingua nella storia d'Italia // A cura di Luca Seriani. – Roma, 2001.
4. Большая Советская Энциклопедия – 3-е изд. – М., 1969-1978.
5. Етимологічний словник української мови. – 1982-1989. – Т. 1-3.

6. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. – М., 2001.
7. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Минск, М., 2001.
8. Новий тлумачний словник української мови. – Київ, 1999. – В 4 тт.
9. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. – М., 1971.
10. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. – М., 1984.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Изд. 21. – М., 1991.
12. Орфографический словарь русского языка – 13-е изд. – М., 1974.
13. Орфоэпический словарь русского языка – М., 1983.
14. Политехнический словарь. – М., 1976.
15. Популярная художественная энциклопедия: В 2 тт. – М., 1986.
16. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 тт. – М., 1991.
17. Скворцова Н.А., Майзель Б.Н.. Итальянско-русский словарь. – М., 1977.
18. Словарь иностранных слов. – 16-е изд. – М., 1988.
19. Словарь русского языка – М., 1981-1984. – В 4 тт.
20. Словарь современного русского литературного языка. – 2-е изд., – М., 1991. – Т. 1-2.
21. Словник іншомовних слів. – Київ, 1974.
22. Словник іншомовних слів. – Вид. 2, випр. і доп. – Київ, 1985.
23. Український орфографічний словник. – К., 1997.
24. Українсько-російський словник. – Київ, 1953-1963. – В 6 тт.
25. Словник іншомовних слів. – Київ: Наукова думка, 2000.
26. Словник іншомовних слів. – Київ: Довіра, 2000.
27. Словник української мови. – Київ, 1970-1980. – Т. 1-11.
28. Kovalev V. Dizionario italiano-russo, russo-italiano. – Bologna, Zanichelli, 1992.
29. Devoto G., Oli G.-C. Dizionario della lingua italiana. – Roma, Societa Dante Alighieri, 2001.

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТОГО НЕЭЛЛИПТИЧЕСКОГО ДВУСОСТАВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Теория трансформационной генеративной грамматики, впервые представлена Н.Хомским в его книге "Синтаксические структуры", со временем своего появления в 1957 году подверглась ряду значительных изменений. Однако цель, стоявшая перед упомянутой теорией, по-прежнему остается актуальной: дать лингвистическое объяснение той уникальной способности, которую носитель языка реализует при создании высказывания, при оформлении мысли в предложение, то есть в конечном итоге объяснить природу языковых навыков, знания и понимания языка.

Многие современные исследования в области синтаксиса предложения базируются на теории трансформационной грамматики, которая, прежде всего, объясняет, как знание структуры предложения, то есть знание грамматики любого языка, отражается в языковой компетенции говорящего. Как известно, понятие "структура" (от лат. *structure* строение, порядок, связь) представляет совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность [12, 438]. Огромное разнообразие предложений, которые создаются носителями языка, представляет собой более или менее корректное воплощение некоторого множества моделей. Лингвисты единодушны в том, что число синтаксических моделей в любом языке ограничено, а через понятие модели неограниченное число предложений может быть сведено к конечному количеству образцов. Однако, методика вычленения структурного минимума и критерии обязатель-

ности и факультативности членов синтаксических моделей, используемые в различных исследованиях, не совпадают.

Разделяя точку зрения о том, что простые предложения синтаксически не выходят за рамки одной первичной структуры предикации, в то время как сложные, представляют собой сочетание двух или более таких построений, исследователи структуры предложения расходятся во мнениях относительно количества ядерных моделей простого предложения.

Так, например, С.Гринбаум и Р.Кверк выделяют семь типов простых предложений, "различие между которыми базируется на основании обязательного присутствия одного или более элементов в предложении помимо подлежащего и глагола-сказуемого" [4, 204]:

1. SV *The sun (S) is shining (V).*
2. SVO *That lecture (S) bored (V) me (O).*
3. SVC *Your dinner (S) seems (V) ready (C).*
4. SVA *My office (S) is (V) in the next building(A).*
5. SVOO *I (S) must send (V) my parents (O) an anniversary card (O).*
6. SVOC *Most students (S) have found (V) her (O) reasonably helpful (C).*
7. SVOA *You (S) can put (V) the dish (O) on the table (A).*

Все выше приведенные типы характеризуются тем, что глагол-сказуемое (V) в них представлен в личной форме, а такие элементы как дополнение (O), комплемент (C) и обстоятельство (A) являются обязательными, так как отсутствие какого-либо из вышеупомянутых элементов ведет к нарушению смысла предложения.

Британский лингвист А.Дж.Тейлор, предлагает 6 моделей простого предложения. В пяти представленных им моделях содержится подлежащее и сказуемое, а различия между ними определяются составными элементами сказуемого, которое включает глагол, либо глагол в сочетании с прямым дополнением, косвенным дополнением, комплементом и так называемыми "адвербияльными характеристиками". Шестая модель у А.Дж.Тейлора является предложением, глагол в котором представлен в форме повелительного наклонения, и подлежащее, соответственно, опущено [10, 81].

Марта Коллин представляет десять моделей предложений, "объясняющих лежащую в основе общую структуру почти всех возможных

грамматических предложений английского языка" [5, 21]. Все десять моделей предложения различаются разнообразным выражением сказуемого (грамматическими особенностями глагола в личной форме и следующих за ним элементов), так как подлежащие во всех десяти моделях идентичны. Девять моделей из десяти предложенных содержат структуру комплементации.

Существует и ряд других систем "ядерных моделей" простого предложения, которые не представляется возможным рассмотреть в рамках настоящей статьи. Уже само наличие большого числа этих различных систем свидетельствует о том, что вопрос выделения моделей в ядерные всё ещё остается нерешенным.

Предлагаемый ниже анализ синтаксической организации простого предложения основан на теории синтаксических структур, разработанной в середине XX века американским структуралистом У.Фрэнсисом, и понимании ядерной модели предложения как построения, содержащего минимальное количество обязательных компонентов, необходимых для передачи речевым высказыванием законченного смысла. Под термином "модель" будем понимать структурный аналог предложения, воспроизводящий составляющие его члены в виде формулы, отражающей его морфологический и синтаксический аспекты. По Фрэнсису, элементарными синтаксическими структурами, на которые может быть разложено любое предложение английского языка, выступают следующие четыре структуры: 1) структура предикации, 2) структура комплементации, 3) структура модификации и 4) структура координации [3, 292]. Последние две структуры, как было доказано в исследованиях впоследствии, не являются ядерными [2, 65].

Структура координации, например, включает два или более синтаксически однородных компонента, объединенных копулятивным типом связи. Структура модификации отличается атрибутивным, эндочентрическим характером связи между главным и зависимым компонентами. Модификатор – атрибутивный или адвербальный – может определять собою как отдельный член предложения, так и все предложение в целом и употребляться как в препозиции, так и в постпози-

зиции к определяемому компоненту. Модификаторы, либо иначе – адъюнкты – являются распространителями предложения, их роль в структурно-синтаксической организации предложения факультативна.

Что касается структур предикатии ($S+P$) и комплементации ($V+C$), то именно эти две синтаксические структуры являются ядерными, поскольку их компоненты, объединенные посредством предикативного и комплетивного типов связи, соответственно, обязательны и достаточны для передачи элементарного законченного смысла в рамках простого неэллиптического двусоставного предложения.

Для того, чтобы определить и наглядно представить минимальный состав компонентов простого предложения, обратимся к понятию "процесс". Любая субстанция, рассматриваемая как существующая во времени, т.е. как находящаяся в специфическом для неё движении, является процессом. Понятия "действие", "состояние", "изменение состояния", рассматриваемые в строгом соответствии с содержанием категорий и законов философии, являются лишь различными трактовками понятия "процесс".

Основываясь на анализе типов процессов, предложенном Т.И.Домброван [1, 53], попытаемся соотнести выделенные ею виды процессов со структурой рассматриваемого нами типа предложения. Предложения, относящиеся с процессами-неотношениями объективного мира (т.е. рассматриваются одна субстанция вне ее отношений с какой-либо другой субстанцией) и состоящие из нераспространенного подлежащего и простого глагольного сказуемого, являются синтаксически простейшими, например:

Time flies. She was crying. He smiled.

Такие предложения в языке немногочисленны и, согласно данным Т.И.Домброван, составляют лишь 3,75% [1, 6]. Что же касается процессов-отношений, то они лингвистически репрезентируются предложениями, включающими структуру комплементации, которая состоит из комплементируемого глагола в личной форме и его комплемента, последний является обязательным компонентом предложения. Синтаксический термин "комплемент" широко используется лингвистами в современной научной литературе [3, 13; 4, 26; 6, 125; 7, 81; 8, 127; 9,31] как некий общий термин каких-либо частей предложения, чье присутствие востребо-

вано некоторыми другими частями предложения, главным образом глаголом [10, 48]. Рассматривая всякое высказывание, состоящее из подлежащего и сказуемого, как структурно-смысловое единство, в качестве ядерных можно выделить только те компоненты синтаксических структур, которые необходимы и достаточны для передачи предложением элементарного законченного смысла, понимаемого как первоначальное, абсолютное содержание, не сводимое к значениям составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения. Это позволяет отнести структуру комплементации к ядерным структурам, а к обязательным элементам предложения её компоненты: глагол-сказуемое в личной форме, или комплементируемый глагол, а также его комплементы. Поскольку факультативные члены предложения в ядерные структуры не входят, а сказуемое может быть либо простым, либо представлять собой структуру комплементации, основных ядерных моделей предложений две:

1. $S + Vp$ и 2. $S + (Vc + C)p$

где S – подлежащее;

Vp – простое глагольное сказуемое;

Vc – лично-глагольный компонент сказуемого или комплементируемый глагол;

C – комплемент;

$(\dots)p$ – сказуемое, выраженное структурой комплементации.

Кроме моделей $[S + Vp]$ и $[S + (V + C)p]$ представляется возможным выделить как самостоятельную ядерную модель достаточно распространенные в речи экзистенциальные предложения, содержащие "*there*".

Приведенные модели зарегистрированы в 2240 простых предложениях, взятых для анализа из произведений художественной литературы английских и американских авторов. Общий объем исследуемого материала составляет 7620 страниц. Из двух моделей, содержащих подлежащее и сложное по синтаксической структуре сказуемое, которое состоит из двух обязательных элементов, образующих структуру комплементации, более частотной является модель, не содержащая "*there*": она встречается примерно в 40 раз чаще по сравнению с моделью, в состав которой входит "*there*".

В зависимости от типа комплемента (объектный (Co), субъектный (Cs), адвербиальный (Cd), глагольный (Cv)) представляется возможным выделить синтаксические варианты модели. Комплемент может быть как простым, элементарным, так и сложным, так как для выражения законченного содержания многих процессов очень часто необходим не один, а два и более комплементов. Рассмотрим в качестве примера два предложения:

I want to get to know you (F.S.Fitzgerald). S + [Vc + (Cv + Cv + Co)]p
You are going to be touchy about it (S.Ellin). S + [Vc + (Cv + Cs + Co)]p

С точки зрения своей поверхностной структуры оба они являются элементарными, поскольку в их состав входят только обязательные компоненты высказывания, а именно: подлежащее, лично-глагольный компонент сказуемого и его комплементы. В обобщенном виде формула приведенных высказываний выглядит следующим образом: S + (Vc + Ccomp) p, где Ccomp – сложный (*composite*) комплемент. Приведенные выше предложения не допускают дальнейшего упрощения своего состава без нарушения элементарного (минимального, законченного) смысла. Таким образом, всего в процессе исследования было выделено пять вариантов ядерной модели S + (Vc + C)p. Сводный список синтаксических вариантов с указанием их частотности употребления в материале исследования представлен в таблице 1:

Таблица 1

Частотность употребления синтаксических вариантов

№	Структурные формулы вариантов	Количество	
		Случаев	%
1.	S + (Vc + Ccomp)p	1176	53,8
2.	S + (Vc + Co)p	420	19,2
3.	S + (Vc + Cs)p	308	14,1
4.	S + (Vc + Cd)p	196	8,9
5.	S + (Vc + Cv)p	84	3,0
Всего		2184	100

где: Ccomp – сложный комплемент (комплемент, состоящий из двух и более синтаксически различных компонентов);
 Cs – субъектный комплемент, или предикатив;
 Co – объектный комплемент, или дополнение;
 Cd – адвербиальный комплемент;
 Cv – глагольный комплемент.

Примеры: 1. *No one tried to stop her (C.Baxter); I have to talk to Bud (R.Carver); His accent told them nothing (H.Hudson); I keep trying to get my wife to use it (M.Gordon); The man looked to be alone (E.Hemingway).* 2. *I went wild (S.E.Hinton); Marion looked apprehensive (R.K.Largent).* 3. *He crossed his arms (C.Baxter).* 4. *The covers are up around her shoulders (R.Carver).* 5. *She began to scream (H.Hudson).*

Из всех перечисленных выше вариантов ядерной модели предложений, включающих структуру комплементации, несомненно, более распространенным является первый тип, охватывающий более половины всех зафиксированных в процессе анализа предложений. Все представленные в таблице варианты характеризуются тем, что включают в себя лишь минимальное число компонентов, состав которых не может быть изменен без нарушения минимального законченного смысла передаваемого этими предложениями. Несмотря на то, что такие члены предложения как обстоятельство и дополнение традиционно трактуются как второстепенные, такое их понимание не является строго обоснованным, поскольку, как следует из выше приведенного анализа, вполне закономерным в современной лингвистической литературе [4, 205-208; 5, 26; 6, 334; 10, 81] является их рассмотрение в качестве неотъемлемой части сказуемого, используемого в предложениях соотносящихся с процессами-отношениями. Представленные выше данные о составе различных вариантов ядерной модели, содержащей структуру комплементации, и частотности их употребления, несомненно, могут оказаться полезными при отборе лингвистического материала в методических целях, а также могут быть учтены при составлении компьютерных переводческих программ.

Литература

1. Домброван Т.І. Проблема граматичної класифікації дієслів у сучасній англійській мові: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Одеса, 1996.
2. Морозова И.Б. Грамматическая структура и семантика простого предложения и его конституентов: Дисс. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1984.
3. Francis, W. The Structure of American English. – New York: The Ronald Press Co., 1958.
4. Greenbaum, S. and Quirk, R. A Student's Grammar of the English Language. – Longman Group, 1992.
5. Kolln, M. Understanding English Grammar. – New York: Macmillan Publishing Company, 1994.
6. Lyons, J. Introduction to Theoretical Linguistics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
7. Mathews, P.H. Syntax. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
8. Palmer, F.R. Grammatical Roles and Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
9. Swan, M. Practical English Usage. – Oxford: Oxford University Press, 1995.
10. Taylor, A.J. Chambers English Grammar. – Edinburgh, 1994.
11. Trask, R.L. A Students' Dictionary of Language and Linguistics. – University of Sussex, 1997.
12. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1998.
3. Hinton S.E. The Outsiders. – New York: Laural Leaf Library, 1989. – 156 p.
4. Largent R.K. The Lake. – BMI Editon, 1993. – 365 p.
5. Saroyan W. Selected Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1975. – 464 p.
6. Американский рассказ XX века. Сборник. На англ. яз. – М.: Менеджер, 1996. – 304 с.

Иллюстративные источники

1. Fitzgerald F.S. Selected Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. –350 p.
2. Hemingway E. Selected Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1971. – 398 p.

ГИПОТЕТИЧНОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ

В данной работе рассматривается категория гипотетичности и возможные подходы к ее определению в естественном языке, и, в частности, во французском.

Традиционным подходом является выделение гипотетичности как одного из видов модальной квалификации высказывания. Модальность – языковая универсалия со значением отношения высказывания к действительности, которое устанавливается говорящим (см. схему 1 [3, 24]). Схема 1 является модифицированным отображением системы "Литература", но, исходя из принципа изоморфизма, она вполне применима к системе коммуникации. Так, текст может быть рассмотрен как высказывание, автор как говорящий, произносящий высказывание и читатель как слушающий, воспринимающий его.

При этом, говорящий ("Автор") устанавливает это отношение эксплицитно, т.е. непосредственно квалифицируя высказывание или импли-

цитно, т.е. констатируя, утверждая. Мы имеем дело соответственно с субъективной и объективной модальностью. В любом случае авторская квалификация объективируется в высказывании, которое описывает художественную реальность, подобную объективной реальности.

Известно следующее утверждение Б.Рассела: "Чтобы некоторое предложение могло утверждать некоторый факт, должно быть нечто общее между структурой предложения и структурой факта" [4, 12]. Иными словами, между высказыванием о реальности и самой реальностью должно существовать некоторое соответствие. С другой стороны, это соответствие не полное, но частичное, а потому высказывание о художественной реальности является одним из возможных описаний этой реальности, что соответствует системному принципу множественности описания. Так, мы соглашаемся с семантической эквивалентностью высказывания а) "Катя знала, что он приехал", описывающего конкретную внутри текстовую ситуацию, и высказывания б) "Катя знала о его приезде", порожденного путем трансформации. Высказывание (б) является возможным описанием той же внутри текстовой ситуации, что и высказывание (а), но "существование такого деривационного образца в языке является объективной реальностью" [5, 7]. Любое высказывание, таким образом, априорно является гипотетическим.

Такой подход к проблеме гипотетичности является наиболее общим, поскольку речь идет о гипотетичности как возможности существования многих способов описания одного и того же референта.

Автор квалифицирует это гипотетическое высказывание как реальное, ирреальное и гипотетическое. Читатель, в свою очередь, сопоставляя высказывание с реальностью, интерпретирует высказывание как реальное, ирреальное и гипотетическое. Исходя из этого, выделяют модальность реальности, модальность ирреальности и гипотетическую модальность. Традиция обеспечивает единство языкового и метаязыкового кода, которым пользуются автор и читатель.

Основание для выделения гипотетичности как категории предложено в теории зависимостей Ройзенблит Е.Б. [1]. Этот исследователь противопоставляет гипотетическую и каузальную зависимости, пони-

мая под каузальной зависимостью объективную связь явлений, находящихся в причинно-результативных и условно-следственных отношениях и отмеченных модальностью действительности по формуле: Б (результат/следствие) было, есть или будет, потому что есть, было или будет А (причина/состоявшееся условие). Гипотетические отношения имеют ложно-каузальный характер и отмечены модальностью недействительности по формуле: А (гипотетическая посылка) не обеспечило осуществления Б (искомого результата). Е.Б.Ройзенблит соглашается с общепринятым выделением в гипотетичности значений ирреальности и потенциальности, но не разделяет эту точку зрения, аргументируя тем, что "потенциальность совершения действия есть ничто иное, как одна из разновидностей условно-следственных отношений" [1, 291]. Ссылаясь также на оппозицию структур Кондиционала I и Кондиционала II, исследователь исключает потенциальность "из сферы гипотетических отношений" [1, 291]. Гипотетичность фактически сводится к ирреальности, осложненной активно выраженным отношением субъекта высказывания.

При этом не учитывается тот факт, что основой для выделения категории гипотетичности в языке является представление содержания высказывания как возможного, предположительного, но не существующего, не реализованного в художественной действительности. Таким образом, модальность ирреальности и модальность потенциальности, или гипотетическая модальность, противопоставляются модальности реальности, поскольку, с одной стороны, гипотетическое представлено как гипотетическое и как ирреальное: *Lebérul décréta qu'il se contenterait du menu, à la condition toutefois que l'on y ajoutât un porc et ou un agneau* (7: 254); *S'il avait vécu seulement cent ans plus tard, il eût fait un excellent journaliste* (7: 254). В обоих случаях автор квалифицирует высказывание как не имеющее место. С другой стороны, гипотетическое представлено как реальное, имеющее место в смоделированном автором подобном реальному художественному миру литературного произведения: *La maison Parapluie ressemble à une étable lorsque les vaches sont aux champs* (7, 7).

При таком подходе гипотетическое определяется как возможное в прошлом или в будущем, но не существующее в настоящем, в момент высказывания.

Оппозиция построений Индикатива, Кондиционала I и Кондиционала II обуславливает разделение гипотетического на три вида. Это подтверждается и классификацией Ф.Брюно [6, 887], который выделяет следующие наиболее общие виды гипотетической модальности:

а) простая гипотетичность (*hypothèse simple*). В случае, если условие реализуется, за ним следует определенное событие: *Si tu acceptes, tes vieux jours sont (seront) assurés* (7, 260);

б) собственно гипотетичность (*l'éventuel, le potentiel*). Здесь гипотеза представлена как возможная. Приведенное выше высказывание будет иметь вид: *Si tu acceptais, tes vieux jours seraient assurés*;

в) ирреальность (*l'irréel*). События отнесены в прошлое. Если бы условие реализовалось, событие последовало бы за ним. Но условие не реализовалось. Тогда используемое нами высказывание примет вид: *Si tu avais accepté, tes vieux jours auraient été assurés*.

Исходя из классификации Ф.Брюно, следует заметить, что условие и событие простой гипотетичности и ирреальности сходны. Они ориентированы на представление высказывания как реального. При простой гипотетичности, условие (*Si tu acceptes, tes vieux jours sont (seront) assurés*), приведенное в соответствие с художественной реальностью литературного произведения, влечет реализацию события, также соответствующего параметрам этой художественной реальности.

При ирреальном, условие и событие рассматриваются как не соответствующие параметрам художественной реальности литературного произведения (*Si tu avais accepté, tes vieux jours auraient été assurés*), а возможность реализации отнесена в прошлое.

В случае собственно гипотетичности, условие и событие, соотносясь с художественной реальностью произведения только при осуществлении интерпретации воспринимающим (читателем), моделируют другой, отличный от художественной реальности мир, возможный в рамках данной художественной реальности и действительный в рам-

ках иной, не реализованной художественной реальности [2, 42] (*Si tu acceptais, tes vieux jours seraient assurés*).

Таким образом, собственно гипотетическое рассматривается как недействительное в зафиксированном настоящем (относительно субъекта высказывания), не направленное ни в прошлое, ни в будущее.

Гипотетическое высказывание при логическом анализе распадается на две смысловые части. Одна смысловая часть указывает на действительно существующие в момент высказывания темпоральные, пространственные или ментальные условия, соотнесенные с субъектом высказывания, при которых событие не реализуется. Другая часть указывает на условия, отличные от действительно существующих, при которых событие реализуется.

Так, исходя из аутентичного высказывания *Des procédés pareils, si on les emploierait encore de nos jours, le peuple s'ingurgiterait* (7, 326) (обозначая придаточное "А", главное – "Б"), мы получаем путем трансформационных порождений следующие высказывания, имеющие один и тот же референт и дополняющие друг друга:

a) *De nos jours on n'emploie pas de procédés pareils et le peuple ne s'ingurgite pas;* (в момент высказывания логическая последовательность "не А, следовательно не Б" отражает объективное положение вещей);

b) *A l'époque où on emploie normalement des procédés pareils, le peuple ne s'ingurgitait pas sous l'effet de ces procédés;* (в момент, когда условие действительно, логическая цепь "А, следовательно не Б" является истинной). Высказывания а) и б), таким образом, отражают несоответствие момента высказывания и момента реализации события по формуле: "А, следовательно Б". Тем не менее, логическая связь между условием и следствием, необходима заданная субъектом высказывания, сохраняется в высказывании: *On emploie des procédés pareils de nos jours et le peuple s'ingurgite.* Это высказывание отражает ситуацию, возможную относительно аутентичного высказывания, но не действительную в данной художественной реальности, с точки зрения субъекта в момент высказывания.

Таким образом, иной подход предполагает наличие указания на несколько экстралингвистических референтов в одном высказывании.

При этом референты находятся в разных временных (и/или других) условиях.

Исходя из изложенного выше, можно сделать следующие выводы. Гипотетическое определяется как возможное в прошлом, настоящем или в будущем, но не существующее в настоящем, обозначенном в высказывании:

Ирреальность – Гипотетичность / Реальность

Собственно гипотетическое, являясь одним из видов гипотетического, определяется как недействительное в зафиксированном настоящем (относительно субъекта высказывания), не направленное ни в прошлое, ни в будущее:

Гипотетичность – Ирреальность / Собственно гипотетичность

Модальность реальности представляет высказывание как имеющее место в конкретной художественной реальности данного произведения, единственно возможной при данных условиях, когда гипотетическое представлено как реальное. Собственно гипотетичность противопоставляется модальности реальности, поскольку представляет высказывание как имеющее место в другой художественной реальности, не совпадающей с художественной реальностью данного литературного произведения:

Модальность реальности / Собственно гипотетичность.

При анализе проблемы намечены два ключевых подхода в определении гипотетического. Первый предполагает понимание этой категории как возможности существования многих способов описания для одного и того же референта. Второй подход предполагает наличие указания на несколько экстралингвистических референтов в одном высказывании.

Литература

1. Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. – М.: Высшая школа, 1965. – 375 с.
2. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 244 с.

3. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Система "литература" и методы ее изучения. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.А. Добролюбова, 1998. – 207 с.
4. Рассел Б. Введение//Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Изд. Иностр. лит., 1958. – С. 11-26.
5. Снитко Т.Н. Опыт построения общей теории номинализаций (на материале японского, английского, немецкого и русского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Саратовский гос. ун-т им. И.Г.Чернышевского. – Саратов, 1987. – 16 с.
6. Brunot F. La pensée et la langue. – Paris: Masson, 1936. – 982 с.
7. L'Histoire de France vue par San-Antonio. – Paris: Editions Fleuve Noir, 1964. – 384 с.

Л.В. Дученко

ЖАНРООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ДЕТЕКТИВНОЙ ПРОЗЕ

Настоящая статья посвящена анализу категории времени в ее философском и языковом аспектах в связи с природой литературно-художественного творчества и его реализацией в композиционно-речевой форме (КРФ) "повествование" в текстах детективного жанра.

Рассмотрение категории времени с позиций лингвистики текста представляется особенно перспективным, поскольку материал нашего исследования определен как эпическое повествование вообще и детективное в частности, а выдвигаемая нами гипотеза состоит в том, что художественное время является одним из наиболее ярких жанрообразующих факторов детективной прозы.

Категория времени, одна из основных категорий любого текста, передает временные отношения внутри текста. Средством их выражения является темпоральная структура текста, которая понимается нами как "сеть отношений, связывающих языковые элементы, включенных в передачу временных отношений и объединенных функциональной и семантической общностью" [6, 86].

Изучение проблемы художественного времени является составной частью, элементом изучения проблемы времени вообще. Зачатки теории художественного времени появляются еще в эпоху античной классики и продолжают являться объектом пристального внимания исследователей и в настоящее время [2, 104].

Понимание художественного времени как жанрообразующего начала возникает из признания времени неотъемлемым элементом худо-

жественного отражения мира, формы существования сюжета, категории развития действия. Моделирование художественной действительности невозможно вне временных отношений. С этой точки зрения, художественное время есть само время, воспроизведенное и изображаемое в произведении; это – форма бытия эстетической действительности, порожденной воображением художника. Оно является временем тех событий, из которых складывается сюжет, то есть сюжетным временем.

С философской точки зрения реальное время – это бесконечное множество индивидуальных времен существующих объектов, художественное время определяется как некое множество индивидуальных времен персонажей, между которыми существуют временные зависимости [5, 26].

Художественное время – не столько календарный отсчет фабульных событий, сколько их соотнесенность, порядок следования одного за другим, создание сложного ряда одновременных или разновременных событий, выстраиваемых в линейной, последовательной цепочке сюжетной канвы.

Особенности художественного времени как важнейшей характеристики художественного текста предопределяются прагматикой текста в ее когнитивном и коммуникативном проявлениях. Эти плоскости (коммуникации и когниций) затрагивают как автора произведения, так и его читателя, однако их роль по отношению к партнерам текстовой коммуникации различна. Для автора художественного текста коммуникативный аспект художественного времени является выражением творческого замысла. С позиций читателя существенным оказывается и когнитивный аспект художественного времени, выступающего "как своеобразная форма системной организации образов и определяющая последовательность восприятия событий их временной отнесённости" [2, 30].

Чрезвычайно важным для понимания художественного времени в жанре детектива является восприятие времени в историческом и семиотическом аспектах (см. работы Б.А.Успенского, напр. [7]). Историческое сознание организует события прошлого в причинно-следственный ряд. События прошлого последовательно предстают при этом "как результат каких-то других, относительно более ранних событий,

которые постоянно повторяются и соотносятся с последующими событиями" [7, 20]. Происходящие события связываются причинно-следственными отношениями с предугадываемыми событиями будущего, то есть оцениваются по их возможным последствиям, значительность которых определяет настоящие события как значимые или незначимые.

Говоря о причинно-следственных отношениях, Б.А.Успенский указывает на то, что они связывают не настоящее и будущее, а "прошлое, задающее точку отсчета" одновременно как с настоящим, так и с будущим [7, 31]. При таком понимании происходящее событие воспринимается как предзнаменование будущего. То, что случается в настоящем и случится в будущем – это отражение одного и того же исходного "знакового" состояния прошлого, задающего точку отсчета. Связь между этими знаками зашифрована (с точки зрения исторического сознания – в самом коде мироустройства).

Такое представление о времени вполне вписывается в семиотическую модель восприятия времени в литературном произведении детективного жанра. Подобно тому, как существует событийный текст прошлого, существует и событийный текст будущего, который при определенных условиях и лишь в некоторой степени может быть доступен умевшим разгадывать шифр, распознавать знаки [7, 21]. Как ясновидцы следователь-детектив, а вслед за ним и читатель способны воспринимать то, что произойдет в другое время и в другом месте, но лишь в той мере, которая задана автором.

Время и пространство предстают в детективе как соотносимые категории. Так, в частности, если пространство наполнено предметами, то время – событиями; если пространство пассивно к субъекту, то время активно по отношению к нему. Оно движется относительно героев, осознающих себя в неподвижном пространстве.

Говоря о движении можно выделить еще одну особенность восприятия времени в детективе. Это – цикличность времени.

Представление о цикличности времени соотносится с движением астрономических тел, оно обусловлено вращением Земли вокруг своей оси, Луны – вокруг Земли, Земли – вокруг Солнца, то есть циклич-

ность – это основное свойство времени. Другими словами прошлое повторяется в настоящем, которое к свою очередь, стремясь к будущему, периодически возвращается к прошлому. В процессе этого движения возникают принципиально новые состояния, каждое из которых связано с предшествующим.

В основе цикличности восприятия времени в детективе лежит понятие синтетического осознания времени. Субъективное время каждого персонажа неизменно соответствует объективному времени совершения преступления. На него все время ссылаются, пересматривают, анализируют. Субъективное время, о котором говорит каждый персонаж, не обман, так как существует объективно, но и не реальность, так как оно альтернативно по отношению к временной версии других персонажей. Всевозможные переходы времени объективного во время субъективное и наоборот создают повторяемость ситуации, с одной стороны, похожих друг на друга, с другой – кардинально новых. События детектива имеют тенденцию проигрываться в тексте произведения многократно и ступенчато. Описанные в прошлом по отношению к настоящему моменту сюжетного времени, они повторяются в настоящем, чтобы скоро возникнуть в будущем. Весь этот цикл опять вернется к исходной ситуации в прошлом, но уже на другом, обновленном новыми знаниями, уровне. Чередование версий и гипотез образует все новые и новые витки, называемые "спиралью времени" [3, 252]. Данный феномен восприятия времени является жанрообразующим.

Двойственность восприятия времени заключается в том, что с одной стороны, развитие событий происходит на фоне времени, одни события порождаются другими. События и время взаимосвязаны, время определяет развитие событий, которые в свою очередь определяют восприятие времени. Время в детективе состоит из событий и одновременно является их фоном.

Специфика восприятия времени в детективе заключается в том, что шифр к разгадке тайны изначально задан автором и согласно жанровым "правилам игры" должен быть известен только ему. Вначале загадка преступления обязательно должна казаться неразрешимой, позже выясняется,

что механизмы разгадки были открыты с самых первых сюжетных событий. Улики, то есть детали событий, действий персонажей, детали их внешности или обстановки, которые послужат ключом к загадке, лишь постепенно раскрывают свое первоначальное предназначение. Читателю позволяет постигать его частично, шаг за шагом, по событиям настоящим предугадывать сюжетное будущее и разгадывать сюжетное прошлое. Тайна детектива соответствует его протяженности. Она равна ему, синхронна с ним и, в конечном счете, тождественна ему, т.е. пока тайна не разгадана, детектив продолжает разворачиваться как текст. Раскрытие тайны равно прекращению, завершению текста. В этом проявляется событийно-сюжетная специфика детективного жанра и в частности детерминированность времени развертывания текста временем изображаемых в нем событий.

Детектив воспринимает время как важнейший сюжетный мотив. Оно выполняет функцию дифференциации героев. Одни из них имеют алиби, т. е. неопровергимые доказательства того, что в момент преступления они были в другом месте и соответственно не могли совершить преступление, другие персонажи попадают в число подозреваемых, так как у них нет алиби, т. е. они не могут доказать свое отсутствие на месте преступления в момент его совершения. Постепенное расследование преступления сводится к отсеиванию подозреваемых, переходу персонажей из второй группы (не имеющих алиби) в первую (находящихся вне подозрения благодаря наличию алиби). Итогом детективного расследования всегда оказывается обнаружение того персонажа, который в момент преступления находился на месте преступления. Таким образом, единственно возможное время дает единственно возможного преступника.

Отличительной особенностью структуры времени в детективе является "эффект остановленного времени". Преступление совершилось. Время как бы замерло, дав точку отсчета, вокруг которой будет развиваться весь сюжет. Время выступает объектом анализа (момент преступления будет тщательно выясняться) и инструментом анализа: в тексте приводятся хронологические сводки местопребывания и поступков героев в определенный отрезок времени так или иначе пересекающийся с моментом преступления.

В сущности, все действия детектива сперва сводятся к определению времени совершения преступления, а затем к выяснению, кто же из персонажей совершил его. Дни, часы и минуты обязательно фигурируют в тексте детективного жанра, т. к. в центре всегда будет решение вопроса "когда" и "кто". Таким образом, время в детективе, с одной стороны является фоном, на котором раскрывается преступление, с другой – основным сюжетным действием.

Жанрообразующая роль категории времени в детективном повествовании предполагает рассмотрение всех средств выражения темпоральности. В результате их взаимодействия складывается жанровое своеобразие темпоральной структуры детективного текста.

Литература

1. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики. – СПб: Издво С-Петербургского университета, 1996. – 220 с.
2. Борисова С.А. Смысловое восприятие: Темпоральная вариативность читательских проекций художественного текста. – Ульяновск: Издво Ульяновского госуниверситета, 1997. – 134 с.
3. Вулис А. В мире приключений. – М.: Советский писатель, 1986. – 260 с.
4. Москальская О.И. Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
5. Салькова М.А. Темпоральная репрезентация английского дискурса: Дисс...канд.фил.наук. – М., 1999. – 250 с.
6. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. – М.: Высшая школа, 1979. – 219 с.
7. Успенский Б.А. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема. Статья вторая // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1988. – ХХII, – С. 18-38.

О ПОНЯТИЯХ "ОБРАЗ АВТОРА" И "ТОЧКА ЗРЕНИЯ" В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ АНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В рассмотрении основных вопросов лингвистики и литературоведения, связанных с изучением языка художественной литературы, проблема образа автора является центральной и наиболее важной для понимания индивидуально-художественного стиля писателя, а также для осмыслиения его творческой индивидуальности в целом. Действительно, "образ автора – это сквозной образ произведения, его глубинный связующий элемент, который способствует объединению в единое целое отдельных частей, пронизывает его единым сознанием, единым мировоззрением, единым мироощущением" [15, 146-147].

Понятие "образ автора" было предложено В.В. Виноградовым в начале 20-х годов и разрабатывалось им на протяжении всей жизни в ряде статей и монографий, посвященных анализу художественной речи [4; 5; 6]. В послесловии к Виноградовской "Теории художественной речи" Д.С. Лихачев суммирует его взгляды: "Образ автора – это высшее объединение всех речевых структур произведения, это идеально-стилистическое средоточие, объединяющее порожденные автором образы рассказчиков" [4, 226].

Понятие "образ автора" чрезвычайно плодотворно использовалось в теории и практике стилистического анализа текста применительно к различным языкам, особенно в 60х-80х годах XX столетия. Здесь достаточно вспомнить имена И.В. Арнольд, О.П. Воробьевой, И.Р. Гальперина,

Гюббенет, В.А.Кухаренко, А.Н.Мороховского и их исследования на материале английского языка [1; 8; 10; 11; 15; 18]; М.П.Брандес, А.И.Домашнева, О.И.Москальской, Э.Г. Ризель – на материале немецкого языка [3; 12; 19; 21]; В.Г.Гака, Ю.С.Степанова, З.И. Хованской – на материале французского языка [9; 22; 23]; Г.О.Винокура, Б.А.Ларина, М.А.Новиковой, И.Я.Чернухиной – на материале русского языка [7; 16; 20; 24].

Свою трактовку "образа автора" предлагает М.М.Бахтин. Полемизируя с В.В. Виноградовым, он пишет: "Подлинный автор не может стать образом, ибо он создатель всякого образа, всего образного в произведении. Поэтому так называемый "образ автора" может быть только одним из образов данного произведения (правда, образом особого рода)" [2, 171]. Автор для М.М.Бахтина – это, прежде всего, иерархически организованное явление. Он дифференцирует два понятия: "Первичный (не созданный) и вторичный автор (образ автора, созданный первичным автором)... Первичный автор не может быть образом: он ускользает из всякого образного представления. Когда мы стараемся образно представить себе первичного автора, то мы сами создаем его образ, то есть сами становимся первичным автором этого образа. Создающий образ (т.е. первичный автор) никогда не может войти ни в какой созданный им образ" [там же, 353].

К "первичному автору" мы еще вернемся; в дальнейшем же изложении мы будем пользоваться термином в том его интегрирующем понимании, которое предложил В.В.Виноградов.

В англоязычном литературоведении для подобного обобщающего фактора художественного текста принятые термины "*narrative perspective*", "*point of view (viewpoint)* – *the relation in which the narrator stands to the story*" [29, 228; см.тж. 30, 149]. "Точка зрения" – термин, широко используемый и отечественными филологами, однако, он не является абсолютным синонимом "образа автора". Эти два понятия состоят в гипо-гиперонимических отношениях: образ автора строится вокруг авторской точки зрения, но не исчерпывается ею.

Одним из первых обратился к проблеме точки зрения известный американский писатель, критик и теоретик Г.Джеймс. В конце XIX

века в своем литературоведческом манифесте "*The Art of Fiction*" (1884) он призывал авторов к вовлечению чужих, не-собственно авторских точек зрения в художественное повествование: "dramatize, dramatize, dramatize", писал он [цит. по 25, 276] убеждая, что введение чужой точки зрения обеспечит объективность повествования. Повышенное внимание Г.Джеймса к точке зрения и стремление убрать из изложения собственную отмечает автор вступительной статьи о нем в Нортоновской антологии американской литературы: "*James <...> became 'invisible', in T.S.Eliot's phrase, showing rather than telling*" [25, 276]. Это, в свою очередь, дало толчок к развитию "объективированной прозы" [там же] последующих десятилетий, в которой повествование или часть его ведется с точки зрения участника или непосредственного наблюдателя событий. Так создается образ повествователя. А образ собственно автора?

Как уже упоминалось, большинство исследователей соглашается с тем, что автор-творческая личность внеположен своему творению – в том смысле, что ни один из компонентов произведения не может быть непосредственно введен к реальной личности художника, существующей в конкретном времени и пространстве как материальный феномен. Правда, в сочинениях автобиографического и лирического плана автор нередко включается и как участник (персонаж) собственного произведения, отражающий в тексте свой непосредственный опыт.* Однако, художественно преломленный, вошедший в образную систему произведения, это не личностный портрет, а модифицированный образ, и здесь встает вопрос о степени совпадения и расхождения этого художественно претворенного образа с его точкой зрения, с одной стороны, и системы взглядов сочинителя, тех его "когнитивных структур" [14, 64], которые и обеспечивают существование его "индивидуальной картины мира" [27, IV], с другой. Вычленение образа

* Ср. напр. "*The Armies of the Night*" Н.Мейлера, где автор, лично принимавший участие "в походе на Пентагон", называет себя "I", "Mailer" и "he", то приближая повествование к себе, то удаляясь от собственных позиций.

автора в подобных случаях весьма затруднительно, так же, как в неавтобиографических и не-мемуарных произведениях, написанных от первого лица, (так называемый "*ich-Erzählung*" или "перепорученное повествование" [15, 144-147]) и составляющих огромную часть мировой литературы.

Представляется, что для успешного анализа образа автора, необходимо четко отделить последнее понятие от соотносительной категории "точка зрения". Понятие "точки зрения" аналогично понятию ракурса в живописи и кино. Оно непосредственно связано с общей задачей построения картины мира и напрямую соотнесено с таким вопросом, как позиция создателя текста. "Отношение "точка зрения – текст" есть всегда отношение "создатель-созданное". Говоря о литературном тексте – это проблема авторской позиции, лирического героя" [17, 322]. Точка зрения становится особенно ощутимым элементом художественной структуры, когда возникает возможность смены ее в пределах повествования, что всегда сигнализируется сменой понятийных и/или языковых построений.

Особый интерес для исследователя представляет эволюция развития повествовательного приема "точка зрения", напрямую связанная с историей литературных стилей и жанров. Так, известно, что присутствие автора дает о себе знать даже в безымянно-фольклорных сочинениях, ибо в них материально выражена единая позиция, оформляющая данную художественную действительность; однако, при наличии определенной морально-этической позиции, т.е. точки зрения, образ автора в них еще не сформирован.

В сакральных текстах единство выраженной в них точки зрения с общепринятой картиной мира достигалось общностью создающего мир и создающего текст: создатель мира был одновременно и творцом текста, а человек-автор был лишь посредником, переписчиком, вся заслуга которого состояла в верности повторения слов истинного Создателя, т.е. слов авторитетного текста [26, 13].

С развитием индивидуального подхода к авторству (эпоха Возрождения, а особенно романтизм), в художественный строй произведения

все более втягиваются содержательные аспекты личности автора, особенности его эстетических позиций [13], а с середины XIX века, с ростом интереса не только к миру своего, но и чужого "я", в повествовательную структуру включаются множественные точки зрения рассказчиков и/или персонажей, каждая из которых призвана утвердить достоверность изображаемого характера, его отдельность от автора, "несотворенность". Именно создание впечатления "несотворенности" текста заставляет автора переходить к перепорученному повествованию, подтверждающему аутентичность приводимых мнений. При этом "показательно, что после того, как поэзия романтизма обнажила проблему точки зрения как стилистико-философского центра текста, движение к "простоте" достигается не отказом от этого завоевания, а усложнением вопроса – утверждением одновременной возможности многих точек зрения" [17, 325]. Эффект упрощения достигается ценой резкого усложнения структуры текста: последовательные сломы в семантико-стилистической структуре текста создают рассеянную множественную точку зрения, которая, в конечном счете, и создает иллюзию действительности. Такие явления стали характерной чертой литературы XX века и определили тенденции ее дальнейшего развития в XXI веке.

В прозе XX века, наряду с традиционными формами, заметна, с одной стороны, высокая степень самоустраниния собственно автораповествователя, как это имеет место, например, в повествовании от лица персонажа, в имитации безличного "монтажа" из документов или замене авторского изложения "экраном памяти" персонажей. В современной литературе повествование может вестись от лица совсем неожиданного рассказчика – старинной вазы (Т.Фишер "Коллекционная вещь") или фотоаппарата (К.Маруяма "В небе снова радуга").

Следуя логике предыдущего изложения, в котором "позиция" повествователя, по сути дела, уравнивалась с его "точкой зрения", мы должны признать наличие последней у предмета не только бессловесного, но и неодушевленного. История литературы знает немало примеров первого. Достаточно вспомнить "Холстомера" Л.Н.Толстого, диалогию о собаках Джерри и Майкле Дж.Лондона, "Ферму живот-

ных" Дж.Оруэлла, Винни-Пуха А.Милна и др. Во всех названных и подобных случаях истинный автор прятался за т.н. "наивной" точкой зрения, которая в теории литературоведения обычно приписывается повествователю-ребенку и характеризуется линейным рядом непосредственных наблюдений, не включающим причинно-следственных связей между отдельными наблюдаемыми фактами [15, 146].

Введение бессловесного, а за ним и неодушевленного повествователя следует рассматривать как крайний случай эксплицитного самоустраниния автора и активизации прагматической установки на со-творчество читателя.

При этом, независимо от степени выраженности точки зрения повествователя или даже при условии ее реализации только в пространственно-временном и/или метафорическом плане (как это имеет место в названных выше произведениях Т.Фишера и К.Маруямы), образ автора-создателя художественного текста присутствует в нем всегда, отражая более или менее полно концептуально-эстетическую систему взглядов автора. Ее развертывание, таким образом, может быть представлено как пирамида, основанием которой являются множественные точки зрения, наличествующие в разных отрезках текста (напр. в диалогической партии персонажа, перепорученном нарративе) и формирующие образы персонажей/повествователей. В тексте они реализуются при помощи эмоционально-оценочной и экспрессивной лексики, синтаксической организации фразы, импликации (см. сегмент 3 на рис.1).

Над основанием надстраивается образ автора, который вводит оценочную шкалу автора и сообщает читателю направление развития концепта произведения. Вехами на этом пути являются эксплицитное или имплицитное со- и противопоставление точек зрения, представленных на предыдущем уровне пирамиды в образах персонажей/рассказчиков, при помощи детали, антитезы, повтора и пр.; сравнение/конtrast, аутохарактеристики нарратора и его оценки другими рассказчиками персонажами; сквозные повторы на всех уровнях языковой структуры произведения. Образ автора – обязательная категория каждого художественного текста, не зависящая от того, совпадает он с точкой

зрения и образом заявленного (анонимного) повествователя или противопоставлен ему (см. сегмент 2 на рис.1).

И, наконец, венчает пирамиду авторское мировоззрение (см. сегмент 1 на рис.1), т.е. авторская "система обобщенных взглядов на объективный мир

и место человека в нем <...> и обусловленные этими взглядами убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности" [28, 820], которая и находит свое выражение в образе автора каждого конкретного произведения:

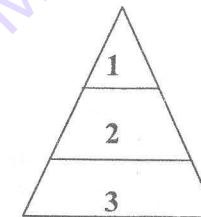

Рис. 1. Разворачивание концептуально-эстетической системы взглядов автора.

Два нижних блока пирамиды присутствуют в каждом произведении. Они отражают эстетические, моральные, концептуальные позиции автора, свойственные ему на определенном отрезке его творческой деятельности, а именно, в период написания конкретного текста. "Персонажные" блоки (сегмент 3 на рис.1) варьируются от текста к тексту и определяются составом персонажей/повествователей. "Авторский блок" (сегмент 2 на рис.1) определяется конфликтом произведения и расстановкой логических и эмоционально-оценочных акцентов. Варьирование здесь проявляется, в основном, в степени эксплицитности авторской позиции и полноте ее представленности. Наконец, вершина пирамиды (сегмент 1 на рис.1) – система авторских акцентов и представлений, реализующихся в конкретных произведениях, – находится вне текста. Именно она соотносительна с "первичным образом" автора М.М.Бахтина, реконструируемым читателем не из одного, а из ряда произведений писателя.

Иллюстрацией предлагаемого построения может служить роман известного английского прозаика Дж.Барнса "История мира в 10½

главах" [32-33]. Первая глава, описывающая события сооружения, заполнения и плавания Ноева ковчега, вводит единственного в своем роде рассказчика – жучка-древоточца, который "нелегально" проник на корабль в одной из досок корпуса ковчега. Оскорбленный невниманием Ноя к себе как важному виду живой природы, он критикует всех своих "избранных" попутчиков, в том числе и человека: "*Man is a very unevolved species compared to the animals*" [33, 28]. Каждая из 10 ½ глав своеобразной интерпретации истории человечества представлена собственным повествователем, что создает калейдоскоп сменяющихся точек зрения, который, по мнению автора, и отражает историю мира: "*The history of the world? Just voices echoing in the dark, images that burn for a few centuries and then fade, stories, old stories that sometimes seem to overlap; strange links, impertinent connections*" [33, 240].

В романе (отметим это как сегмент 3 нашей пирамиды) представлены разные точки зрения и формируются образы разочаровавшейся в жизни девушки (гл. 4), мечтателя (гл. 10), искусствоведа (гл. 5). Есть и эпистолярная глава – это письма актера своей подруге (гл. 8). Сам Барнс отмечает разностильность своего произведения: "*What makes each chapter work is that it has a narrative pulse and it has a structure*" [там же, 310].

Иными словами, объединяющий фактор каждой главы – это образ ее повествователя. Однако перед нами – не сборник рассказов, а целостное произведение. Что же организует все эти разнообразные по точке зрения, стилю, типу повествования главы в единое полотно? Можно предположить, что произведение, представляющее хаотичную, иногда безумную картину мира, читатель воспринимает и чувствует как единое целое именно благодаря образу автора (сегмент 2), который стоит за всеми эксплицитно заявленными точками зрения и выступает как главная интегрирующая сила художественного текста, реализуясь в целом тексте через сквозной повтор образов (например закрытое пространство = ограничение свободы, доминирование грубой силы = уничтожение свободы); иронию, которая выступает как ведущий прием; формирование единого концепта (мир устроен хаотично) и некоторые другие.

Для выявления третьего конституента пирамиды (сегмент 1) мы предполагаем исследовать образы рассказчиков/персонажей и автора в романах Барнса "*Talking It Over*" и "*Love, etc*".

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования): Учеб.пособие. – Изд. 2-е, перераб. – Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 422 с.
3. Брандес М. П. Языковой стиль художественного повествования. – М.: МИМТ, 1985. – 256 с.
4. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 238с.
5. Виноградов В.В. О языке художественной прозы / Избр.труды. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
6. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1963. – 255 с.
7. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991. – 448 с.
8. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата. – К.: Вища школа, 1993. – 200 с.
9. Гак В. Г. О семантической организации повествовательного текста // Сборник научн. трудов Моск.гос.пед.ин-та иностр.яз. – Вып. 103. – М.: МГПИИЯ, 1976. – С. 57-82.
10. Гальперин И .Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
11. Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1991. – 205 с.
12. Домашнев А.И. Интерпретация художественного текста. Учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1983. –192 с.

13. Ковалев Ю. В. Герман Мелвилл и американский романтизм. – Л.: Художественная литература, 1972. – 280 с.
14. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захарченко И. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в системе коммуникации // Вестник МГУ. – Сер. 9. Филология. – М.: МГУ, 1997. – № 3. – С. 62-75
15. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 189 с.
16. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. – Л.: Художественная литература, 1974 – 285 с.
17. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.; Искусство, 1970. – 382 с.
18. Мороховский А.Н., Воробьева О.П., Лихошерст Н. И., Тимошенко З.В. Стилистика английского языка. – К.: Вища школа, 1991. – 270 с.
19. Москальская О.И. Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
20. Новикова М.А., Шама И.Н. Символика в художественном тексте. – Запорожье: Верже, 1996. – 174 с.
21. Ризель Э.Г. Теория и практика лингвистической интерпретации текста. – М.: Высшая школа, 1974. – 184 с.
22. Степанов Ю.С. Французская стилистика. – М.: Высшая школа, 1965. – 307 с.
23. Хованская З.И. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения. – Саратов: Изд-во Саратун-та, 1975. – 429 с.
24. Чернухина И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста. – Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1984. – 114 с.
25. Gottesman R. Henry James // Norton Anthology of American Literature. 4th edition. – Vol. 2. – N.Y., London: Norton & Company, 1994. – P. 274-277.
26. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова. – М.: Советская Энциклопедия, 1987. – 752 с.
27. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый вып. 2-ое изд./ Под общ. ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Азбука-ковник, 1999. – 511 с..
28. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с.
29. Current literary terms. A Concise Dictionary / Ed. by A.F.Scott. – Cambridge: Cambridge UP, 1980. – 324 p.
30. A Dictionary of modern critical terms/ Ed. by Roger Fowler. – London: Routledge & Kegan, 1973. – 208 p.
31. The Oxford Companion to 20-century Literature in English / Ed. by J.Stringer. – Oxford: Oxford UP, 1996. – 751 p.
32. Дж. Барнс. История мира в 10½ главах // Иностранный литература. – 1994. – № 1. – С. 5-216.
33. Julian Barnes. A History of the World in 10½ Chapters. – London: Pan Books, 1990. – 312 p.

ОБЪЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАГМЕНТОВ ПОРТРЕТНОГО ОПИСАНИЯ

Художественное пространство и населяющие его персонажи являются предметом изображения в специфических текстовых фрагментах, а именно в описательных фрагментах. Исследование, посвященное англоязычному научно-фантастическому (НФ) тексту, показало, что на подобные фрагменты приходится около 10 % текстового объема, который, в свою очередь, распределяется следующим образом: 6 % научно-фантастического текста посвящено описанию персонажей и 4 % описанию пространства (см. табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес крф "описание" в англоязычной НФ

	Описание		Объем всех анализируемых текстов
	Персонажа	Пространства	
Суммарная длина в словоупотр.	36 758	27 185	616 224
% текстового объема	6,0	4,4	
ИТОГО	10,4		100

Сосредоточив внимание исключительно на композиционно-речевой форме "описание", т.е. на описательных фрагментах англоязычных научно-фантастических произведений, видим, что согласно предмету изображение (персонаж VS пространство) они распределяются между со-

бой следующим образом: три четверти (75,4 %) всех описательных фрагментов посвящено изображению персонажей (см. табл. 2).

Таблица 2

Тематическая дифференциация КРФ "описание"

	Описание		Итого
	Персонажа	Пространства	
Кол-во описат. фрагментов	2 609	850	3 459
%	75,4	24,6	100

Вместе с тем, интересно проследить, сколь обширными оказываются соответствующие КР фрагменты текста.

Средняя длина описательного фрагмента в целом (не дискриминированного на описание персонажа или пространства) в англоязычной психологической прозе и публицистической прозе равна 38 и 60 словоупотреблениям соответственно (данные по: [2]). В англоязычной научно-фантастической прозе аналогичный показатель оказывается значительно меньшим и составляет в среднем лишь 26,3 словоупотребления (см. табл. 3).

Таблица 3

Объем описательных фрагментов в разножанровой англоязычной прозе

Жанр	Средняя длина описательного фрагмента в словоупотреблениях		
	Научно-фантастическая Проза	Психологическая проза	Публицистика
Количество словоупотреблений	26,3	38	60

Таким образом, видим, что в научно-фантастической прозе описательные фрагменты носят значительно более лапидарный характер. Возвращаясь к дифференциации описательных фрагментов на портретные описания и описания пространства (в последние входят пейзаж и интерьер),

замечаем, что их объемные характеристики также различаются между собой. При большей представленности портретных описательных фрагментов, нежели описаний пространства (тройкратное превосходство первых над вторыми – 75 % и 25 % соответственно), разница в суммарной длине всех портретных зарисовок и всех описаний пространства (в словоупотреблениях) оказывается не столь значительной: доля портретных описаний составила 57,5 %, а описание пространства – 42,5 % (см. табл. 4).

Таблица 4

Суммарный объем описаний персонажа и описаний пространства в англоязычной НФ

	Описание		Итого
	Персонажа	Пространства	
Суммарное количество словоупотр.	36 758	27 185	63 943
%	57,5	42,5	100

Из всего вышесказанного неопровергимо следует вывод о том, что в научно-фантастических произведениях внешность персонажей и манера их поведения чаще других объектов оказывается в фокусе авторского повествования, однако посвященные им описательные фрагменты, как правило, невелики.

В среднем описания персонажей вдвое короче (14,1 словоупотреблений), нежели описания пространства – 31,4 и 33,5 словоупотреблений в пейзаже и интерьере (см. табл. 5).

Таблица 5

Объем разнотематических описательных фрагментов в англоязычной НФ

Средняя длина описательного фрагмента в научно-фантастической прозе			
КРФ	Портрет	Пейзаж	Интерьер
К-во словоупотреблений	14,1	31,4	33,5

Более детальное изучение объемных параметров композиционно-речевых фрагментов "портретное описание" в НФ тексте показывает, что за средними цифрами таится существенное разнообразие конкретных данных. Вывод об общем стремлении к краткости портретных зарисовок спровоцирован тем обстоятельством, что большая часть КР фрагментов относится к группе коротких фрагментов (длина от 2 до 9 словоупотреблений) они составляют 55 % всего обследованного материала. Средние (10 – 29 словоупотреблений) фрагменты составляют более 30 %. Фрагменты длиной 30 – 59 словоупотреблений (полудлинные в нашей терминологии) занимают около 10 %. Наряду с этими фрагментами, как редкие исключения зарегистрированы также длинные (60 – 89 словоупотреблений) и даже сверхдлинные (90 – 200 и более словоупотреблений) портретные описания (2,4 % и 1,2 % соответственно) (см. табл. 6).

Таблица 6

Объемные и частотные характеристики разнотематических описательных фрагментов в англоязычной НФ

	Объем описат. фр.	Корот- кие	Сред- ние	Полу- длинные	Длин- ные	Сверх- длинные	ИТОГО
	Кол-во словоупотр.	2 – 9	10 – 29	30 – 59	60 – 89	90 > = 200	
ПОРТРЕТ	Кол-во фрагментов	1 434	796	284	63	32	2 609
	%	55	30,5	10,9	2,4	1,2	100
ПЕЙЗАЖ	Кол-во фрагментов	109	273	178	30	18	608
	%	17,9	45,1	29,2	4,9	3	100
ИНТЕРЬЕР	Кол-во фрагментов	51	113	59	14	4	241
	%	21,2	46,9	24,4	5,8	1,7	100

Особый интерес представляет анализ каждой из этих групп.

Как было указано, в исследуемом материале наиболее широко представленной группой (55 %) является группа коротких фрагментов, средняя длина которых колеблется от 2 до 9 словоупотреблений.

Однако их внешняя лапидарность иногда скрывает достаточно объемный информационный "пакет".

Исходя из того, что "любой глагол представляет собой по роду первичного наименования потенциальную синтагму, только одни экс-

плицируются, т. е. могут быть развернуты на синтаксическом уровне, другие не допускают подобного семантического развертывания" [3, 62]. Е. С. Горшенева выделяет два типа семантического усложнения предиката: интенсивный и экстенсивный [1, 169], наличие которых наблюдается в исследуемом материале.

К первому, по ее мнению, типу относятся структуры, в которых присутствуют так называемые семантически самодостаточные глаголы, содержащие в своей смысловой структуре несколько семантических признаков, не требующих развертывания на семантическом уровне. Имеются в виду глаголы, включающие в номинацию не только действие, но и способ действия, например:

to drawl – to utter or pronounce in a slow manner by prolongation of the vowels;

"By the way, Kingsley", he (Captain) **drawled**. (SF/JF., p. 61)

to stare – to gaze intently, as in admiration, surprise, horror or impudence;

Duncan stared. (SF/DM, p. 234)

to scoff – to show insolent ridicule or mockery;

"You have heard your song before", Webner **scoffed**.
(SF/WoV, p. 83)

Как видно из приведенных выше примеров, даже минимальные фрагменты из группы коротких (состоящие всего из двух словоупотреблений и представляющие собой нераспространенное простое предложение, либо вводящую авторскую ремарку) способны характеризовать персонаж. Предикат в них выражен глаголом, который выполняет не только денотацию действия, но и его характеристику, что собственно и позволяет такие минимальные отрезки текста относить к описанию.

Экстенсивное усложнение семантики предиката связано с наименованием действия и развертыванием адвебиального комплекса, характеризующего это действие:

"What's wrong?" he **asked irritated**. (MPSF/TMW, p.25)

Как правило, в таких фрагментах встречаем сочетание глаголов говорения (*to say, to ask, to add, to finish, to protest, to interrupt, to*

snort, to sound) или движения (*to move, to stop*) с наречиями образа действия.

"Go on", interrupted Burke roughly. "Get it over with ..."

(MPSF/TMW, p.21)

Trask moved restlessly. "What's Meyerhof been doing?"

(IA/ F, p. 191)

Вербальные средства, функционально идентичные или сходные друг с другом, формально могут быть различны. Так, например, семантическое усложнение предиката по обстоятельству образа действия может осуществляться не только при помощи наречий, но и:

1) предложными оборотами, включающими атрибутивные синтагмы: "*Yith – okay*", *she said, with an equitable detachment*.
(SF/DM, p. 244)

2) причастными оборотами, в которых встречаются как Причастие1, так и Причастие 2:

"*I will bet you*", *said Cary, speaking with a slow intensity, "five thousands credits...."* (MPMW, p. 20)

He nodded, surprised that he felt no fear. They walked forward....
(SF/MP p. 176)

3) беспредложными дополнениями ("cognate objects"), образующими с глаголом пару слов, находящихся в отношениях словообразовательной производности, типа "to laugh alaugh":

"*What?*" *He smiled his tight little smile.* (SF/ WoV, p.90)

4) абсолютной номинативной конструкцией:
He looked at me, pity in his lidless eyes. "Sir, haven't you heard?"
(SF/TAB, p. 166)

Только при наличии развернутой семантической структуры предиката можно причислять данные фрагменты к КРФ "описание" и говорить о смешанном характере данных текстовых фрагментов, включающих в себя глагол, с семой действия (что свойственно повествованию) и атрибутивно-адвербиальный модификатор, который выражает качественную характеристику манеры поведения персонажа, чаще всего речевого поведения (что свойственно КР форме "портретное описание").

В группе коротких описательных фрагментов следует отметить и другие, непредикатные синтаксические структуры, которые согласно своей семантической наполненности относятся к описательному контексту. К таким структурам можно отнести:

а) атрибутивные группы, с качественными прилагательными, причастиями и причастными оборотами:

... and some irreverent soul whistled appreciatively at the tall, lithe woman with golden hair. (Ed.H./CaWE, p. 73)

б) обособления (уточнения какой-либо детали внешности или поведения персонажа):

Norden Lund, a smug look on his face, said to the woman. "I told you " (Ed.H./CaWE, p. 89)

в) сравнительные эпитеты и сравнительные конструкции, служащие средством конкретизации и образной наглядности одновременно:

In the darkness I could just see the thing – like an elephant's trunk more than anything else – waving towards me. (HW/TWoTW, p. 155)

г) придаточные определительные клаузы :

... the Professor turned to Hopkins, who was looking enviously at our fuel gauges. (SF/JF, p. 61)

Второй по численности (31,5 %) является группа средних описательных фрагментов, длина которых колеблется от 10 до 29 словоупотреблений. Как правило, данные описательные фрагменты являются более или менее кратким описанием внешних параметров персонажей, их поведенческих характеристик, эмоционального состояния, жестов или расположения персонажей в пространстве.

He lay where he had fallen and sobbed, his face pressed blindly to the gravel. (R.Br./F, p. 124)

Относительная краткость фрагментов, характеризующих персонажей достигается за счет использования автором минимальных языковых средств для создания описательного контекста. К средствам, создающим характеристику внешнего облика персонажа в этой группе также относятся качественные прилагательные, причастия, предложные

обороты с атрибутивными группами, существительные, называющие различные части тела (соматизмы).

Исследование показало, что количество зарегистрированных фрагментов портретного описания уменьшается пропорционально возрастанию длины фрагментов.

Минимальной по частотности группой, представленной в выборке (1,2 %), является группа сверхдлинных описательных единиц текста, объем которых колеблется от 90 до 200 словоупотреблений и более. Данные фрагменты содержат обстоятельное описание внешности и/или поведенческих характеристик действующих лиц в определенной ситуации, очень подробное освещение каких-либо деталей их внешности и одежды. В этих описаниях используются различные языковые средства: сравнительные конструкции, распространенные сложные (сложносочиненные и сложноподчиненные) предложения, адвербиально-атрибутивные модификаторы, качественные прилагательные, мелиоративно или пейоративно окрашенная лексика.

... They were thagathla-beings six-limbs like the snig to which they were kin, but with creasted heads carried erect and forelimbs that ended in clever fingers instead of the snig's shovel-like digging paws. One of them wore the communicator which kept them in touch with their scouts, out of sight beyond tree-grown ridges; another carried a gas gun; the remaining one, whose name was Zilli, was a junior biologist with a future. Since she was the only scientist in the landing party, Zilli was its ex officio leader. (MPSF/P, p. 202)

Анализ материала показал, что объемные (длинные и сверхдлинные) портретные описания являются интродуктивными, они вводят новых персонажей в ткань повествования, одновременно разносторонне полно характеризуя последних.

В научно-фантастических произведениях внешность персонажей и манера их поведения оказывается в фокусе авторского повествования. Вместе с тем, посвященные им описательные фрагменты, как правило, невелики. Средняя длина самой многочисленной группы портретных описаний (55 % всего корпуса) колеблется от 2 до 9 словоупотреблений.

потреблений. Минимальное количество словоупотреблений во фрагменте коррелирует с усложнением семантической структуры предиката в простых нераспространенных предложениях. Частотность и рассредоточенность коротких портретных описательных фрагментов в тексте научно-фантастического произведения позволяют проследить создание художественного образа научно-фантастического персонажа на протяжении всего текста произведения.

Литература

1. Горшенева Е. С. Портрет персонажа в системе целостного художественного текста: Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. – К., 1984. – 207 с.
2. Розанова Е. А. Композиционно-речевые формы в англоязычной художественной и публицистической прозе (сопоставит. исследование на материале произведений XIX – XX вв.): Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1996. – 167 с.
3. Уфимцева А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. – М.: Высш. школа, 1980. – С. 59-80.

Список анализируемых текстов и их условных обозначений

1. **Ed.H./CaWE** – Edmond Hamilton. City at World's End. – Greenwich, Conn.: Crest Book, 1978. – 160 p.
2. **HW/TwoTW** – Herbert Wells. The War of the Worlds. – London: Aerie Books Ltd., 1938. – 200 p.
3. **MPSE/P** – Robert Abernathy. Pyramid // More Penguin Science Fiction: Short Stories. – L.: Penguin Books, 1963. – P. 202-230.
4. **MPSF/TMW** – Gordon R. Dickson. The Monkey Wrench // More Penguin Science Fiction: Short Stories. – L.: Penguin Books, 1963. – P. 15-27.

5. **R.Br./F** – Ray Bradbury. Fahrenheit 451c. Short Stories. – Moscow: Raduga Publishers, 1983. – P. 27-163.
6. **SF/DM** – John Wyndham. Dumb Martian // Science Fiction: English and American Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 233-257.
7. **SF/JF** – Arthur C. Clarke. Jupiter Five // Science Fiction: English and American Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 40-68.
8. **SF/MP** – John Christopher. Museum Peace // Science Fiction: English and American Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 171-180.
9. **SF/TAB** – Robert Silverberg. The Artifact Business // Science Fiction: English and American Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 159-171.
10. **SF/WoV** – Poul Anderson. Wings of Victory // Science Fiction: English and American Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 80-97.

ОСОБЛИВОСТІ ПЕРЕКЛАДУ УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ ФРАНЦУЗЬКИХ ЗВОРОТНИХ КОНСТРУКЦІЙ ЗІ ЗНАЧЕННЯМ ПАСИВНОСТІ

Дане дослідження присвячене аналізу деяких особливостей перекладу французької зворотної пасивної конструкції, проведенню на матеріалі творів сучасних французьких авторів і, відповідно, їх перекладів українською мовою.

Проблема категорії стану завжди була одним із питань, що привертали увагу лінгвістів своєю складністю та проблематичністю остаточно-го розв'язання. Це пояснюється тим, що в цій категорії у надзвичайно складний вузол зв'язані численні явища лексики, словотвору, семантики, морфології та синтаксису. У лінгвістиці існують різноманітні погляди щодо кількості станів, доречності опозицій між станами. У даному дослідженні робиться спроба виявлення особливостей перекладу українською мовою французького зворотного пасиву.

Перш ніж перейти безпосередньо до висвітлення питань функціонування зворотної пасивної конструкції у французькій мові й виявити деякі спільні риси у підгрупах українських перекладацьких відповідників з метою пошуку універсалій у перекладі цього мовного явища, треба надати основні характеристики зворотного пасиву.

Зворотний пасив у французькій мові утворюється лише від прямоперехідних дієслів, але досить нерегулярно, що зобов'язує позна-

чати у словниках наявність у дієслова форми зворотного пасиву [7; 8; 9]. Зворотний пасив має пасивну діатезу із забороною на використання агентивного додатка, який виражається істотою. На думку деяких вчених, зворотний пасив може бути віднесеній до станових словоформ вихідного дієслова, і саме такий статус відрізняє зворотний пасив від інших зворотних дієслів [3; 4].

У позиції підмету з формою займенникового пасиву вживаються, у більшості випадків, іменники, що позначають неістоти, тому що зворотний пасив з істотою у якості підмета сприймається як рефлексив. Але якщо подібне розуміння не можливе, зворотний пасив поєднується із підметами, що виражені назвами істот. Вони можуть бути конкретними, предметними та абстрактними. Крім цього, в якості підмета зі зворотним пасивом вживаються особові займенники 3-ої особи, а також займенники *ça*, *cela*, *ceci*, *tout*, що здатні замінювати цілі предикатні висловлювання: *Le peigne est en bonne place. Il se voit bien.*. Займенник *Il* замінює у даному випадку конкретний іменник [2, 241].

Функціонування зворотного пасиву має також граматичні часові обмеження, тобто, як свідчать статистичні дані, надані вітчизняними вченими, зокрема Є.Є. Корді, найбільш частотне вживання цього виду пасиву зафіксовано у *Présent* та *Imparfait*, на відміну від аналітичної форми пасиву, більшість випадків вживання якої зафіксована у *Présent* та *Passé Composé* [1, 302-304]. Одним з варіантів пояснення саме такого розподілення є думка, що у формах аналітичного пасиву найбільш численна група термінativних дієслів не передає зазвичай значення процесу й утворює конструкції результативу, у той час як ті ж самі граматичні часи зворотного пасиву передають значення процесу [1, 302]. Переважне вживання зворотного пасиву у *Présent* пояснюється також семантичними причинами. *Présent* зворотного пасиву виражає, у більшості випадків, неактуальний теперішній час, що має два основних "підзначення": звичайної дії та потенційної дії. Значення неактуального теперішнього часу добре узгоджується із неозначенено-основним суб'ектом дії, що є типовим для зворотного пасиву [2, 242-245].

Спираючись на наукові розробки щодо зворотного пасиву та результати дослідження сучасної французької прози, уявляється можли-

вим зазначити, що сучасна французька мова приймає, хоча й в дуже малій мірі, використання зворотної форми дієслова зі значенням пасивності, категорично відхиляючи присутність додатка агенса. Однак, не можна стверджувати, що додаток агенсу зовсім не вживається, наприклад: *Le salon s'emplit peu à peu d'une foule brillante*.

Р.-Л. Вагнер та Ж. Пеншон, зокрема, теж стверджують, що по аналогії з аналітичним пасивом, займенникова форма може супроводжуватися агентивним додатком, тобто членом речення, який посадав би місце підмета відповідного перехідного незайменникового дієслова: *Cette secte se fortifie par ses ennemis plus que par ses amis (Pascal)* *Cependant par Baucis le festin se prépare (La Fontaine)* [6, 293].

Щодо агентивного додатка, доречно привести з цього приводу спостереження В.С.Храковського. При наявності агентивного додатка з прийменниками *de* та *par* досить часто виникає проблема граматичної омонімії між агентивними та неагентивними додатками (наприклад, інструментальним, засобу дії та іншими). Виходячи з цього, В.С.Храковський робить висновок про те, що агентивний додаток має характеризуватися двома основними ознаками:

- 1) він висловлюється ім'ям активного підкласу;
- 2) він факультативний, тобто його можна випустити без порушення граматичної доречності й завершеності речення.

Застосовуючи ці критерії до додатків, що супроводжуються прийменниками *de* та *par*, виявляємо, що більша їх частина не є агентивними, приклади з дійсно агентивними додатками майже одиничні [2, 242].

На думку Ж. Може, майже кожне прямоперехідне дієслово в займенниківій формі може набувати значення пасивності: *Ma maison s'est bien vendue*. Можливими є такі випадки: *Il se peut qu'il vienne. Elle vous a cordialement reçu, comme il se doit*. Іноді, у розмовній французькій мові активна форма перехідного дієслова без об'єкту, і особливо зі значенням заперечення, приймає пасивне значення: *Voilà des habits qui jamais ne brossent*.

З іншого боку, кажуть: *La corde va casser. Cette étoffe ne lave pas* [3, 292]. (У даному випадку, на думку деяких вчених, йдеться про зай-

менникові форми, які, згідно з принципом мовної економії, загубили свою займенникову частку. Але такий конструктивний тип у сучасній французькій мові вже не вживается [4, 129]).

За спостереженнями Р.-Л. Вагнера та Ж. Пеншона, у деяких випадках не існує різниці між вживанням аналітичного пасиву та зворотного: *Cette pièce est jouée partout. Cette pièce se joue partout*. В реченнях, що надані як приклади, підмет є членом речення, що виконував би функцію додатку у випадку: *On joue cette pièce partout*. Чергування можливе завдяки імперфективному характеру вживаних дієслів. Нагомість, не можна вживати зворотну форму замість пасиву, коли йдеться про завершений дію: *C'est une chose qui est dite (sur laquelle il n'y a plus à revenir)* має інше значення аніж: *C'est une chose qui se dit*. З іншого боку, якщо підмет позначає людину, аналітичний та зворотний пасив не завжди мають ідентичне значення: *Tant d'étudiants ont été inscrits, cette année, à la Faculté des Lettres. Tant d'étudiants se sont inscrits, cette année...* [6, 293].

Ж. Стефаніні робить дуже цікаві зауваження щодо поняття "істота" та "неістота", досить часто вживаних у лінгвістиці. Безперечно, кожен мовець має достатньо знань з біології та зоології, щоб відрізняти істоту від неістоти та людину від нелюдини. Але поза межами використання їх на суто граматичному рівні, відмінність між даними поняттями стає відносною: *Une nourrice se traitait beaucoup mieux qu'un tâcheron. Tout professionnel se paye dans l'exercice de ses fonctions* [4, 133].

Таким чином, деякі вчені роблять висновок, що зворотна пасивна форма має завжди значення аналогічне аналітичному пасиву, і що вона завжди є його рівноцінним субститутом.

На думку ж інших дослідників цього мовного явища, невелика кількість вживання зворотного пасиву зумовлена наступними обставинами. По-перше, він є регулярним лише у трьох формах: *Présent, Imparfait, Infinitif*. По-друге, зворотний пасив не завжди узгоджується з агентивним додатком. По-третє, зворотний пасив не узгоджується з адресатним додатком у формі особового ненаголошеного займенника [1; 2].

Ми дотримуємося погляду лінгвістів, які вважають, що існують суттєві обмеження на вживання зворотного пасиву.

Розглядаючи функціонування зворотного пасиву у французькій та українській мовах, слід зауважити, що він більш розповсюджений в українській мові, де він є іноді єдиним засобом вираження пасиву. Це пояснюється з загальними особливостями зворотної форми в українській мові. Тобто в українській мові вживання аналітичної зворотно-пасивної форми стану дуже тісно пов'язане з видовими розбіжностями дієслова. У недоконаному виді вживається зворотно-пасивна, а в доконаному – аналітична форма стану. В деяких мовних формах, однак, можлива зворотно-пасивна форма й з дієсловом доконаного виду: *Все владнається саме по собі*.

Отже, мовне явище, що викликає стільки різноманітних поглядів на його граматичну природу у внутрішньомовному аспекті, безперечно, завдає багато труднощів при його перекладі іншою мовою. Слід зважити ще раз на те, що займенникова конструкція у ролі пасиву не є традиційним способом вираження цієї категорії, а лише її різновидом, що використовується за особливим вибором мовця. Таким чином, на відміну від сталих граматичних конструкцій, які мають певні "перекладацькі універсалії", позначені вище варіанти пасиву потребують ретельного дослідження з урахуванням кожного разу причин, через які вони були використані замість традиційного аналітичного пасиву. Іншими словами, доречно буде вирішувати проблеми цього типу на екстрапінгвістичному рівні, роблячи аналіз контексту у кожному випадку вживання займенникової конструкції у значенні пасиву.

Переходячи безпосередньо до дослідження перекладу, слід відзначити, що граматичні трансформації уявляють собою різноманітні засоби структурації висловлювання, тобто перифрази.

Традиційне перекладознавство розрізняє два основних типи граматичних трансформацій:

I. Трансформації, метою яких є зміна синтаксичної структури речення мови-оригіналу.

II. Трансформації, які дозволяють з'єднати кілька речень мови-оригіналу в єдину фразу [5, 61-80].

Приймаючи за основу цю класифікацію, можливо здійснити більш детальний аналіз варіантів перекладу українською мовою французької займенникової форми зі значенням пасиву. При перекладі цього типу конструкцій її відповідниками є:

1. Зворотно-пасивна форма: *Le train s'est arrêté brusquement* (16, 91) – Зненацька поїзд зупинився (23, 184). Необхідно відзначити, що таким способом перекладено найбільшу кількість зворотно-пасивних дієслів, оскільки конструкція цього типу є найбільш частотним засобом вираження пасиву в українській мові.

2. Пасивний дієприкметник: *Comité qui venait de se créer...* (11, 70) – Комітет, щонедавно створений (18, 99).

3. Безособові конструкції: *L'air s'est épaisse* (10, 28) – Стало зовсім нічим дихати (17, 148). *Cela ne se faisait pas* (13, 166) – Так не робиться (20, 95).

4. Іменник: *Tout ce qui se mange et se boit leur étaient offerts* (11, 108) – До їхніх послуг були всі на світі найдки і напої (18, 110).

5. Перехідні дієслова в активній формі: *Ces scènes se déchaînaient et se calmaient vite, comme les vagues...* (12, 65) – Такі сцени зринали і швидко затихали як хвилі... (19, 91).

6. Конструкції, що мають модальний відтінок, перекладаються за допомогою відповідних слів: "треба, можна, належить": *Il croit que ça se fait dans les cas-là* (15, 38) – Він вважає, що саме так належить робити в подібних випадках (22, 126).

7. Контекстуальні перифрази: *La jeune fille le voit s'éloigner* (10, 14) – Дівчина дивиться йому вслід (17, 141).

Під час дослідження перекладу французької пасивної конструкції українською мовою було відзначено декілька особливостей, що відіграють значну роль у контексті, а саме:

1. Дієслово *s'arranger*, в залежності від того, що саме виступає його підметом, та в якому контекстуальному оточенні воно знаходитьться, перекладається по-різному:

Il est donc vrai que tout s'arrange (16, 166) – Отже, правда, що кінець кінцем все вгамовується (23, 227). *Ça va s'arranger* (10, 29) –

Усе буде добре (17, 148). *La situation s'arrangeait pour lui* (14, 167) – Усе для нього складалося дуже добре (21, 325). *Tout s'arrange, venez...* (14, 164) – Все владналося, приходьте (21, 324).

Потребує уваги також те, що в більшості випадків це дієслово було перекладено українським дієсловом у зворотній формі. Всі варіанти перекладу дієслова *s'arranger* становлять синонімічний контекстуальний ряд.

2. Подібна ситуація спостерігається й коли йдеться про зворотне дієслово *se faire*. Його українськими еквівалентами виступають такі дієслова: *Робити/робитися; статися; відбуватися; скінчитися; з'явитися; прилипувати*. Отже, у більшості проаналізованих випадків українським варіантом перекладу *se faire* є зворотне дієслово.

Si le mariage se fait... (14, 89) – Якщо одруження відбудеться... (21, 287). *J'étais heureux qu'il se fit un secret entre nous* (12, 21) – Я пішався, що у нас з'явився спільний секрет (19, 41). *Il faudra que ça se fasse vite* (14, 156) – Треба, щоб це скоріше скінчилось (21, 320).

Дієслово *faire* - одне з найабстрактніших французьких дієслів. Висока частотність його вживання є проявом загальної тенденції використання у французькому реченні абстрактних слів замість конкретних у випадках, коли контекст в достатній мірі дозволяє конкретизувати значення даного слова. Як свідчить приведений вище фактичний матеріал, дієслову *se faire* у перекладі відповідає ціла низка українських дієслів, що мають на відміну від нього більш конкретне значення. Цей факт пояснюється тим, що українській мові у більшій мірі, ніж французькій, притаманне семантичне узгодження слів у реченні. У випадку з дієсловом *se faire* перекладацькі трансформації обумовлюються необхідністю конкретизувати дію відповідно до ситуації, яка описується.

3. Досліджений матеріал підтверджує спостереження деяких лінгвістів [2, 242] про те, що зворотні пасивні конструкції з агентивним додатком у французькій мові майже одиничні. В усьому матеріалі, розглянутому у рамках даного дослідження (390 прикладів), не було відзначено жодного випадку вживання додатка агента.

4. Цікавими для дослідника семантичної категорії пасивності можуть бути деякі випадки вживання зворотної форми з ознакою пасивності у першій та другій особі однини та множини, коли йдеться про істоту, всупереч твердженням деяких мовознавців щодо великих обмежень на подібне функціонування цієї дієслівної форми [2, 241]: *Je ne pouvais pas me libérer de cette hantise* (14, 85) – Я не могла позбутися докучливої думки (21, 285). *Ou plutôt non, je cherche encore à me mentir à moi-même* (12, 30) – Hi, я знову намагаюся ошукати себе (19, 52).

На перший погляд, надані приклади являють собою рефлексив, але, як вже не раз стверджувалося, багато уваги має бути приділено контексту, який вирішує у більшості випадків належність конструкцій, що досліджуються, до тієї чи іншої граматичної та семантичної категорії. Так, у даному випадку йдеться про внутрішню боротьбу персонажа, його диспут із самим собою. Тобто, він водночас є і виконавцем дії і її реципієнтом, але його роль реципієнта більш яскраво виявлена, отже дія більш сприймається аніж виконується формальним підметом, що надає підстави вважати розглянуті речення прикладами зворотного пасиву. Велике значення для дослідження має те, що в українській мові варіантами процитованих речень є теж зворотні речення, але ступінь пасивності в них дуже послаблений.

Треба додати й те, що у тексті мають місце конструкції безособово/неозначенено-особове *on* + зворотне дієслово з пасивним значенням: *On se battait près de Meaux* (12, 16) – Боїйшли під Мо (19, 35).

Отже, базуючись на даних, що були отримані під час аналізу способів перекладу українською мовою зворотної форми у якості пасиву, вдається можливим зробити деякі висновки, а саме: у більшості випадків зворотний пасив перекладається за допомогою українського зворотного пасиву, або контекстуальних перифраз; менш численними як засоби перекладу є конструкції, що мають модальний відтінок зі словами "треба, можна, належить", перехідні дієслова в активній формі, безособові конструкції. Таким чином, поза можливістю зберегти відповідність на граматичному рівні, використовуються перекладацькі

трансформації, що призводять до появи "штучних" перекладацьких еквівалентів, націлених на найбільш точну передачу змісту. Саме такий вибір варіантів перекладу зумовлено перекладацьким наміром адекватно відтворити зміст за допомогою усіх засобів вираження цієї семантичної категорії, що знаходиться у розпорядженні перекладача. Виявлені перекладацькі відповідники одного з засобів вираження семантичної категорії пасивності у французькій мові, а саме займенникового пасиву, можуть бути корисними для подальшого дослідження можливих способів передачі значення пасивності у перекладі.

Література

1. Корди Е.Е. Пассивные конструкции во французском языке // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. – Л.: Наука, 1974. – С. 289-314.
2. Храковский В.С. Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Л.: Наука, 1981. – 356 с.
3. Mauger G. Grammaire pratique du français d'aujourd'hui. – Paris: Hachette, 1968. – 417 p.
4. Stefanini J. La voix pronominale en ancien et en moyen français. – Aix-en-Provence, 1962. – 208 p.
5. Tcherednitchenko A.I., Koval Y.G. Théorie et pratique de la traduction. – К.: Lybid, 1991. – 417 p.
6. Wagner R. - L., Pinchon J. Grammaire du français classique et moderne. – Paris: Hachette, 1962. – 524 p.

Лексикографічні джерела

7. Darmsteter A. et Hatzfeld A. Dictionnaire générale de la langue française. – Paris, 1895-1900.
8. Grammaire Larousse du français contemporain. – Paris, 1964.
9. Littré E. Dictionnaire de la langue française. – Paris, 1863-1872.

Художні тексти

10. Lainé P. La dentellière. – Paris: Gallimard, 1974. – 180 p.
11. Perec G. Les choses. – Paris: Gallimard, 1969. – 117 p.
12. Radiguet R. Le diable au corps. – Paris: Société Nouvelle. Firmin – Didot, 1994. – 110 p.
13. Sagan F. Aimez-vous Brahms? – М.: Цитадель, 2000. – 109 p.
14. Sagan F. Bonjour, tristesse! – Paris: Juillard, 1954. – 163 p.
15. Sagan F. Un peu de soleil dans l'eau froide. – Paris: Juillard, 1969. – 179 p.
16. Susini M. C'était cela notre amour. Edition du Seuil, 1970. – 187 p.
17. Лене І. Мережниця / Пер. Федосенко П. //Сучасна французька повість. Таким було наше кохання. – К.: Дніпро, 1985. – С. 239-316.
18. Перек Ж. Речі / Пер. Омельченка В. //Сучасна французька повість. Таким було наше кохання. – К.: Дніпро, 1985. – С. 59-136.
19. Радігє Р. Диявол у тілі / Пер. Покальчук Ю. – І.-Ф.: Лілея-НВ, 1998. – 143 с.
20. Саган Ф. Чи любите ви Брамса?! / Пер. Омельченка В. //Саган Ф. Чи любите ви Брамса? – К.: Молодь, 1989. – С. 3-98.
21. Саган Ф. Здрастуй, печаль! / Пер. Кравець Я. К. //Чи любите ви Брамса? – К.: Молодь, 1989. – С. 243-332.
22. Саган Ф. Крапля сонця у холодній воді. / Пер. Омельченка //Чи любите ви Брамса? – К.: Молодь, 1989. – С. 99-242.
23. Сюзіні М. Таким було наше кохання / Пер. Омельченка В. // Сучасна французька повість. Таким було наше кохання. – К.: Дніпро, 1985. – С. 59-136.

ГАЗЕТНЫЙ ТЕКСТ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Языковая деятельность, по Р. Якобсону, есть выбор языковых единиц на оси селекции и расположение их на оси комбинаторики [27, 17]. Обе эти оси (множество языковых единиц и моделей их сочетаемости в речи) способны удовлетворить любые "коммуникативные запросы" пользователей языка, появляющиеся при порождении различных типов сообщений, которые "производятся в соответствии с социальными конвенциями" [35, 138]. Стилевые, жанровые, регистрационные дифференциации речевых произведений обусловлены в том числе и социальными конвенциями.

По мнению Х. Видусона, одно из кардинальных различий между литературными и не-литературными сообщениями состоит в том, как они вписаны в социальную матрицу (*social matrix*): "литературное сообщение не предполагает предшествующих событий и не предвосхищает последующих действий. Нормальные сообщения черпают свою значимость из внешних обстоятельств, из ситуации в которой они происходят" [35, 140-41]. Газетную информационную заметку следует отнести к "нормальным" (по Видусону), не-литературным сообщениям, т.к. она очень плотно вписана в "социальную матрицу". Это текст, который, в первую очередь, ориентирован на отражение предшествующих событий. М. Пратт считает, что сообщения, которыми обмениваются коммуниканты, можно сравнить с рыночным товаром (*commodity*), которым торгуют на метафорическом лингвистическом рынке. "Товар, имеющий хождение на рынке, называется информацией, т.е. категорией

рией, которая ассоциируется, прежде всего, с массовой коммуникацией" [30, 187].

Соотнося понятия массовой коммуникации и литературы, обратимся к идеи М. Тулана о противопоставлении планируемого и непланируемого дискурса. Планируемый дискурс, т.е. литература, по его мнению, "пишется, чтобы ее прочли, а затем переписали заново и потом прочли. Создание литературы (*the writing of literature*) крайне рефлексивно и самоосознанно (*reflexive and self-conscious*)" [32, 121]. Газетная информационная заметка на оси планируемого – не-планируемого дискурса занимает промежуточную позицию, т.к. она безусловно планируема, неспонтанна, однако практически лишена рефлексивности на самое себя и не предполагает многократного переписывания.

Особенности передачи информации в газетном тексте неоднократно становились предметом изучения. Этим вопросам посвятили свои работы Б. А. Зильберт [4]; Е. А. Иванчикова [5]; Л. М. Майданова и С. И. Сметанина [11]; Г. Г. Почепцов [16]; Д. Б. Пэн [18]; С. П. Кушнерук [9]; Л. М. Большиянова [1]; Г. Я. Солганик [20]. Ведущим принципом подачи информации оказывается соблюдение говорящим (автором) максимы количества Х. Грайса: "делай свой вклад (в общение) информативным настолько, насколько это необходимо для текущей цели; не делай свой вклад более информативным, чем это необходимо" [26, 45]. Новостная информационная заметка может трактоваться как прототипический для газетного стиля текст. См., например, следующую дефиницию: "Прототипы часто характеризуют как центральные или лучшие примеры" [15, 121]. В новостной газетной заметке передача информации как коммуникативная универсалия может быть сформулирована следующим образом: подчеркнуто объективное, оперативное освещение реальных событий как совокупности институализованных (в терминах Сёрля [31, 52]) фактов.

Обратим внимание на подчеркнутую объективность газетного сообщения. "Новости, как никакая другая разновидность общественной коммуникации, претендуют на объективность, сбалансированность и непредвзятость" [33, 207]. Однако объективность и достоверность

новостной заметки коренится не столько в самом сообщении, сколько в его трактовке: "реальность – это то, что подается говорящим как реальное..., достоверность служит звеном в цепочке рассуждений, а не развернута в пространстве событий" [14, 76-77]. Как образно выразился Г. Почепцов, "новости – это такой же символический мир, как роман или мыльная опера" [17, 81].

Необходимо констатировать, что объективность и реалистичность газетного сообщения это результат одной из многих коммуникативных конвенций. Используем следующее умозаключение Барнса по принципу "от противного": "всегда существуют сигналы, предупреждающие читателя, что художественную литературу следует принимать как фикцию, самый простой из таких сигналов – это указание на то, что книга является романом" [22, 123]. Аналогичные сигналы находим и в газетной информационной заметке. Сам факт публикации сообщения в определенном издании (газета) и в определенной рубрике (новости) настраивает читателя на то, что перед ним правдивое сообщение, ибо "у читателя имеется определенная рамка, классификационная схема, через которую он пропускает всю входящую (текстовую) информацию" [29, 56], вне действия этой "рамки" невозможно восприятие и дальнейшее понимание речевых сообщений.

О разграничении восприятия и понимания речи подробнее см. [3, 237 и далее]. Изучению вопросов понимания текста посвятил свои работы А.И.Новиков и пришел к выводу о том, что понимание возможно при совмещении "индивидуальных систем знаний партнеров по коммуникации, которое устанавливается в некоторых точках контакта речевого потока с внутренней системой знаний индивида. В этих точках происходит пересечение общего, объективного и индивидуального, субъективного" [13, 18].

Понимание как речемыслительная реакция читателя на газетный текст также приводит к построению в его сознании модели изображаемого мира. Данная модель основана на общих с автором сообщения "точках контакта".

Считаем возможным присоединиться к тезису С. А. Жаботинской о том, что "перлокутивный эффект политического дискурса состоит в

том, что читатели реагируют на сообщение, становясь на оценочные позиции авторов" [37, 111], и обусловлено это в частности ангажированностью авторов, которая проявляется и в языке. Как отмечает Р. Водак, "язык идеологии притворяется правдивым, (но) он есть система со своими ценностями и оценками (*values and estimates*)" [36, 119].

П. Коркоран придерживается мнения, что "язык политики отличается своим содержанием, но лишен своих лексических и грамматических "особенностей" [24, 145]. Полностью согласиться с этим нельзя. Трактуя язык политики в широком смысле, полагаем, что формально-речевой аспект политического дискурса, в том числе газетного сообщения, непременно имеет свои отличительные черты. В грамматическом строе они проявляются менее ярко, в лексическом строе более заметны и чрезвычайно ярко они проявляются на композиционно-текстовом уровне.

В качестве аргумента сошлемся, в частности, на фундаментальный труд Д. Байбера и др. [23], в котором приводятся новейшие статистически подтвержденные данные о четырех регистрах современного английского языка: о художественной и научной речи, новостях, устно-разговорной речи. По данным этого источника, наивысшая лексическая плотность (соотношение вокабулярных единиц и словоупотреблений) наблюдается в новостном тексте, она составляет 75% (для сравнения: в разговорной речи этот показатель равен 57%), что свидетельствует об информативной насыщенности газетного текста. "Главная цель новостного репортажа – передача информации, предпочтительно в наиболее сжатой форме, поэтому неудивительно, что здесь наблюдается наивысший показатель лексической плотности" [23, 53, 62].

Композиционно-текстовая специфика новостных заметок отражает внетекстовые связи этого сообщения с миром реальных событий, а также межтекстовые связи газетной заметки с макротекстом, который образуется из всех публикаций данного номера газеты и различных публикаций об одном и том же событии. Как утверждает Д. Пэн, "комплектование (газетных) текстов следует не за развитием содержания внутри текста, а за развитием экстралингвистической действительности

ти" [18, 33]. Причем само по себе событие "имеет определенный срок жизни, за 7-10 дней оно полностью "выветривается" из массового сознания" [16, 85], поэтому жизнь события в новостной плоскости (например, в газетной информации о нем) подчиняется последовательным этапам его отражения в прессе: освещение, комментирование, упоминание в списке однородных событий, ссылка на него в связи с другими событиями [там же].

В пространстве газетного макротекста информационная заметка всегда введена в четкую тематическую структуру, благодаря рубрикации печатных материалов. Как полагает Д. Аттридж, "классификация сообщения может происходить за счет его внешнего вида или через его отнесение к какой-либо категории в пределах определенной институализованной структуры" [21, 39]. Подобная классификация новостного сообщения происходит путем размещения заметки на определенных газетных полосах, в пределах определенных рубрик. "Газетные рубрики, помещенные над или под заголовком, повторяются из номера в номер и ориентируют читателя в общем характере сообщения" [5, 88].

Тематика газетной хроники сводится к освещению визитов, переговоров, встреч, награждений, съездов, митингов, военных действий, террористических актов, выступлений и т.п. [18, 41]. Как утверждают Дж. Ватсон и А. Хилл, "новость – это лишь сырья информация, из которой в конечном итоге можно сконструировать собственно новость, если данная информация отвечает требованиям "новостности" (*newsworthy*) [33, 206]. Этому способствуют следующие условия: конфликтность, опасность для общества, необычность, скандальность события [там же].

С. Кушнерук, анализируя сенсацию как лингвистический феномен, замечает, что у "основного потребителя информации – общества – сформировался синдром ожидания сенсационного материала" [9, 56]. Газетный дискурс в условиях жесткой рыночной конкуренции стремится максимально полно и оперативно удовлетворить запросы читательской аудитории. Однако, как упоминалось выше, новостность – свойство преходящее, "когда новость становится общеизвестной, новость следующего дня вычеркивает новость дня предыдущего [17,

107]. В погоне за постоянно ускользающей новизной новостной дискурс "безостановочно и жадно переключает фокус внимания с одной катастрофы на другую" [33, 60].

Как видим, на содержательно-тематическое своеобразие газетной информационной заметки влияет фактор адресата, стремление удовлетворить читательские запросы, необходимость удержать читательский интерес. Естественно, фактор адресата проявляет себя не только в тематической фокусировке газетных новостей, но и в целом спектре когнитивных, коммуникативных и лингвостилистических особенностей новостных текстов.

"Впервые фактор адресата введен в речевой процесс Л.В.Щербой, который подчеркивал необходимость направленности порождения речи на ее восприятие с ориентацией на собеседника, а затем использовался в моделях Н. Н. Жинкина, У. Чейфа, Ч. Осгуда, Р. Шепка, Т.В.Аполлонской и др." [19, 84]. Об адресованности литературных текстов разных стилей и жанров писали О. Воробьев [2], И. Колегаева [6], В. Кухаренко [8]. В рамках данного исследования изучалось влияние фактора адресата на коммуникативную специфику газетных текстов. Она может быть сформулирована как коммуникативно неблагоприятная ситуация, в которой функционируют СМИ, в том числе и печатные. У читателя ежедневной газеты, как правило, "существует очень слабая установка на внимательное восприятие и осмысление информационных сообщений, их восприятие изначально протекает скорее в режиме просматривания, чем тщательного прочтения текста" [28, 35]. Сосредоточенность и концентрация внимания со стороны адресата, которые предполагаются, например, в научном или юридическом дискурсе, здесь не наблюдаются. "Специалисты характеризуют массовую аудиторию как невнимательную.., массовое сознание принципиально невнимательно, для него (описываемые) события имеют отнюдь не первостепенное значение" [17, 210, 225]. Данное обстоятельство влияет на характер коммуникации.

Создатели новостных текстов для успешной коммуникации должны учитывать, что читатель будет действовать в режиме рассеянного внимания и быстрого чтения. Об особенностях медленного и быстрого

чтения см. [10, 134, 139]. Быстрое чтение делает особо важным момент графического оформления текста. О психофизических и психолингвистических особенностях восприятия письменной речи см. [7, 19]. Эффективному восприятию способствует также вынесение важной информации в ключевые позиции текста. "Реципиент, бегло просматривая текст, выбирает из него опорные элементы..., при этом используются механизмы вероятностного программирования и ... иерархия содержательных элементов по их потенциальной значимости для понимания целого" [10, 139]. В связи с особенностями коммуникации в рамках печатных СМИ упомянем следующий тезис из теории прагмалингвистики: "Первая интерпретация информации связана с принципом уместности, результатом которой является контекстуальный эффект, достаточный для компенсации когнитивного усилия партнера по коммуникации" [12, 61].

Д. Аттридж в свое время предложил терминопонятие "*culturally and ideologically situated reader*" [21, 43], которое можно перевести как "культурно и идеологически локализованный, определенный читатель". Разумеется, это определение приложимо к текстовой категории "образ читателя", поскольку реальный читатель всегда принадлежит тому или иному этносу и занимает те или иные идеологические позиции. Расшифровка образа читателя возможна через языковую форму сообщения. Так, например, Дж. Вебер, анализируя концептуальные метафоры в языке СМИ, отмечает, что их выбор обеспечивает доступ к предпосылкам, ценностям, отношениям, образующим общий смысл конкретной культуры" [34, 7], которая, как правило, составляет то "общее знание (*shared knowledge*), которое делает коммуникацию возможной" [25, 201]. "Говорящий стратегически направлен, прежде всего, на аутентичного для него в плане этноса, языка, культуры адресата" [19, 218]. Чем точнее оказывается со-впадение запограммированного образа читателя и реального читателя (Об этом см, напр., [6, 50-52]), в том числе и в плане их культурной, национально-этнической и идеологической атрибуции, тем быстрее и успешнее достигается коммуникативный эффект.

В газетном дискурсе, как и в письменной коммуникации в целом, отсутствует немедленная обратная связь. В этом случае, как

считает Р. Фаулер, успех зависит от наличия у читателя релевантных для данного дискурса моделей и навыков, базирующихся на предшествующем дискурсном опыте [25, 203]. Дискурсный опыт можно сузить до навыков по обработке информационных сообщений. Дж. Ватсон называет такие навыки "новостной грамотностью" (*news-literate*), которую определяет как "способность адресата понимать нормы, коды и условности новостных сообщений, его способность "с умом" просматривать новости (*to scan intelligently the news*) и спонтанно интерпретировать весь мир в терминах новостного кода" [33, 209].

Обобщение существующих теоретических взглядов наряду с собственными наблюдениями над новостной информационной заметкой позволяют нам трактовать ее как специфическое явление газетного дискурса, которое занимает ядерную центральную позицию среди разнообразия манифестаций печатной массовой коммуникации.

Литература

1. Большиянова Л.М. Внешняя организация газетного текста поликодового характера // Типы коммуникации и содержательный аспект языка: Сб. науч. тр. – М.: Наука, 1987. – С. 167-172.
2. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата. – Киев: Вища школа, 1993. –139 с.
3. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Рос. гуманит. ун-т, 2000. – 382 с.
4. Зильберт Б.А. Проблемы классификации текстов массовой информации // Изв. АН СССР, Серия лит. языка. – Том 45. – № 1. – 1986. – С.70-79.
5. Иванчикова Е.А. Жанровые формы речи газетной публицистики // Стилистика русского языка (Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста). – М.: Наука, 1987. – С. 72-135.
6. Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. – Одесса, 1991. – 120 с.

7. Коссов Б.Б. Творческое мышление: его механизмы и факторы развития // Психологическое обозрение. – М., 1996. – № 2. – С. 18-23.
8. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 186 с.
9. Кушнерук С.П. Коннотативные вариации: проблема измерения, или сенсация как лингвистический феномен // Когнитивная семантика: Материалы Второго Международного семинара по когнитивной лингвистике. – Т. 2. – Тамбов: Изд-во Тамбовского университета, 2000. – С. 56-58.
10. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1999. – 287 с.
11. Майданова Л.М., Сметанина С.И. Методика стилистического анализа газетного текста // Журналистика. Пресса. Аудитория. – Л., 1986. – Вып. 3. – С. 134-144.
12. Маслов Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1965. – С. 53-80.
13. Новиков А.И. Структура содержания текста и возможности ее формализации (на материале научно-технических текстов): Автoref.-дис... д-ра филол. наук: 10.02.04 – Москва, 1998. – 32 с.
14. Павловская Н.Ю. Модальность достоверности: лингвистический статус, когнитивный подход в изучении // Когнитивная семантика: Материалы Второго Международного семинара по когнитивной лингвистике. – Т. 2. – Тамбов: Изд-во Тамбовского университета, 2000. – С. 75-78.
15. Пинто де Лима Ж. Новый подход к прототипам: pragmatische взгляд // Вестник Моск. ун-та. Серия 9, Филология. – 1995. – № 5. – С. 117-126.
16. Почепцов Г.Г. Коммуникативные аспекты семантики. – К., 1987. – 145 с.
17. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. – 352 с.
18. Пэн Д.Б. Слово и тема в газете. – Р.-на-Дону: Изд-во Рост. Ун-та, 1991. – 89 с.
19. Селиванова Е.А. Когнитивная ономасиология – К.: Изд-во управления фитосоциологического центра, 2000. – 248 с.
20. Солганик Г.Я. Об особенностях языка газеты // Русский язык за рубежом. – 1998. – № 5. – С. 35-40.
21. Attridge D. Closing statement: linguistics and poetics in retrospect // The Stylistic Reader. From Roman Jakobson to the present / Ed. by J.J. Weber – Lnd. Sydney, Aukland: Arnold, 1996. – P. 36-53.
22. Barnes J.A. A Pack of Lies: Toward a sociology of lying. – Cambridge: CUP, 1994. – 134 p.
23. Biber D., Johanson S., Leech G., Concar S., Finegan E. Longman grammar of spoken and written English. – Harlow: Pearson Education Ltd., 1999. – 234 p.
24. Corcoran P.E. Political language and rhetoric. – Austin: University of Texas Press, 1979. – 199 p.
25. Fowler R. Studying literature as language // The Stylistic Reader. From Roman Jakobson to the present / Ed. by J.J. Weber – Lnd. Sydney, Aukland: Arnold, 1996. – P. 196-205.
26. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and semantics, 3: Speech Acts. – N.Y.: Academic Press, 1975. – P. 41-58.
27. Jakobson R. Closing statement: linguistics and poetics / The Stylistic Reader. From Roman Jakobson to the present // Ed. by J.J. Weber – Lnd. Sydney, Aukland: Arnold, 1996. – P. 10-35.
28. Kolegayeva I., Voronyuk O. Cognitive aspects of Intralingual and Interlingual Paronymous Attraction in Mass Media Communication / / The USSE Messenger, 2000 (1). – P. 35-40.
29. Morozova O. Deception, lying and fiction // The USSE Messenger, 2000 (1). – P. 54-62.
30. Pratt M.L. Ideology and speech-act theory // The Stylistic Reader. From Roman Jakobson to the present / Ed. by J.J. Weber – Lnd. Sydney, Aukland: Arnold, 1996. – P. 181-193.

31. Searle J. Speech Acts: An essay in the philosophy of language. Cambridge: CUP, 1969. – 64 p.
32. Toolan M. Stylistics and its discontents: or, getting off the fish 'hook' // The Stylistic Reader. From Roman Jakobson to the present / Ed. by J.J. Weber – Lnd. Sydney, Aukland: Arnold, 1996. – P. 117-135.
33. Watson J., Hill A. A Dictionary of media and communication studies – Lnd.: Arnold, 2000. – 376 p.
34. Weber J.J. Towards contextualized stylistics: An overview // The Stylistic Reader. From Roman Jakobson to the present / Ed. by J.J. Weber – Lnd. Sydney, Aukland: Arnold, 1996. – P. 1-8.

Н.А. Кравченко

ПРОПОВЕДЬ КАК ОСОБЫЙ ВИД ТЕКСТОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

Проповедь как неотъемлемая часть христианского богослужения давно заняла прочное место в трудах известных богословов [2; 3; 4; 5; 10; 11; 14] и даже является предметом изучения особой богословской науки – гомилетики (от греч. *Homileo* – общаясь с людьми).

В самом общем смысле проповедь трактуется как "христианское наставление, как правило, преподаваемое в храме за литургией, имеющее своей задачей *поведать* и разъяснить слушающим учение Христа" [13, 458].

Однако как весьма оригинальное явление речевой деятельности проповедь еще не нашла достойного отражения в лингвистических исследованиях. Возможно, это объясняется тем, что даже в гомилетике главный вопрос учения – о существе и природе проповеди – до сих пор представляется еще нерешенным и спорным: одно ли и то же, по своей природе проповедь церковная и ораторское искусство вообще? Является ли проповедь "словом разума и словом премудрости" или же это "явление духа", ипостась высшего порядка, не доступная человеческому разуму, а, следовательно, и изучению с точки зрения законов человеческой логики и мирского знания? В каком взаимоотношении находятся естественные способности к ораторству и благодать при проповеди [12, 161]?

В зависимости от ответа на эти вопросы возникли два направления в гомилетике – *профетическое*, настаивающее на вдохновенном

происхождении проповеди, и риторическое, трактующее проповедь как вид ораторского искусства, как церковную риторику, подчиненную, наравне со всякой риторикой, законам Цицерона и Квинтилиана.

Сторонники профетического направления, отрицаая элемент авторского субъективизма в проповеди, опирались на слова апостола Павла из 1-го послания к Коринфянам: "И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, а в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией" (1 Кор.2: 4-5) [9, 290].

Как известно, отрицательное отношение к ораторству возникло у апостолов. Однако апостолы и первые христиане выступали лишь против внешней художественности слова, против тех отрицательных черт, которыми характеризовалось современное им ораторское искусство: пустой риторической напыщенности и неумеренного панегиризма. Этим они защищали еще не окрепшее новое учение от посягательств ораторского искусства и философии, поскольку всякая изысканная искусственность представляла опасность неискренности и служения личному интересу [4, 119].

Апологеты риторического направления (среди которых были известные гуманисты Рейхлин и Эразм Роттердамский), рассматривали проповедь как ораторское произведение, лишь известным образом приспособленное для нужд церковного учительства. Это направление имеет более продолжительную историю и господствует и сейчас. Возможно, основанием этому послужил образ первого христианского проповедника – самого Христа, проповеди которого, по свидетельствам апостолов, не были чужды риторике. Как писал известный исследователь проповеди J.J.Murphy: "*It must be remembered, that although Christ's religious message was revolutionary, His methods of communication were not*" [15, 269].

Существование этих двух направлений в гомилетике можно объяснить, на наш взгляд, тем, что будучи одной из функций церкви, проповедь несет в себе ту же двуединость, что и церковный институт: с одной стороны церковь обращена к Богу, она – "Невеста Христова", с

другой – к человеку, она – "мать всех христиан". Поэтому проповедь, "выступая посредницей между Богом и людьми, с одной стороны, преобразует божественный императив в понятия, доступные человеческому разумению, а с другой, – наоборот, согласует категории человеческого мышления с богооткровенной истиной" [8, 10].

Любой современный исследователь, знакомый с образцами проповеди наших дней, с большей готовностью отдаст предпочтение риторическому направлению, так как профетическое направление представляется весьма неубедительным в силу его экзальтированности и склонности к экстатичности. Однако если обратиться к истории "первобытной" [4, 79] христианской проповеди, можно убедиться, что в первые столетия христианской эпохи существовали 3 типа проповедей:

– *Глоссолалия* – говорение языками, ранее неизвестными говорящему. Состояние глоссолала (проповедника) характеризовалось состоянием экстаза, "под наитием преизбыточествующей благодати ... он становился вне себя". Речь его была до того восторжenna и бессвязна, что часто должна была сопровождаться речью "истолкователя".

– *Профития* – пророчество, проповедь, сочетающая в себе субъективное (авторское, человеческое) и трансцендентное (Авторское, Божье), с преобладанием, однако, второго. Речь проповедника была стройной и общепонятной.

– *Дидаскалия* – проповедь, произносимая под управлением разума, содержащая в себе рассуждения и доказательства, и действующая не только на чувство, но и на логическое восприятие. Здесь субъективное берет верх над трансцендентным, но не исключает его. Такая проповедь возможна лишь при специальной, не только богословской, но и риторической подготовке [4, 77-79].

По мере того, как христианское общество осваивалось с новым учением не только чувством, но и логическим восприятием, первоначальный экстаз учителей уменьшался, и уже при апостолах преобладала дидаскалия. Однако, заняв господствующее положение, дидаскалия приняла в себя некоторые элементы глоссолалии и профитии: "от глоссолалии приняла горячность и теплоту чувств, от профитии –

силу и выразительность" [4, 107]. Необходимо отметить, что первые два вида проповеди не отмерли окончательно и существуют в некоторых сектах и поныне.

Еще одним аргументом, объясняющим возникновение профетического направления и "оправдывающим" его существование, может послужить сравнение проповеди со светским ораторским произведением эпохи античности, в недрах которой и зародилась христианская проповедь.

Особенности, отличающие проповедь от светского ораторского произведения, сводились к следующему:

1. Христианская проповедь – это прежде всего изложение теоретического мировоззрения, причем не личного мировоззрения проповедника, а учения, данного свыше. В языческом же ораторстве принципиальная сторона или вовсе отсутствовала, или же, если и была, то в виде личных принципов оратора: у каждого оратора была своя философия, с точки зрения которой он и трактовал те или иные факты.

2. В христианской проповеди важной задачей является забота о пользе для слушателей, а не об успехе проповедника. Античная риторика была целиком и полностью ориентирована на говорящего, на успех его речи.

3. Действенность христианской проповеди, в отличие от светского ораторского произведения, зависит не только от ораторских способностей говорящего, но и Божьего дара, Божьей благодати, ниспосланной на говорящего (да и на слушающих тоже) (1 Кор.2: 4-5). Это та не поддающаяся определению харизматичность проповеди, то "пребывание в Духе" [11, 221], попытка объяснить которое "была бы крамолой против Бога, чудовищным порождением человеческого эгоизма, желающего и Бога подчинить себе" [11, 64].

Со временем светское ораторское искусство развивалось, менялись принципы, приемы, коммуникативные установки публичных выступлений. Не была статичной и проповедь, чему способствовали естественные исторические события: образование новых конфессий, эпоха Реформаторства и т.д. В своем современном виде она значительно отличается от раннехристианской проповеди.

Но до сих пор остается спорным вопрос о правомочности полного отождествления проповеди с публичным (ораторским) стилем.

Все лингвисты, соприкасающиеся с текстами проповеди, едины в том, что это – тексты воздействия. Некоторые исследователи, подчеркивая своеобразие текстов проповеди, предлагают наряду с общепринятыми функциональными стилями выделить еще и *духовный функциональный стиль* (стиль религиозных произведений и речи) [6, 314], другие относят проповедь к *сакральным текстам* [1, 102].

Причины, по которым нельзя безоговорочно отнести проповедь к публичному стилю, отчетливо просматриваются на экстралингвистическом уровне. Приведем некоторые из них:

Проповедь так или иначе всегда связана с текстом Библии. Даже если предметом речи является не толкование отдельных частей Евангелия или церковный праздник, а историческое или общественное событие, проповедник комментирует его в библейском аспекте.

Адресатом речи всегда является священник, по сути своей выполняющий роль посредника между адресатом (паствой) и Богом. (В канонах церкви право литургийной проповедидается только лицам, имеющим благодать священства. При посвящении в сан священник получает, во-первых, "благодать учительства", а во-вторых, право говорить от имени церкви. Поэтому здесь не рассматриваются речи проповедников-сектантов, не признающих таинства священства). Проповедник обращается к слушателям не от своего имени, а проповедует слово Божие. В образе проповедника опять наблюдается известная двойственность: с одной стороны, он наделен особыми полномочиями в силу своего сана – доносить до слушателей Божественную истину, с другой стороны, он и сам слушатель этой истины.

Здесь можно возразить, что светский оратор также может выступать от чужого имени (напр., в политических выступлениях, в речах на судебных заседаниях). Однако предмет речи и отношение к нему говорящего носят здесь принципиально иной характер. Авторство в светском публичном выступлении играет столь же важную роль, как и в художественной литературе, тогда как проповедник не мыслит себя

непосредственным автором своей речи. Его цель – донести до слушателей вечные истины, открытые ему.

Несмотря на то, что *адресатом* проповеди является широкий круг слушателей разной социальной принадлежности, возраста, пола, с различной степенью знакомства с Библией и христианскими догматами, тем не менее это – адресат-союзник, готовый к восприятию проповеди и заинтересованный в ней.

Поведение аудитории на проповеди также значительно отличается от поведения светской аудитории. В отличие от последней, допускающей во время слушания светских речей различные формы вербального и невербального вмешательства (апплодисменты, возгласы, знаки одобрения – неодобрения), проповеди аудитория внимает⁸ в тишине и молчании.

Уникальным моментом коммуникативной ситуации проповеди является то, что контакт говорящего и слушающего налаживается задолго до начала проповеди, во время богослужения. Чтение Евангелия, молитвы, пение подготавливают слушающего к восприятию живого слова.

Какими бы сложными и противоречивыми свойствами не обладала проповедь, и как бы не решился в гомилетике вопрос о ее существе и природе, несомненно одно: этот очень своеобразный и яркий вид речевой деятельности заслуживает пристального внимания и изучения не только богословов, но и лингвистов, ибо "в проповеди раскрывается таинственность Слова" [7, 94].

Литература

1. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. – СПб., 1994
2. Амфитеатров Я.К. Чтение о церковной словесности или гомилетика. – Киев, 1846.
3. Арсеньев Н.С. Единый поток жизни (к проблеме единства христиан). – Брюссель, 1973. – С. 137-174.
4. Барсов Н.И. История первоначальной христианской проповеди (до IV в.). – СПб., 1885.

5. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви. – Париж, 1985. – С. 277-297.
6. Волков А.А. Основы русской риторики. – М.: Наука, 1993.
7. Кравченко А.Н. Близкие воспоминания. – Одесса, 2002. – С. 94-98.
8. Левшун Л.В. Проповедь как жанр средневековой литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992.
9. Новый Завет. – М.: Изд. Моск. Патриархии, 1958.
10. Поснов М.Э. История Христианской Церкви. – Брюссель, 1964.
11. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Собр. соч. Т. IV. – Париж, 1989.
12. Энциклопедический словарь. – СПб: Изд. Брокгауза и Ефрона, 1893. – Т. IX. – С. 161-165.
13. Энциклопедический словарь. – СПб: Изд. Брокгауза и Ефрона, 1893. – Т. XXV. – С. 458-459.
14. Юрьевский А. Гомилетика или наука о пастырском проповедании слова Божия. – Киев, 1903.
15. Murphy J.J. Rhetoric in the Middle Ages. A History of Rhetorical Theory from St. Augustine to the Renaissance. – Los-Angeles, London, 1971.

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ЭКСПАНСИЯ В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ РЕЧИ КОНЦА ХХ – НАЧАЛА ХХІ ВЕКОВ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС И ФУНКЦИИ

Рассмотрев первую – кирилличную – группу новейших заимствований и выяснив их графические, морфологические, словообразовательные, семантические и тематические характеристики, а также способы их введения в текст [9], обратимся ко второй группе.

Во второй группе, кириллица сначала частично, а потом полностью уступает место латинице. Экспансия последней имеет место на всех трех ярусах письменной формы слова и продвигается от графемы, через морфему, к полной словоформе.

Появление чужого шрифта немедленно привлекает внимание читателя и, соответственно, способствует стилистическому выдвижению слова. Графемы, наиболее часто используемые в этой функции – это *Z* и *D*. Например, организаторы "великой тусовки Республика Казантеп" рекламируют себя (и названную в их честь группу) только как *казантеп*. То же делает известная Земфира, помещая на обложку своего нового альбома *Земфира. До свиданья*.

Мы не делаем *Дебилов*, сообщает "Московский комсомолец" (МК, 2001, 1), а балет *Тодес* показывает свою стильность в рек-

ламе, где название труппы в зеркальном отражении читается *TODES*¹.

При замене графемосочетания или морфемы латиницей наблюдается стремление к обыгрыванию созвучных отрезков слова. Это используется прежде всего в рекламе: *Максимум удобств и комфорта; Максимальный выбор – обещают мебельные фирмы. Живите со вкусом* – призывают производители напитка "*vita*". *У нас самые вкусные BigMаковские булки* – сообщает маленький ларек. *"Parliament – the UnЯва"* – рекламирует английские сигареты, в противовес отечественным, герой В. Пелевина (33).

Смешение алфавитов имеет место не только в рекламе. Например М. Алтынов озаглавливает свое произведение "*Исповедь истинногоносителя литературоцентричного мышления Basilia Неугомоноффа держателю и пропагандисту скромных буржуазных ценностей товаришу Парамонову Б.М.*" [1]. Довольно широко пользуется смешением алфавитов О. Забужко, создавая "американский" колорит своего главного романа: *він підійшов в "United"ській формі* (30, 88); *відає на вході ключі від lockers'iv* (30, 35); *якася fin-de-siecle івська тьма* (30, 41).

А. Вознесенский, с явной компьютерной аллюзией, называет один из своих сборников "*WWW Девочка с пирингом.Ru. Стихи и чаты третьего тысячелетия*" [1]. В список Букеровских финалистов включается книга А.Иванченко "*Shopping. Фрагменты романа 'Солнечное сплетение'*". Самый знаменитый роман В. Пелевина называется "*Generation П'*" (33), а Вик. Ерофеев дает своему основному роману заголовок "*Russkaya красавица*" (29).

В последнем случае перед нами целое слово в русской фономорфологической форме, но в чужой графике². Подобное рассогласова-

¹ Лига египетских борцов за национальные права недавно выступала против рекламы "Кока-колы", в которой зеркальное отражение логотипа Coca-Cola по-арабски читалось как "Нет Исламу".

² Ср. в "Поколении 'П'": *Татарский опустил взгляд чуть ниже и прочел слоган:*

UMOM ROSSIYU NYE PONYAT,
V ROSSIYU MOJNO TOLKO VYERIT.

"Smirnoff" (33, 77)

ние имеет место реже чем полный вариант представления слова латиницей, в котором заимствованы все аспекты его формы и содержания: *Дуглас & Зета-Джонс: свадьба динозавров*, (Тел. 2001, 20), *Лукашенко vs Heavy Metal* (МК, 2001, 7), *Сегодня мы расскажем о будущем BIZ-TV Глебе G* (Тел. 2001, 26), *Большой праздник будут создавать DJ Tony, DJ Аркадий и DJ Light* (Тел. 2001, 2). В эту компанию, в другом объявлении, устроители "Вечеринки 'Club'" обещают участие таких выдающихся диджеев как *DJ Drozdovskiy и DJ Ded*. Особенno трогательен последний – то ли он уже умер, то ли просто косит под деда.

Латиница показанных и многих других слов, как особенно видно из последнего примера (*DJ* = диджей), не устоялась и легко заменяется кириллицей. Очень наглядный случай подобной вариативности представляет прочно вошедшее в наш узус сложно-сокращенное слово *PR*, которое имеет как латинское, так и кириллическое написание и которое обладает огромным словообразовательным гнездом. Ср.: *PR – компания, PR – агентство, PR – мен; мощный пиар, розовый пиар, пиарщик, пиаровец, пиарить, пиаровский трюк, вот пиарище какое накрутила себе группа* – (МК, 2001, 18), с *поездкой Путина перепиарил* – (НТВ – Итоги. 28.IX.2000). Повидимому, именно вариативность графики воспрепятствовала включению заимствования *пи-ар* в последние словари иноязычных слов [26; 27].

Не устоялось и использование названий периодических изданий и торговых марок, и наряду с журналами "*Time*", "*Playboy*", "*Business Age*" существуют их кириллические варианты, нередко в едином контексте. Так, в одном абзаце статьи о Хью Хефнере основанный им журнал называется "*Плейбой*", "*Болокита*" и "*Playboy*" (Тел., 2001, 7). То же – в одной фразе короткой информационной заметки: *В боулинг клубе "Тропикал" прошел третий этап серии "Tropical open" по боулингу* (Од. В. 2001, 141) и в художественном тексте: *На всі "How are you doing? Відповідати "Fine", <...> хоча де там у лиха "файн", де воно є, те "файн", і хто його бачив* (30, 50) и в рекламе

ме: *До уваги учасників акції Domestos. Всім, хто купить Доместос, надається можливість...* (Тел. 2001, 32).

Слова, написанные латиницей, вводятся в текст двумя способами: соположением – как название журнала, книги, мероприятия, фирмы, организации, продукта – "*Joker – журнал для тех, кто любит музыку и кино*", "*CHIP – компьютерный журнал*" (хотя и "джокер" и "чип" давно вошли в язык в кириллице) – из рекламы о подписке на 2001 год. Они предлагают *Телефон успеха, Службу success* (ОдВ, 2001, 138). Двоих американцев выпустили книгу о диетологии "*Fit for life*" (ПК, 2001, 31). Программа концертов Б. Блоха в Одессе включает его выступления с симфоническим оркестром, а также сольный концерт *Recital* (афиша, 4.III.2001). При этом способе введения графически чужеродного элемента все функции синтаксических связей с контекстом берет на себя его русский (украинский) парный член.

К соположению можно отнести и этикетные повелительные формы: "*Welcome, госпожа Райс*" (МК, 2001, 28) – перед приездом высокой гостьи из США или "*Шара please*" (Тел., 25) – перед выпускными экзаменами.

Гораздо напряженнее проходит включение в текст иностранного слова в синтаксической позиции, требующей косвенного падежа, т.е. непосредственное включение типа "*Под колпаком у Secret Service*" (Тел., 2001, 12); "*Кевин Костнер in love*" (Тел., 2001, 26); *Zanax, не подходящий к облику self-made woman* (Дом, 2000, 6), трогательное "*With love до Вас*", завершающее призывы дискотеки "Домино" (Тел., 2001, 16, 21 и последующие номера). А вот признание последнего успеха Мадонны, высказанное ее поклонницей: *Но, в любом случае, главное – доказано: ее music все-таки makes the people come together, а победителей, как известно, не судят.* (Ф, 2001, 121). И еще одно, из другого издания (МК, 2000, 49), где на одной колонке уместились *Кристмас-гостиницы; супер-стары; девчушки из "All Saints"; свежий боевик "Snatch"; нашенский гей-клуб; два амбалистых рэпера, выписанные на private party; лидер культовых "Prodigy"; ди-джеи Goldie и Howlett; фронтмены группы "Texas"; чернокожие супер-*

секси-бэк-вокалистки; великолепие эдакого перформанса – для промоуин альбома "Music", который дива начала под "Impressive Instant" – самую навороченную песню с альбома "Music" (эдакий техно-хардкор, за которой последовали кантри-баллада "Don't Tell Me" и "What it feels like for a Girl") и так далее. Неслучайно лингвисты отмечают, что "массовый приток иностранных слов, прежде всего англизмов, ставший одной из сопутствующих примет культурно-экономической интеграции, является порой настоящим бедствием. <...> Перенасыщение современной речи англизмами становится ныне важной языковой и социальной проблемой. Иногда дело доходит даже до крайности, когда ученые некоторых стран Восточной Европы вполне серьезно заявляют об английском двуязычии (при соответствующем разграничении функций)" [10, 116-117].

Герой романа В. Пелевина "Чапаев и Пустота", много лет просидевший в психиатрической лечебнице и попавший на улицы Москвы конца XX века, залитые огнем реклам, испытывает ужас, увидев огромные электрические надписи на каком-то диком волапюке "SAMSUNG OCACO A", "OLBI". <...> я чувствовал себя персон, по непонятной причине прибежавшими из Марафона в Афины [36, 348].

При ознакомлении с текстами, насыщенными заимствованиями всех форм и типов, возникает ощущение, что коммуникация в этих случаях носит неполный характер. Хотя и существует мнение о том, что, используя подобный "своеобразный вторичный микроязык, СМИ учитывают общий уровень образованности и языковые ожидания того круга читателей, на который рассчитан орган печати" [21, 198], трудно согласиться с тем, что языковая подготовка молодых адресатов столь фундаментальна, что они могут полностью воспринять и расшифровать используемые "знаки другого кода" [16, 116], "еще один, дополнительный, набор языковых средств" [3, 22], особенно если коммуникативный процесс протекает в условиях устного общения.

Хорошо известны затруднения восприятия на слух аутентичного диалога (песни). Непонятно, в связи с этим, на кого рассчитаны днев-

ные обзоры музыкального комментатора "Радио Ера" Валерия Кириченко, который с завидной храбростью регулярно демонстрирует всей стране свой мучительный английский язык, называя все упоминаемые песни и группы исключительно по-иностранныму. Подобные экзерсисы – не только письменные, но и устные, широко привлекающие недостаточно (или полностью не) ассимилированные заимствования, теряют свою pragматическую и коммуникативную направленность, ибо не воспринимаются адресатом и выступают, в лучшем случае, средством самохарактеристики адресанта.

В связи со сказанным хочется остановиться на использовании американских в современной русской и украинской постмодернистской прозе, прежде всего, в творчестве В. Пелевина и О. Забужко.

В ряде случаев, повидимому, рассчитываая на общий с читателем фонд знаний, авторы вводят нетранслитерированное слово в текст без объяснения: "Це страшенно романтична *love story*" (30, 32); "Кислотные журналы посвящали бы пронзительные *cover stories* эстетике пластикового пакета" (33, 74); "Вертикальный разрез чуть получше, но это стиль *lower-middle class*, к тому же провинциально" (36, 209); "... ностальгические темы гей-моды, *Message* был очевиден даже идиоту" (33, 187).

Наряду с беспереводным введением английского слова латиницей существуют и объяснительные способы – уже упоминавшиеся при рассмотрении кириллических заимствований дeфиниция и параллельный контекст, а также сноска, обнаруживаемая в этой функции только в художественной речи.

В отличие от рассмотренного ранее, параллельный контекст в художественной прозе разъясняет значение слова не через его исконный (или более знакомый) синоним, а через возвращение от латиницы к кириллице: "Первый в мире телевизор с голосовым управлением 'Panасорд витту'. На экране появилась надпись 'Panasword V-2'" (33, 237). "Морковин принес две банки 'Туборга' и фотографию <...> знакомого человека в белой рубахе – *Tuborg man*³ вытирая платком пот со лба" (33, 211).

³ Последняя глава романа называется Туборг мэн.

Дефиниціонний спосіб введення наименее распространен и не отличается от кирилличных заимствований: "За жанром у передмові належаться так звані *acknowledgements* – подячні слова всім, хто в той чи той спосіб спричинився до появи книжки. <...> Тож звертаю свій *acknowledgement* у майбутнє" (31, 18). Или: "Я не понял, что это значит: "У всякого брэнда своя легенда". Это у нас так переводят выражение "*brand essence*". То есть концентрированное выражение всей имиджевой политики. Например, легенда "Мальборо" – страна настоящих мужчин. Легенда "Парламента" – джаз, ну и т.д." (33, 178).

Наиболее часто в своем объяснении английских слов и фраз авторы прибегают к сноске: "В кухні – крихітній *eat-in kitchen* * / *) Вбудована кухня" (30, 10) "Був він сам собі *the land of opportunities* * / *) Край необмежених можливостей" (30, 32). У О. Забужко, действие романа которой разворачивается, в основном, за рубежом, много английского в диалогах, где героиня приспособливается к местным условиям коммуникации: "You're a jerk, you hear me, man? You go and bring me your boss right now, you hear? Right now!" – "You just don't call me names!" * / *) "Падлюка ти хлопче, чуеш? Ану веди мені зараз сюди свого боса, чув?" – А ти вибирай вирази! (30, 88).

Герой "Generation 'П'" – несостоявшийся литератор, работающий с рекламными текстами, поэтому и заимствования здесь, в основном, не повседневно-диалогического, а околовитературного характера. Среди них много заглавий: "Один искусствовед клялся, что все темы разобраны в "Confessions of an Advertising Man" * / *) "Признание рекламщика" (англ.) (33, 63). Это из немецкой серии "Bad trip Иоанна Богослова" * / *) Здесь: "Наркотический облом Иоанна Богослова" (англ.) (33, 79).

При этом, хотя герой сочиняет рекламу для русского потребителя, во время работы и вне ее он постоянно живет в условиях искусственно созданного двуязычия: "... зазвонил пейджер. Татарский снял с ремня черный пластмассовый ящичек. В его окошке были слова: "Welcome to the route 666" * / *) "Добро пожаловать на шоссе 666"

(англ.) (33, 26) "Второй слоган, который понравился Татарскому, был предназначен для московской сети магазинов GAP:

RUSSIA WAS ALWAYS NOTORIOUS FOR THE GAP
BETWEEN CULTURE AND CIVILIZATION. NOW THERE
IS NO MORE CULTURE. NO MORE CIVILIZATION.
THE ONLY THING THAT REMAINS IS THE GAP.

THE WAY THEY SEE YOU */

*) "В России всегда существовал разрыв между культурой и цивилизацией. Культуры больше нет. Цивилизации больше нет. Остался только Gap. То, каким тебя видят (англ.). Игра слов: *gap* – разрыв, *Gap* – сеть универсальных магазинов" (33, 85).

Иногда вопрос – а почему по-английски? А зачем по-английски? – возникает и у персонажей: "Политические взгляды – что там у нас? Написано "upper left". *) Не понимаю. Вот дожили – скоро в документах вообще все по-английски будет". /*) Верхнелевые (англ.) (33, 193).

Несмотря на то, что все латиничные вкрапления В. Пелевина – только из английского языка, все сноски – как это видно из примеров – снабжены пометой "англ."

Иногда автор пытается оправдать внедрение чужого языка художественными задачами. Так, герой "Чапаева и Пустоты" сочиняет "анапест" на смерть Николая II, где после 25 русских, не всегда благопристойных строк, следует:

"И ему наплевать
На все то, что о нем говорят.
Он им крикнет с пенька:
"In the midst of this stillness and sorrow,
In these days of distrust
May be all can be changed – who can tell?
Who can tell what will come
To replace our visions tomorrow
And to judge our past?"*
Вот теперь я сказал, что хотел.

То, что император говорил по-английски, совершенно не казалось мне удивительным. Еще не хватало, чтобы перед смертью (или, может быть, чем-то еще – я так и не понял этого сам) он стал бы изъяться на языке, оскверненном декретами Совнаркома" / *) "Среди этой неподвижности и грусти, в эти дни недоверия, быть может, все изменится – как знать? Как знать, что придет на смену тому, во что мы верим, чтобы судить наше прошлое?" (англ.) (36, 296-297).

Вряд ли, однако, можно говорить о художественной целесообразности английской речи русского императора, пусть и предсмертной, так же, как о множественных прочих отступлениях от русского языка изложения в пользу иноязычных включений. Эта тенденция "английский в тексте – русский в сноске" скорее продиктована не необходимости соблюдения единства художественной формы и содержания, "а расхожим явлением современности – общественной склонностью и большим развившимся желанием – ввернуть то или иное слово, словечко, оборотец в публичные и подобные, некогда осененные чистой литературностью сферы" [17, 54].

Сноски не только утяжеляют текст дублированием, подавая одну и ту же информацию дважды. Они свидетельствуют о включении в коммуникативный акт дополнительного звена на пути следования художественной информации от адресанта-автора к адресату-читателю, что естественно усложняет коммуникацию. Может быть, осознанно усложняет? Удвоенный характер сообщения является также свидетельством того, что автор весьма нечетко представляет себе свою аудиторию: если читатели понимают иноязычную речь, не нужны сноски-переводы, если не понимают – не нужны назойливые англоязычные вкрапления и перебивы. Иными словами, если задачей коммуникативного акта является такое языковое оформление сообщения адресантом, которое наиболее эффективно передает информацию адресату, в случае не ассимилированных заимствований, представленных латиницей, а также частично ассимилированных и представленных кириллицей слов и словосочетаний, мы имеем дело с нарушением постулатов Грайса [4].

Положение усугубляется в тех случаях, когда адресант сам недостаточно уверен в значении английского слова⁴ и демонстрирует свое незнание в неточном сносочном переводе: "Книга называлась *Positioning: a battle for your mind*" *) / *) "Позиционирование: битва за ваш разум (англ.)" (34, 385). "You're pretty faithful to that swimming, huh?x) / x) Таки вірно тримається цього плавання, ег?" (30, 35).

При том, что способы введения англоязычных слов и фраз в текст различаются, сам факт их наличия свидетельствует о том, что говорящий в каждом отдельном случае осознает ограниченную доступность избираемых им средств выражения и пытается ее преодолеть использованием более известного, т.е., по сути дела в процессе коммуникации постоянно меняет языковой код. Ср. аналогичное наблюдение по поводу использования нормы/диалекта: "Обе формы предпринятого автором раскрытия значения диалектного слова (сноска, синоним) указывают на то, что при написании текста автор контролировал переключение кода как переход от литературной нормы языка к диалектной и наоборот" [6, 61].

Следовательно, иностранные слова как в кириллическом, так и в латиничном написании используются авторами осознанно, с определенными функциями. Какими?

Выше шла речь о двух исторически сложившихся главных функциях заимствований, выполняемых ими в языке-приемнике – онома-сиологической и эвфемистической. В конце XX – начале XXI вв. эти функции не утратили своего значения, но к ним прибавились новые. Центральную среди последних можно было бы обозначить как функцию престижности. Действительно, английские слова (в обеих графических формах), вошедшие в русский и украинский языки в последнее десятилетие, в дополнение к своему заимствованному денотативному значению приобрели общее для них всех стилистическое значение повышенного социального статуса говорящего: "Я уже не совок, у

⁴ Речь о сходном явлении, имеющем место в дублировании кинофильмов, шла в [9].

меня другой рейтинг и никто не посмеет назвать меня американским словом *loser*" [33, 179]. Престижно сходить в заведение под вывеской "Ирландский паб" или "Стейк-хаус", "... посидеть в "Айриш-хаус" (Дом, 2000, 7), попробовать "инстэнт пудинг" (32, 77), почитать *Playboy* или *Cosmopolitan*.

Неслучайно наши глянцевые журналы, ориентированные на "эксклюзивное общество", особенно широко используют иностранные слова в самых разнообразных контекстах: "Где-то мы с друзьями выпивали энд закусывали" (Дом, 2000, 6, 56); "Настя, не трогай диктофон! Hoy, Настя, hoy" (*Ibidem*, 54); "Костюмы *Armani* с клиновидными вытачками" (Дом, 2000, 9, 76-77); "Design ее кухни" (КИ, 2000, 10).

О престижности употребления иностранных слов и сnobизме лиц, их употребляющих, говорят авторы "Словаря жаргона". Из 450 лексем, помещенных здесь, всего 6 можно отнести к рассматриваемой нами категории, однако все они снабжены статьями, подчеркивающими стремление употреблять "красивые слова" [25, 168], "содержащие оттенок сnobизма и намек на близость говорящего к Штатам, хорошее их знание" [25, 261]. "У большинства жаргонных слов, заимствованных из английского – напр. ги(е)рла, фэн, профи – положительная оценка" [27], отмечают авторы.

Престижно, даже не в рекламе или во время элитарной тусовки, а в серьезных аналитических обзорах использовать иностранные слова в сочетаниях, в которых уже сложились устойчивые исконные связи. Так, "лидировать в списках" превращается в "лидировать в чартах", "повышать" (ЗН, 2001, 19), "правила честной игры в политике" в "правила фэйр плэй" (политолог Н. Томенко, МК, 2001, 32), "наблюдение" – в "мониторинг": "мониторинг метана на шахте" (ЗН, 2001, 23), мониторинг жнив (ДП, 2001, 31). То же наблюдается в литературоведческих изысканиях: о "злоключениях и обсессиях Бека" печалится А. Зверев в статье об Апдейке [5, 242]; Вяч. Курицын хвалит Вик. Ерофеева за то, что тот "успешно инсталлировал себя в масс-медиа" в роли модного писателя" [Цит. по 14, 7], а трактат В. Пелевина о зомбификации пестрит дериватами с суффиксом *-ция*, такими, как ини-

циация, интериоризация, виртуализация, девиация, идентификация, не говоря уже о мелочах типа "наркотики и антидот" или "теория импульса" [35].

Эти и подобные включения призваны подтвердить высокий научный и интеллектуальный статус и, как говорит, по другому поводу, А.Б. Сергеева: "Они вытеснили конкурирующие, подчас более адекватные формы" и приобрели "наукообразность" [13, 97, 100].

Наукообразие и псевдоинтеллектуальность данных вкраплений подчеркивается тем, что автору важнее самовыразиться, чем осуществить успешную коммуникацию с реципиентом. "В самом деле, даже в том случае, когда автор высказывания использует усложненную, неадекватную с точки зрения конкретного акта коммуникации форму выражения информации с целью спровоцировать непонимание реципиента, это также есть передача информации, но имплицитно выраженной (например, такой, как желание указать реципиенту "его место" и т.д.)" [17, 74].

Повидимому, именно коннотации престижности, функции социальной мелиоративности следует, в первую очередь, приписать массовое вторжение англицизмов в языки Европы и Азии. Этот поток называют "настоящим бедствием" [10, 116-117], от которого интуитивно хочется отгородиться" [12, 301].

Франция официальным законом ввела регламентацию употребления англицизмов в СМИ и рекламе. Германия, с тревогой отмечая "*the cocacolation of Western Europe and the McDonaldisation of Eastern Europe*" [18, 123], вопрошают: "Новый англо-немецкий язык: угроза или реальность?" [11, 109] и констатирует: "употребляя англицизмы, авторы рекламных текстов пытаются показать свою образованность, подчеркнуть свой престиж" [20, 44]. То же отмечает и исследователь данного феномена на материале японского языка Л. Лавдей. Так же, как в языках, пользующихся кириллицей, латинская графика, менее заметная в европейских языках, резко выделяется из японского слого-вого письма-катаканы: "Нередко даже реклама японских товаров, рассчитанная на японцев, преподносится как бы на английском языке –

сначала пишется катаканой, а потом специально переводится в латиницу <...>. Заемствования заведомо непонятны большинству читателей и слушателей. Здесь важен не смысл, а общий ореол престижности", "элитности", связанный с американской культурой" [19, 106-132].

Как видим, использование иностранных слов в современной речи представителями разных языков связано не с коммуникативными потребностями говорящих/пишущих, не имеющих языкового выбора для оформления своего сообщения, но исключительно (или, по крайней мере, преимущественно) с желанием поднять собственную планку на шкале социальных ценностей современного общества. Иными словами, новейшие заемствования представляют собой социолингвистическое явление, и функция социальной мелиоративности выступает ведущей в использовании современных англоязычных заемствований носителями языков Европы и Азии.

Помимо этой – главной – можно говорить еще о двух менее распространенных, подчиненных функциях – парономасийной и гиперэкспрессивной.

Первая выполняется каламбурным использованием разноязычных единиц одного уровня. Так, к морфемным парономасиям следует отнести сочетание в одном слове двух морфем (основ) разных языков. При этом продлевается словообразовательный ряд заемствования. Например, к уже примелькавшимся *имиджмейкерам* и *њьюсмейкерам* прибавляются *слухмейкеры* (МК, 2001, 18), лексема 'star' многократно обыгрывается в производных, популярных в "Теленеделе": "Starички – о стареющих звездах кино; Ужин по starиковски – кулинарные рецепты от звезд; Starые Loveушки – о "звездных" приютах любви. Здесь же Оскаровскую церемонию называют *Oscarблением* века, комментарии к музыкальным новинкам – "ПоСделки" и "Музыкальные Westu". К морфемному уровню следует также отнести случаи внедрения в слоговую структуру слова: "Он медленно вывел на верхнем листе "Mercedes. 'Вот, взять хотя бы "мерседес", – вяло подумал он <...> и поменял местами "c" и "d". Получилось "merdeces". <...> Он еще раз посмотрел в окно и дописал: "Merde-SS. В смысле магического ордена ездунов-изуверов"

(33, 199). Получившееся в результате преобразования сложно-сокращенное слово настолько неожиданно, что автору приходится разъяснять его значение. Подобное разъяснение излишне при возвращении исходной структурной и семантической самостоятельности компонентам хорошо известного хэпти энда: "все в целом вершит хэпти или какой другой энд" (МК, 2001, 16).

Помимо слияния чужеродных компонентов в одном слове или разбиения последнего, парономасийный эффект достигается и при использовании (случайного) фонетического сходства двух разных лексем. Так, "триллер" обыгрывается в *двуллер* (утреннее шоу известной пары "Кроликов" в двух частях), Кока- и Пепси-кола дают "пробки в виде золотого колокольчика – Кока-колокол и Пепси-колокол" [33, 162], а реклама шампуня *Pro-V* используется в "Храме Спаса на pro-V" [Ibidem]. Иное сближение имени Христа, на сей раз со знаменитой рок-оперой "Jesus Christ Superstar", использует А. Вознесенский в заголовке сборника "Жуткий Crisis Супер стар: Новые стихи и поэмы (1998-1999)". Путешествующий во времени Петр Пустота удивляется: "такие колесницы называли у бойцов непонятным словом "таchanка", <...> я перебрал в уме все варианты возможной этимологии <...> и мне пришел в голову забавный каламбур: "таchanка - touch Anka" (36, 216).

По принципу "сам скаламбурил – сам объяснил непонятливым" действует В. Пелевин и в сносках:

- Я не хочу так, слышишь?
- Но? – переспросил он
- Нет! Нет!
- О.К., – сказал Шварценеггер. You are fired *)*) Вы уволены

(англ.) Игра слов: "Вы выстрелены" (36, 70-71).

Иногда, правда, игра слов, обозначенная в сноске, осознается не без затруднений: "Мы, что называется, *descendants of the past*.*") Это слово обозначает движение вниз, а не подъем. Мы не *ascendants***) "/

*) Игра слов: *to descend* – спускаться, *descendants* – потомки. *Descendants of the past* – потомки из прошлого. **) *To ascend* – подниматься; *ascendants* – предки (англ.) (36, 46).

Если для выполнения социо-мелиоративной функции иностранным словом его понимание реципиентом не обязательно, то игра слов (морфем, основ) предполагает совпадение, по крайней мере, части "когнитивных структур" [7, 62] обоих коммуникантов, ибо преследуемый комический эффект может быть достигнут только при полном знании компонентов, участвующих в игре, не только отправителем, но и получателем сообщения. Иными словами, степень владения иностранным языком при использовании каламбурного высказывания должна быть достаточно высокой, иначе парономасийная функция не реализуется.

Функция гиперэкспрессии так же, как и каламбурная, является дополнительной. Она осуществляется при количественном накоплении иностранных слов на сравнительно небольшом участке текста (ср. пример рецензии-обозрения из МК 2000, 49 в [9]). Явление гиперэкспрессии в современных СМИ, в связи с соотношением нормы/стандарта и ненормированных пластов лексики отмечают многие лингвисты, говоря о "нанизывании однородных или комбинировании разнородных экспрессивных средств в пределах одного высказывания" [8, 62] и о том, что "мы являемся свидетелями формирования нового газетно-публицистического стиля, в котором баланс двух его составляющих – стандарта и экспрессии – явно сдвигается в пользу экспрессивного начала [благодаря] рекламности, полемичности и манипулятивности современной публичной речи" [15, 101].

Включение неассимилированного иностранного слова в речь всегда привлекает дополнительное внимание, т.е. является экспрессивным. Не удовлетворяясь "просто" экспрессией, говорящий увеличивает количество элементов выдвижения, чем и создает гиперэкспрессию. Одна из форм гиперэкспрессии – двойной суперлатив (типа распространенной в быту и на радио высокой оценки "самый оптимальный" или репортерского "в самом эпицентре взрыва", который тоже имеет место при использовании префиксов mega-, супер-, ультра-: "глобальное megaxayc party на площади" (МК, 2001, 25); "Все суперзвезды на нашем суперполе в супершоу" (Тел, 2000, 15); "Наша супернескользящая плитка в вашем супердизайне" (Радио Шанс, 2000, 28.XI).

Гиперэкспрессивная функция, таким образом, не снимает социомелиоративную, она насливается на последнюю при увеличении количества иноязычных слов в высказывании.

Как было видно из примеров, обозначенные три функции выполняются рассматриваемыми лексемами (или их структурными компонентами) независимо от графики. Изменение/обогащение их семантики, вхождение в грамматические и словообразовательные парадигмы, предметно-тематическое распределение также не показывают корреляции с формой написания слова. В тексте они типологически/функционально равнозначны.

Таким образом, интегральным признаком, объединяющим все слова рассмотренного лексического пласта, представленные как кириллицей, так и латиницей, является наличие в их семантической структуре компонента "социальная престижность". Их основной дифференциальный признак лежит вне семантической сферы и определяется способом написания. В качестве дифференциального признака можно было бы предложить степень ассилияции, однако неустойчивость графики (*PR* – пиар; *middle class* – миддл класс; *love story* – лав стори; *good bye* – гуд бай и т.п.) не позволяет рассматривать кириллические слова как более ассилированные, в отличие от менее ассилированных латиничных, сохраняющих свое исходное написание. Иными словами, мы возвращаемся к графике как главному критерию формального разграничения англицизмов в русской/украинской речи. Алфавитная презентация слова лежит и в основе лексикографической практики: все словари включают иноязычные лексемы только в кириллическом оформлении, не поспевая при этом за событиями в живой речи. Например, Л.П. Крысин, составитель последнего издания "Словаря иноязычных слов", содержащего около 25000 словарных статей, пишет о сложностях отбора материала: "Поскольку словарь является нормативным, была проявлена известная осторожность при включении в словарь некоторых иноязычных неологизмов, хотя они и встречаются на страницах прессы, в текстах рекламы, [ибо] они еще недостаточно освоены русским языком. Это слова, например, коспонсор,

оверхед, фризинг" [27, 6]. Здесь в скобках можно отметить неизбежную в лексикографической работе субъективность: отвергая *костопонкор*, автор дает *спонсор* с развернутым гнездом – *спонсорский, спонсировать* [27, 660].

Фиксация слова в словаре равнозначна выдаче ему вида на жительство в заимствующем языке: оно еще выглядит (звучит) не совсем своим, но оно уже официально признано. При включении любого нового слова в словарь лексикографы стараются найти ту границу, за которой количество употреблений чужой единицы в речи перерастает в иное качество и вводит ее в языковой фонд. Решение вопроса о введении/невведении нового слова в словарь неизбежно связано с субъективным выбором лексикографа и его языковым чутьем. Кто-то проявляет осторожность: "Не всегда в словарь включалась последняя, новейшая лексика, как не до конца еще устоявшаяся, иногда сиюминутная, такая, которая с трудом поддается толкованию толкового словаря в силу, может быть, временности, переменчивости своей смысловой структуры" [21а, 16]. Кто-то более раскован: "автори намагалися по змозі, зважаючи на обсяг словника, доповнити його актуальною лексикою, яка набула поширення останнім часом, особливо протягом останнього десятиріччя" [26, IV]. Индивидуальные различия лексикографов сказываются на составе словарников, которые в разных словарях различаются весьма существенно: так, например, Л. Крысин включает слово "гей", давая ему дефиницию "гомосексуалист" [27], у С. Морозова и Л. Шкарупы тоже есть словарная статья "гей", однако подана она как "... гей – у складних словах відповідає поняттю "земля", напр. *аногей*" [26, 119], а Червинские вообще лексему "гей" в свой словарь не включают [21а].

Таким образом, даже оставаясь только в пределах группы иноязычных слов, представленных кирилицей, мы затрудняемся с присвоением им единого языкового статуса, при том, что их значительная часть соответствует статусу варваризмов, или заимствований первой ступени, занимающих промежуточное положение между собственно иностранными словами и полностью освоенными заимствованиями. "На первых ступенях процесса заимствования слова чужого

языка могут употребляться в текстах заимствующего языка в качестве иноязычных вкраплений, сохраняя свой иноязычный облик, а если они (обычно как проявление моды) получают более или менее регулярное употребление, то их называют варваризмами" [22, 158].

Следовательно, новейшие поступления из английского языка занимают в лексическом составе современных русского и украинского языков две позиции – иностранных слов (латиничная группа) и варваризмов (кирилличная группа).

Выше отмечался сложный характер комплекса причин, способствовавших возникновению и развитию такого глобального социолингвистического феномена, как внедрение англицизмов (американизмов) в языки Европы и Азии. Их более или менее активное использование в речи имеет два аспекта – индивидуально-вкусовой и социально-общественный. Первый определяется личными пристрастиями и профессионально-социальными (возрастными, в том числе) характеристиками говорящего/пишущего, вторые – языковой политикой государства. Если в первом случае ограничителем безудержного употребления модных, "престижных", "элитарных" слов выступает тот качественно-количественный уровень, "который может себе позволить образованный носитель языка без риска для своей языковой репутации" [24, VII], во втором требуется последовательная защита языка государственными законами, распоряжениями и указами. Именно в этом направлении действуют Франция, Германия и Испания. Может быть, следовало бы и нам начать борьбу с волапуком, который искажает современную языковую ситуацию? Не будем забывать: "Язык может внушать носителям чувство патриотизма, подобное национально-патриотическому чувству, связанному с идеей нации. Язык, будучи неприкосновенной сущностью, противопоставляемой другим языкам, занимает высокое положение на шкале ценностей, положение, которое нуждается в "отстаивании". В ответ на угрожающий языку сдвиг это чувство верности языку приводит в действие силы, направленные на сохранение языка, оказавшегося под угрозой, оно превращает язык в символ веры и святыню" [2, 57].

Литература

1. Алтынов М. Исповедь истинного носителя литературоцентристического мышления // Вопросы литературы. – 1999. – № 2. – С. 98-101.
2. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – С. 25-60.
3. Гофманова Я., Мюллерова О. Смешение литературных и нелитературных компонентов в устном высказывании на чешском языке // Язык. Этнос. Культура. – М.: ИЯ РАН, 1994. – С. 9-24.
4. Грайс П.Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
5. Зверев А. Апдайк // Иностранный литература, 1999. – № 4. – С. 242-243.
6. Калнынь Л.Э. Включение диалектизмов в художественный текст как разновидность контакта между диалектной и литературной формами русского языка // Вопросы языкоznания. – 1998. – № 6. – С. 58-69.
7. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / Вестник МГУ. – Сер. 9: Филология. – М.: МГУ, 1997. – № 3. – С. 62-75.
8. Крылова О.А., Ремчукова Е.Н. Вариативность грамматических форм как источник текстовой экспрессии // НДВШ. Филологические науки. – М., 2001. – № 2. – С. 57-64.
9. Кухаренко В.А., Голубенко Л.Н. Англоязычная экспансия в русской и украинской речи конца XX – начала XXI веков: общая характеристика // Записки з романо-германської філології. – Вип. 10. – Одеса: Латстар, 2001. – С. 89-104.
10. Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы, тенденции развития // Вопросы языкоznания. – 2001. – № 1. – С. 98-132.
11. Россихина Г.Н. Новый англо-немецкий язык: угроза или реальность // НДВШ. Филологические науки. – М., 2001. – № 2. – С. 109-116.
12. Русский язык конца ХХ столетия (1985-1995). Коллективная монография /Отв. ред. Е.А. Земская. – М.: "Языки русской культуры", 1996. – 479 с.
13. Сергеева А.Б. Об одной из тенденций развития французского словаря конца ХХ века: формы-заменители. – Вестник Московского Университета. – Сер. 9. Филология – 2001. – № 1. – С. 93-100.
14. Сердюченко В. Новейший проект российской словесности. Литература в Интернете // Вопросы литературы. – 1999. – № 5. – С. 3-15.
15. Сквородников А.И. О соотношении процессов экспрессивизации и вульгаризации русской публичной речи конца ХХ века // Активные языковые процессы конца ХХ века: Тезисы докладов международной конференции: IV Шмелевские чтения, 23-25 февраля 2000 г. /РАН ИРЯ. – М., 2000. – С. 98-101.
16. Сорокин Ю.А. Психолингвистический аспект изучения текста. – М.: Книга, 1985. – 168 с.
17. Шапошников В.Р. О территориальной и функциональной структуре русского языка к концу ХХ столетия // Вопросы языкоznания, 1999. – № 2. – С. 50-57.
18. Bonheim H. Philologistics // The USSE Messenger. – 2000. – N 1. – P. 122-124.
19. Loveday L.J. Language contact in Japan. A socio-linguistic history. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 217 p.
20. Sowinski B. Werbund. – Tübingen, 1998. – 143 S.
21. Zybatow L.N. Russisch in Wandel. Die Russische Sprache seit der Perestroika. – Wiesbaden: Harrasowitz-Verlag, 1995. – 350 S.

Словари

- 21а. Большой толковый словарь иностранных слов в 3 тт. / Сост. М.А. Надель-Червинская, И.П. Червинский. – Ростов на Дону: Феникс, 1995. – 1507 с.

22. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
23. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1984. – 806 с.
24. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый вып. 2-ое изд. / Под общей ред. Ю.Д. Апресяна. – М.: Азбуковник, 1999. – 511 с.
25. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона / О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Е.А. Розина/ Под общ. ред. Р.И. Розиной. – М.: Азбуковник, 1999. – 320 с.
26. Словник іншомовних слів /Укл. С.М. Морозов, Л.І. Шкарупа. – Київ: Наукова думка, 2000. – 662 с.
27. Толковый словарь иноязычных слов / Крысин Л.П. – М.: Русский язык, 1998. – 848 с.

Список иллюстрированных источников

28. Вознесенский А. www. Девочка с пирсингом. Ru. Стихи и чаты третьего тысячелетия. – М.: Вагриус. – 2000. – 98 с.
29. Ерофеев Вик. Russkaya красавица. – М.: Вся Москва, 1990. – 208 с.
30. Забужко О. Польові дослідження з українського сексу. – Вид. 3. – Київ: Факт, 2000. – 115 с.
31. Забужко О. Хроніки від Фортінбраса. Вибрана есеїстика 90-х. – Київ: Факт, 1999. – 340 с.
32. Кулинарный мидраш. – М.: Фолио, 2000. – 302 с.
33. Пелевин В. Generation "П". – М.: Вагриус, 1999. – 308 с.
34. Пелевин В. Желтая стрела // Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 1999. – С. 361-402.
35. Пелевин В. Зомбификация. Опыт сравнительной антропологии. – <http://pelevin.nov.ru/pov/pe-zombi/1.htm>
36. Пелевин В. Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 1999. – 360 с.

Список цитированных периодических изданий и индексов, приписанных им

- Домовой – Дом.
Думська площа – ДП.
Зеркало недели – ЗН.
Караван истории – КИ.
Московский комсомолец – МК.
Независимая газета – НГ.
Одесский вестник – ОдВ
Окна – О.
Пресс-курьер – ПК.
Теленеделя – Тел.
Факты и комментарии – ФК.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЕМ ГЛАГОЛА *GET* В ДИАХРОНИИ

Любое лингвистическое исследование того или иного языкового элемента, той или иной подсистемы языка является неполным без обращения к истории становления объекта изучения. "Завершением каждого исследования должно быть восстановление истории языка, его изменений на протяжении его существования" [1, 6]. Диахронический подход позволяет проследить развитие исторических изменений как отдельных компонентов системы языка и речи, так и состояние систем в целом в конкретные исторические периоды (микросинхрония), и процессы изменения систем на протяжении их исторического развития ("диахрония синхроний") [6, 64].

Язык находится в постоянном развитии. Динамична и семантика языковых единиц, в том числе и слова. "Ни одно слово, – писал В. Гете, – не стоит неподвижно: его языковое употребление постоянно движет его от его первоначального места, <...> и по изменениям в его употреблении мы можем судить об изменении его значения" [цит. по: 3, 159]. Цель статьи заключается в том, чтобы проследить, насколько это будет возможным, становление семантики современного английского глагола *get*.

Согласно данным этимологического словаря Э. Партиджса [12], современный глагол *get* восходит к среднеанглийскому глаголу *geten*, который заимствован в среднеанглийский период из древнескандинавских (точнее, норвежского) языков в форме *geta*. Однако заимствованное слово имело исконные англосаксонские корреляты: Old English – *gietan*, *gitan*, Old Saxon *bigetan*, Old High German *bigezzan*, Gothic *bigitan* со значением "to find" – "находить", а также Old Irish *gataim*

со значением "take/steal" – "брать/воровать" [12, 253]. Таким образом, древнеанглийский глагол [*be*]*gietan*, [*be*]*gitan* может рассматриваться в качестве субстрата (от лат. *substratum* – основа, подкладка) для последующего скандинавского заимствования.

Анализ более чем 140 страниц древнеанглийских письменных памятников свидетельствует о крайне низкой частотности глагола *begietan* – отмечено только девять случаев употребления этого глагола в таком значительном текстовом объеме. В среднем оно составляет одно употребление на 15,6 страниц. Для сравнения: в современном английском языке, по нашим данным, одно употребление глагола *to get* происходит в среднем на 1,34 страницы (объем выборки составлял приблизительно 530 словоупотреблений) [5, 198].

Если современный глагол *get* реализует свой семантический объем, по меньшей мере, в шести моделях:

SVC:	<i>He is getting angry.</i>
SVA:	<i>He got through the window.</i>
SVO:	<i>He'll get a surprise.</i>
SVOC:	<i>He got his shoes and socks wet.</i>
SVOA:	<i>He got himself into trouble.</i>
SVOO:	<i>He got her a splendid present.</i>

где *S* – подлежащее, *V* – глагол, *A* – адъюнкт, *O* – дополнение, *C* – объектный комплемент [2, 157]. Предложения с древнеанглийским глаголом *begietan* соответствуют моделям с одним, двумя и тремя дополнениями. Например:

SVO (с одним дополнением): [...] *hīe lufudon wīsdōm, ond ðurh done hīe begēaton welan ȳs lāfdon* [7, 206] = "they loved wisdom, and by means of that they got prosperity and left us".

SVOO (с двумя дополнениями): [...] *þæt ic mæge mē sum gestrēon begietan* [8, 187] = "... that I might get some treasure for myself".

SVOOO (с тремя дополнениями): [...] *of þām wē begietab ūs selfum bileofan and fōdor īrum horsum!* [8, 189] = "... from them (the farmers) we get for ourselves food and fodder for our horses".

Следует также обратить внимание на частеречную отнесенность облигаторных партнеров древнеанглийского глагола *begietan*, поскольку, как известно, появление слова в различных окружениях может свидетельствовать о реализации различных лексико-семантических вариантов этого слова. Качественно-количественные характеристики языковой маркированности обязательных партнеров исследуемого глагола приводятся ниже, в Таблице 1 (условные обозначения, используемые в Таблице 1: *S* – подлежащее, *O_{dir}* – прямое дополнение, *O_{benef}* – дополнение-бенефактив, *O_{source}* – дополнение-источник).

Таблица 1

**Языковая маркированность облигаторных партнеров
древнеанглийского глагола *begietan*
(абсолютная частота)**

Часть речи	Облигаторный партнер глагола				
	<i>S</i>	<i>O_{dir}</i>	<i>O_{benef}</i>	<i>O_{source}</i>	Всего
1 Личное местоимение	6	2	4		12
2 Имя существительное конкретное нарицательное	1	5			6
		2			2
3 Беспредложная субстантивная фраза	2	2	1		5
4 Предлог + существительное				1	1
5 Предлог + личное местоимение				1	1
6 Вопросительное местоимение		1			1
Всего	9	12	5	2	28

Как свидетельствуют данные Таблицы 1, обязательные партнеры древнеанглийского глагола *begietan* выражались только двумя частями речи — местоимением и именем существительным. Среди местоимений преобладали личные, использованные как в именительном падеже (в позиции подлежащего), так и в косвенных падежах (в позиции дополнения). Имена существительные здесь были представлены подклассом нарицательных — как конкретных, так и абстрактных.

Рассмотрим теперь, какие смыслы древнеанглийского глагола *begietan* реализуются в предложениях нашей выборки.

Смысл "зарабатывать". *Haet begietst þū of þīnum cræfte? – Bileofan ic mē begiete, and scrūd, and seoh* [8, 185] = "What (do) you get of your craft?" – "Food I get, and clothing, and money".

Смысл "покупать, приобретать за деньги". *Of þām wē begietab ūs selfum bileofan and Fōddor ūrum horsum!* [8, 189] = "... from them (the farmers) we get food for ourselves and fodder for our horses".

Смысл "взять, захватывать, украдь": [...] *þāt ic mæge mē sum gestreōn begietan* [8, 187] = "... that I might get some treasure for myself".

Смысл "доставить, отвезти кого-л. куда-л.".: *Ond hū wē hīe nū sceoldon ðte begietan, gif wē hīe habban sceoldon* [7, 205] = "and how now we should get them abroad, if we should have them".

Смысл "приносить, доставлять, давать": *Forpon ic æfre ne mæg þāre modceare mīne gerestan, ne ealles þās longaþes þe mec on þīssum līfe begeat* [9, 266] = "Therefore I can never rest from that sorrow of mine nor from all that longing which that life got (brought) me".

Смысл "держать, хранить (hold)": *Þār mec oft bigeat nearo nihtwaco æt na-can stefnan* [10, 277] = "There the anxious nightwatch often held me at the ship's prow".

Смысл "становиться, добиваться чего-л.".: [...] *hīe lufudon wīsdōm, ond ðurh done hīe begeaton welan ūs luēfdon* [7, 206] = "... they loved wisdom, and by means of that they got prosperity (=became successful) and left us".

Смысл "покидать, оставлять": *Ful oft mec hēr wraþe begeat frōmsīp frēan* [9, 266] = "Very often I was cruelly left by my lord".

Кроме выделенных нами смыслов, древнеанглийский глагол *begietan*, по наблюдениям других исследователей, реализовывал также и другие смыслы: "приобретать предмет в собственность усилием руки", "найти", "собрать", "взять (в жены)", "приобрести для кого-то", "породить, рождать", "достичь (места)", "заставить сделать, настоять на" [4, 33-35]. При этом, субъект глагола *begietan* выступает, как правило, активным лицом, агентом действия.

В функции объекта используются, главным образом, конкретные существительные, обозначающие как разного рода предметы (деньги, предметы питания, одежду и т.п.), так и людей, участников ситуации, обозначенной предложением. В случае использования после глагола *begietan* абстрактных существительных, реализуются переносные смыслы – "достигать, добиваться (славы, положения и т.п.), становиться (известным и т.п.)" (напр., "*got prosperity*") и "покидать, уезжать" (напр., "*got departure*").

Анализ употреблений глагола *begietan* позволяет сделать несколько важных выводов о сочетательных способностях и семантическом объеме исследуемого глагола:

1) несмотря на низкую абсолютную частотность глагола *begietan* в текстах древнеанглийского периода, исследуемый глагол демонстрирует широкие сочетательные способности на лексическом уровне;

2) древнеанглийский глагол *begietan* может быть отнесен к многозначным глаголам, поскольку его семантический объем в исследуемый период слагается, по меньшей мере, из шестнадцати смыслов;

3) все выделенные смыслы глагола *begietan* имеют в своем составе компонент "изменение состояния", присущий как прямым, так и переносным его ЛСВ.

В среднеанглийский период исконная форма *begietan/begitan* постепенно вытесняется скандинавской формой *get*, которая занимает место вытесняемого глагола в V классе сильных глаголов и имеет такие основные формы:

(Infinitive)	(Past, singular)	(Past, plural; Subjunctive)	(Past Participle)
g ^t en	— gat, g ^t t	— g ^t ten, gat	— g ^t ten

Материалом для анализа семантического объема глагола *get* в среднеанглийском периоде послужили "Кентерберийские рассказы" Дж. Чосера. Длина анализируемого текста составила 335 страниц. На исследуемом текстовом отрезке отмечено всего пятнадцать употреблений глагола *g^ten*, что в среднем составляет одно употребление на 22 страницы. Каких-либо форм древнеанглийского глагола *begietan* в "Рассказах" не зарегистрировано, что позволяет сделать вывод о том, что, по меньшей мере, к XIV веку глагол *g^ten* полностью вытеснил свой древнеанглийский субстрат.

Тем не менее, относительно низкая (по сравнению с современным глаголом *get*) частотность среднеанглийского *g^ten* дает основание предположить, что его семантический объем в указанный период еще не был столь значителен, как сегодня. Рассмотрим смыслы, в которых употреблен анализируемый глагол в "Кентерберийских рассказах" Дж. Чосера.

Смысл "получить (место), занять (должность)": [...] for he had geten him yet no benefice [11, 15] = "... for he hadn't got himself a post in the church".

Смысл "принести, давать": ... And gettest us the light, of they prayere, To guiden us unto they Son so dere [11, 159] = "... and (you) give us the light, through your prayer // to guide us to your Son, the dearest".

Смысл "завоевать (любовь, расположение)": A wise woman wol bisy hir ever in oon || To get hir love, ye, there as she hath noon [11, 209-210] = "A wise woman will always busy herself to get her love, as she has none".

Смысл "иметь, обладать": Thou gettest fable none y-told for me [11, 334] = "You've got a story that I've never told".

Смысл "доставлять": Ere that he might get his wife to shipe [11, 117] = "... that he might get his wife to the ship".

Смысл "найти, получить": Welcome be thou, faire freshe May, || In hope that I some greene gete may! [11, 56] = "You are welcome, a beautiful and fresh May, I hope that I may find some wish for love".

По наблюдениям А.С. Кузякина, кроме вышеуказанных смыслов, среднеанглийский глагол *g^ten* также встречается в смыслах: "собирать (урожай)", "ловить (рыбу, птиц), охотиться", "добывать (руду)" (все это можно считать оттенком лексико-семантического варианта "собирать что-либо"); "получить (прощение)", "получить (ответ, разрешение)", "получить (удар, наказание)" (эти оттенки, по сути, есть детализация ЛСВ "получить что-либо"), в каузальном значении "заставить, позволить" [4, 36-37]. Иначе говоря, благодаря расширению лексической сочетаемости глагола *g^ten*,

смыслы этого глагола детализируются. С другой стороны, нельзя не отметить и тенденцию к генерализации, диффузности семантической структуры *gēten*, что проявляется в увеличении сочетаний этого глагола с абстрактными существительными в функции объектного комплемента. Ниже, в Таблице 2, приводятся качественно-количественные характеристики обязательных партнеров среднеанглийского глагола *gēten* (на материале "Кентерберийских рассказов" Дж. Чосера). Условные обозначения, используемые в Таблице 2, соответствуют обозначениям в Таблице 1, *Adv_(loc)* – здесь обозначает авербальный компонент (локатив).

Таблица 2
Языковая маркированность облигаторных партнеров
среднеанглийского глагола *gēten* (абсолютная частота)

Часть речи	Облигаторный партнер глагола					
	S	O _{dir}	O _{benef}	O _{source}	Adv _(loc)	Всего
1 Личное местоимение	9	2	7			18
2 Имя существительное конкретное нарицательное	1	1				2
Имя существительное абстрактное нарицательное		7				7
Беспредложная субстантивная фраза	1	7				8
Предлог + существительное					2	2
Предлог + личное местоимение			1	2		3
Всего	11*	17	8	2	2	40

Модели предложений с глаголом *gēten* в исследуемом материале имеют следующий вид:

(S)VO (с одним дополнением): [...] *to get his lif* [11, 93] = "to get his life"

* Примечание: В четырех из отмеченных в "Кентерберийских рассказах" случаях исследуемый глагол используется в форме инфинитива, отсюда следует, что его (глагола) обязательный партнер слева, т.е. подлежащее, отсутствует, что и отражается в данных Таблицы 2.

- (S)V0O (с двумя дополнениями): *Get me a staff that I may underspose* [11, 115] = "Get me a staff that I may pry"
(S)V0Adv (прямое дополнение + локатив): *Anon go get us fast into this inn* [11, 118] = "Go right away to get us quickly into this house"

Другие модели предложений с глаголом *gēten* в тексте "Рассказов" не были отмечены, что не исключает их использования в текстах иных памятников среднеанглийского периода.

Сопоставление семантических объемов двух глаголов – древнеанглийского (исконного) *begietan* и среднеанглийского (скандинавского) *gēten* – позволяет сделать вывод о преемственности их лексико-семантических вариантов. Можно сказать, что имела место "замена" лишь на уровне поверхностной формы: *gēten* вытеснил сходный с ним даже по написанию глагол *begietan*, однако такая субSTITУция не могла бы произойти, если бы эти два слова не обладали сходным семантическим содержанием. В дальнейшем расширение семантики глагола *gēten* происходит за счет расширения его лексической, а впоследствии и синтаксической, сочетаемости. Использование глагола с абстрактными существительными в функции дополнения привело к возникновению переносных значений. Расширение же лексической сочетаемости глагола способствовало возникновению новых смыслов и дальнейшей конкретизации (детализации) прежних смыслов глагола.

Литература

1. Білецький А.О. Про мову і мовознавство. – К.: АртЕк, 1996. – 224 с.
2. Кверк Р., Гринбаум С., Лич Дж., Свартвик Я. Грамматика современного английского языка для университетов / Под ред. И.П. Верховской. – М.: Высшая школа, 1982. – 391 с.
3. Корсаков А.А. Лексическое и грамматическое содержание и употребление глагола *to have* в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – Одесса, 1979. – 237 с.

4. Кузякин А.С. Семантические отношения современного английского глагола *get* и древнеанглийского глагола *beginan* // Семантические корреляции на лексическом и синтаксическом уровнях. Межвуз. сб. научн. тр. – Саранск: Мордовский гос. ун-т, 1990. – С.32-39.
5. Лещинский С.А. Сравнительная статистическая характеристика грамматических форм глагола *to get* // Записки з романо-германської філології. – Вип.3. – Одеса: Латстар, 1998. – С.197-202.
6. Шевченко И.С. Историческая прагмалингвистика: Опыт парадигмального осмысления // Вісник Київського лінгвістичного університету. – Серія філологія. – 1999. – Т.2. – №1. – С.64-70.
7. Alfred the Great's Preface to his Translation of Gregory's "Pastoral Care" // Mitchell, Bruce and Fred C. Robinson. A Guide to Old English. – 5th edition. – Oxford UK and Cambridge USA: Blackwell, 1996. – 1st ed. 1964. – P. 204-207.
8. A Colloquy on the Occupations. // Mitchell, Bruce and Fred C. Robinson. A Guide to Old English. – 5th edition. – Oxford UK and Cambridge USA: Blackwell, 1996. – 1st ed. 1964. – P. 182-189.
9. The Wife's Lament. // Mitchell, Bruce and Fred C. Robinson. A Guide to Old English. – 5th edition. – Oxford UK and Cambridge USA: Blackwell, 1996. – 1st ed. 1964. – P. 164-167.
10. The Seafarer. // Mitchell, Bruce and Fred C. Robinson. A Guide to Old English. – 5th edition. – Oxford UK and Cambridge USA: Blackwell, 1996. – 1st ed. 1964. – P. 276-282.
11. Chaucer G. The Canterbury Tales: A Selection. — Penguin Books, Ltd., 1996. — 346 p.
12. Partridge E., Origins: A Short Etymological Dictionary of Modern English. — London and Henly: Routledge and Kegan Paul, 1977. — 972 p.

М.Д. Маринашвили

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СРЕДСТВА ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА (обстоятельственное определение)

Обстоятельственное определение является синтаксической категорией, близкой обстоятельству образа действия. Оно также способно выражать качественную характеристику процесса, занимая периферийное положение в системе качественных и качественно-количественных характеризаторов процесса. Различие между обстоятельственным определением и обстоятельством образа действия относится к плану выражения, а не к плану содержания, что позволяет между выражающими их конструкциями усматривать отношения транспозиции [4, 125-126]. Наличие обстоятельственного значения в обособленном определении подтверждается его способностью сочетаться с обстоятельствами в однородном ряду членов предложения:

Bardamu, qu'il me fait alors gravement, et un peu triste, nos pères nous valaient bien, n'en dis pas de mal!... (19, 16).

В отличие от обстоятельств образа действия, обстоятельственные определения характеризуются формально выраженной (грамматически или лексически) связью с подлежащим. Синтаксические и смысловые связи двух данных синтаксических категорий могут быть представлены следующим образом [4, 124-125]:

Схема 1. Обстоятельство образа действия

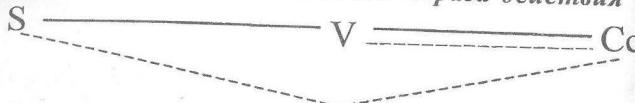
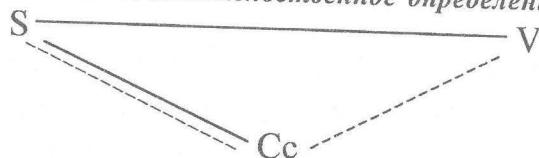

Схема 2. Обстоятельственное определение

где S – подлежащее (*sujet*); V – глагол-предикат (*verbe*); Cc – обстоятельство (*complément circonstanciel*); сплошная линия обозначает формальную связь, пунктирная – смысловую.

В схеме 2 наглядно представлена формальная связь с подлежащим и одновременная отнесенность обстоятельственного определения к подлежащему и сказуемому, которую обычно отмечают для данной категории (см., напр.: [5, 265]).

Сравнивая тип инциденции прилагательного, наречия на *-ment* и несогласованного прилагательного, Ж. Муанье отмечает, что качественное наречие на *-ment* характеризует действие вместе с субъектом либо с результатом действия, безаффиксальное авербализованное прилагательное в употреблениях типа *chanter faux* характеризует результат действия, а согласованное прилагательное относится лишь к субъекту [13, 178-179].

Однако, как представляется, прилагательное или причастие (как правило, в обособленной позиции) в функции обстоятельственного определения для выражения значения образа действия можно сравнить с качественным наречием в плане глубинных семантических связей, которыми они обладают в предложении. Так же как и наречие, способное одновременно характеризовать и действие (процесс) и субъект в момент совершения действия, согласованное прилагательное или причастие, относясь к субъекту, могут одновременно характеризовать и действие.

Обособленная позиция прилагательного или причастия имеет грамматическую и семантическую значимость. Некоторые лингвисты рассматривают подобные прилагательные и причастия как экстраполированные члены предложения [3, 54]. Обособленное определение обладает полупредикативным значением и осложняет свое определительное значение сказуемостным. Наличие большой смысловой нагрузки в обособленных членах предложения особенно четко выявляется при сопоставлении их с необособленными членами. Так, если, например, необособленный причастный оборот имеет только определительное значение, не осложненное дополнительным смыслом, то в обособленной позиции тот же причастный оборот осложняется дополнительным обстоятельственным значением. Определение осложняется дополнительным смыслом и в результате получает полупредикативное значение. Полупредикативные отношения легко переводятся в предикативные при замене причастного оборота придаточной частью предложения [2, 245].

В этой связи уместно также привести наблюдения А.А. Потебни. Сопоставляя предложения: *Босая девица вышла на мороз*; *Девица, босая, вышла на мороз* и *Девица вышла босая на мороз*, А.А. Потебня приходит к выводу, что определение (*босая девица*), приложение (этот термин употребляется в широком значении) (*девица, босая, вышла...*) и атрибут в сказуемом (*вышла босая*) различаются следующим образом: "Определение и приложение означают признаки, уже данные в определяемом прежде, чем возникает действие; атрибут в сказуемом есть признак, возникающий вместе с действием или посредством его" [8, 122]. Кроме того, приложение имеет в зародыше отношения противительное и уступительное: *босая, а вышла*; *хотя босая, но вышла*, которые отсутствуют в собственном определении [8, 122].

Все отобранные нами случаи употребления обстоятельственного определения можно разделить на две группы в зависимости от наличия или отсутствия у выполняющих эту функцию слов коррелятивного наречия на *-ment*. Около половины исследованных прилагательных имеют коррелят на *-ment*. При этом прилагательные совпадают, в ос-

новном, с коррелятивными наречиями (в случае их наличия) по лексическому содержанию:

- *Tes trente gosses, ça t'effraie? répliqua Louise, très sèche* (14, 198).
Bruno raccroche, sèchement (14, 354).

В употреблениях подобного рода речь может идти о вариантах выражения одного и того же содержания с разницей лишь в грамматическом оформлении характеристики процесса, а отсюда и в первоочередности отнесенности характеризатора процесса к субъекту или глаголу-предикату.

Вместе с тем, следует отметить и те случаи, когда смысловые структуры прилагательных и соотносительных с ними наречий на *-ment* не совпадают либо по числу значений, либо по характеру значений, в связи с чем в конкретном контексте для характеристики процесса используются именно прилагательные. Ср.:

Confus, -e, adj.

- 1. *Dont les éléments sont mêlés de façon telle qu'il est impossible de les distinguer.*
- 2. *Qui manque de clarté; dont la complexité ou l'incertitude sont telles que la compréhension en est gênée.*
- 3. (Personnes). *Qui est embarrassé, soit en raison d'une faute commise, soit par modestie, par pudeur.*
(Choses, actions). *Qui exprime la confusion.*

Однако более чем в половине случаев всех обстоятельственных определений, отобранных нами в художественных текстах, прилагательные и причастия не имеют коррелята на *-ment*, что объясняет их использование вместо качественных наречий-обстоятельств образа действия. Прежде всего, это причастия прошедшего времени и отглагольные прилагательные, не способные транспонироваться в наречия:

- *Qu'est-ce que c'est? Qu'est-ce qu'elle emporte? fit Madame Mère, vivement redressée* (17, 345);
Ils riaient tous les quatre. Julien les regardait, un peu hébété (20, 181).

Подробнее о семантических и "формальных" ограничениях способности прилагательных и адъективных причастий образовывать наречия на *-ment* см.: [13, 184-192; 12, 107-112].

Анализ коммуникативной значимости обстоятельственных определений подтверждает тезис Л. Теньера о том, что "шкала синтаксической важности слов находится в обратном отношении к шкале семантической важности. Чем ниже расположено слово на синтаксической шкале, тем больше у него шансов оказаться существенным для смысла предложения" [9, 54]. Напомним, что Л. Теньер представляет отношения между членами синтагмы или предложения в виде стемм, в которых синтаксические связи направлены сверху вниз, т.е. от подчиняющего слова к подчиненному, а семантические – снизу вверх.

В зависимости от семантики прилагательного или причастия, а также глагола-предиката обстоятельственное определение описывает или характеризует:

- внешний вид субъекта в момент совершения действия:

Ceci dit il se leva et partit faire un pipi et puis encore un tour les mains derrière le dos, voûté (19, 42);

- положение (позу) субъекта:

Je me souviens qu'à un moment j'ai ouvert les yeux et j'ai vu que les vieillards dormaient tassés sur eux-mêmes (18, 19);

- эмоциональное состояние субъекта:

Effrayés, ils lorgnent tous un père à qui ces regards tiennent chaud (17, 364);

- внешнее проявление эмоционального состояния субъекта:

Revenir seule, mais c'est de la folie, Paule! protesta faiblement papa, aussi blanc que nous (17, 77);

- чувства-отношения субъекта:

Je reviens, dédaigneux (17, 150);

- манеру речи:

Vous savez très bien qu'il ne s'agit pas de ça, reprit Mme Hombourg, cassante, presque indignée (14, 70);

– фонетические и просодические характеристики речи:

M. Astin se lève et dit, rauque:

"Aucune importance" (14, 287).

Качественные прилагательные составляют "своего рода эталон предикатов" [1, 39], в наибольшей степени обладая признаками, характерными для классических предикатов. Наличие у значения прилагательных таких свойств, как: субъективно-оценочные коннотации; "объективность", социальность вызываемого представления при известной вольности, субъективности и индивидуальном варьировании употребления; способность присоединять модальные значения; допустимость градуирования [1, 39], объясняет большой pragматический потенциал данных языковых единиц.

Межъязыковой анализ показал, что при переводе на украинский и русский языки французское обстоятельственное определение имеет весьма разнообразные соответствия. Прежде всего, в обоих языках перевода – это идентичная синтаксическая структура – обособленное определение:

Vexée, du tac au tac, elle me confia qu'elle ne m'aurait point reconnu moi dans la rue, tellement que l'âge m'avait ridé, gonflé, caricaturé ... (19, 270) – Роздратована, Лола зреєшою не завагалась призначитися, що на вулиці не впізнала б мене, бо літа додали мені зморщок, карикатурно роздули мос тіло (32, 163) – Раздраженная, слово за словом, она доверительно сообщила, что на улице она меня вообще бы не узнала, настолько возраст изменил меня, сделал одутловатым, придал мне карикатурный вид (33, 204).

Французскому обстоятельственному определению (на уровне частей речи) в переводе соответствуют также:

– наречие (наиболее частотное соответствие и в украинском, и в русском переводах, почти вдвое превышающее по употребительности прилагательное, деепричастный и причастный обороты):

– *Qu'est-ce que c'est? l'arrêta net le colonel, brutal, dérangé, en jetant dessus ce revenant une espèce de regard en acier* (19, 26-27) – Що че? – гостро запитав полковник, невдоволений, що йому заважа-

ють; його очі мов пропікали прибульця наскрізь (32, 25) – Чого такоє? – грубо остановил его обеспокоенный полковник,бросая на это привидение некое подобие стального взгляда (33, 37).

-деепричастие, деепричастный и причастный обороты:

Fidélia, indignée, a déjà entraîné Vic, atteint la grille, sorti sa clef (16, 62) – Не тямлячись від обурення, Фіделія відтягла Віка, підійшла до хвіртки й дістала ключа (24, 46).

– *Dard? répéta Aubin, très intéressé, mais ne parlant pas craonnais* (17, 385) – Ельцов? – повторил Обэн, очень заинтересовавшись, но не понимая кранского наречия (26, 405).

Причастия, употребляемые в функции обстоятельственного определения, являются адъективированными формами и, соответственно, обладают качественным значением. Вместе с тем, в зависимости от различных условий, они способны сохранять свои свойства глагольной формы. Иными словами, причастия выражают два вида признаков: временной (локализованный во времени) и вневременной (всевременной широко или вообще нелокализованный во времени), с которым связывают понятие качественности [6, 100]. Это объясняет передачу причастий в украинском и русском языках в большинстве случаев при помощи деепричастий, деепричастных и причастных оборотов.

Далее по частотности использования следуют такие переводческие соответствия, как:

- существительное с предлогом:

Les feuilles s'entassaient sur la table et la ménagère songeait, amère: "Avant la guerre, on vendait les carottes équeutées" (15, 65) – Кynка морквиння більшала, і Марі з гіркотою подумала: "До війни моркув продавали без ботвиння" (25, 80).

– *Auriez-vous froid, ma chère Juliette? demanda le vieux monsieur, inquiet* (21, 111) – Не холодно ли Вам, дорогая Жюльетт? - с тревогой спросил старик (28, 97).

- прилагательное (в функции определения и атрибута в сказуемом):

– *Quoi? Que reste-t-il? questionnait-elle, horrifiée* (19, 347) – Чого? Чого лишилося? – питала нахахана стара (32, 207).

Je vous comprends! fait Monique, épanouie (17, 301) – Я вас отлично понимаю! – ответила ликующая Моника (26, 316).

- существительное в творительном падеже с определением:

Chez nos amis, répliqua Marylène, enjôleuse (elle se dit qu'elle venait d'être enjôleuse) (22, 65) – До наших друзів, – відповіла Марілен чарівним голосом (вона думала, що була чарівною) (29, 264).

"Ils ne doivent pas figurer dans la conversation des gens normaux!" affirmait-il, défensif et préemptoire (19, 523-524) – Их нельзя упоминать в беседах нормальных людей! – утверждал он категоричным, не допускающим возражений тоном (33, 371).

- глагол:

– *Ma parole, tu n'as pas l'air contente!* grogna Maurice, scandalisé (15, 67) – Ти що, незадоволена? – обурився Моріс (25, 80).

– *Vas-y, dis tout!* fit Salomé, très raide (17, 396) - Саломея словно оцепенела. – Ну, давай выкладывай все! – сказала она (26, 416).

- простое предложение:

Delmont regarda ses pieds, écœuré (23, 83) – Дельмон опустив очі, він відчував огиду (30, 46) – Дельмон уставился в пол, ему было противно (31, 78).

Системы украинских и русских переводческих соответствий французского обстоятельственного определения обнаруживают значительное сходство, как в качественном, так и в количественном отношении, т.е. практически совпадают по составу и по частотности использования в переводе приведенных выше средств. Вместе с тем, в фактическом языковом материале зафиксированы случаи передачи исследуемых единиц средствами, имеющими место в переводе лишь на один из языков. Так, обстоятельственное определение передается:

– существительным в функции приложения (в переводе на украинский язык):

A chaque arrivée du Papaoutah il allait attendre optimiste et sceptique des équipements complets pour ses effectifs (19, 197) – Щоразу, коли припливала "Папаута", Грана, оптиміст і скептик водночас, чекав повного комплекту спорядження для своїх вояків (32, 121);

– существительным - прямым дополнением (в переводе на русский язык):

Bruno plissa les yeux. Puis le nez à terre, tâtant le terrain, pansant la plaie, habile, sincère, ému, au choix, ou le tout ensemble, il répondit de biais: "Pour toi, n'est-ce pas, c'était ma mère" (14, 281)

– Бруно прищурился. Потом опустил глаза, подыскивая нужные слова, чтобы не разбередить моих ран; не знаю, чего здесь было больше: осторожности, взволнованности, самых искренних чувств, но ответил он уклончиво: – А разве для тебя самого не была счастьем моя мать? (27, 564).

Как видно из приведенных фактологических данных, французскому обстоятельственному определению в украинском и русском языках соответствует, прежде всего, обстоятельство образа действия, выраженное наречием, существительным с предлогом и существительным в творительном падеже, т.е., по терминологии В.Г. Гака [4, 13-14], транспозиционные структуры. Перестройка в переводе всего предложения и, соответственно, замена обстоятельственного определения другим членом предложения позволяет считать прилагательное в функции необособленного определения и атрибута в сказуемом, существительное-приложение, глагол-предикат, существительное в функции прямого дополнения и целое предложение трансформационными структурами.

С точки зрения анализа перевода все выявленные соответствия, за исключением прилагательных и причастий в функции обстоятельственного определения, следует считать переводческими трансформациями. При этом, как видно уже из приведенных выше примеров, в большинстве случаев они не сводятся лишь к грамматическим преобразованиям, а представляют собой целый комплекс структурных и семантических преобразований.

Особого внимания заслуживают переводческие трансформации, произведенные для достижения эквивалентности на семантическом уровне [10, 84-85], поскольку в подобных случаях затрагивается не только грамматическая структура предложения, но имеют место бо-

лее сложные лексико-грамматические и семантические преобразования. Так, спр.:

Je reviens, dédaigneux (17, 150) – Я возвращаюсь с презрительной улыбкой (26, 158).

В переводе произведены лексическая и грамматическая трансформации, а именно: *dédaigneux* переведено прилагательным *презрительный*, для которого во французском языке есть эквивалент *méprisant* "презирающий, полный презрения, презрительный"; обстоятельственное определение передано обстоятельством образа действия. Кроме этого, имеет место трансформация, основанная на метонимическом сдвиге - признак, относящийся в оригинале к субъекту, передается в переводе через признак, характеризующий проявление эмоционального состояния субъекта. В данном случае такое преобразование оправдано в силу невозможности сочетания в русском языке признака, выражаемого прилагательным *dédaigneux*, с глаголом движения *revenir*. К подобным трансформациям относятся также приведенные выше примеры, в которых переводческим соответствием обособленного прилагательного и причастия является существительное в творительном падеже с определением.

Несовпадение норм семантического согласования рассматриваемых языков приводит также к восстановлению отсутствующих в оригинале элементов устойчивых выражений, как, например, в переводе предложения:

Lulu Maublanc, pâteux, demanda soudain:

– *Lartois! Bien que tu sois de l'Académie, tu sais peut-être encore quelque chose* (21, 230).

Люлю Моблан, с трудом ворочая языком, неожиданно спросил:

– Парту! Хоть ты и академик, но, быть может, еще не все позабыл? (28, 196)

Ни одно из словарных значений прилагательного *pâteux*, *-euse*, а именно: 1) вязкий, клейкий; густой, 2) мутный, нечистый, 3) тяжелый, путанный (о слоге), 4) одутловатый, не может характеризовать субъект. В связи с чем, в переводе приведено выражение еле ворочать язы-

ком, соответствующее французскому *avoir la langue* (или *la bouche*) *pâteuse*.

Благодаря переводческим трансформациям может более ярко проявляться коммуникативная и экспрессивная значимость прилагательного. Так, в случае:

– *Tant mieux, tant mieux!* admet M. Rezeau, presque déçu (17, 264)

– Тем лучше, тем лучше! – подхватывает мсье Резо довольно-таки кислым тоном (26, 277)

употребление прилагательного *кислый* в сочетании с существительным *тон* в аналитической конструкции в качестве соответствия нейтрального прилагательного *déçu* ("разочарованный") вполне оправдано, учитывая ироничное отношение главного героя трилогии Э.Базена "Семья Резо" к своему отцу. О роли наречий и их функциональных эквивалентов в создании экспрессивного плана художественного текста см.: [7, 120].

Адекватная передача смысла, содержащегося в предложении с обстоятельственным определением, в некоторых случаях требует модификации всей структуры предложения. Ср.:

Un éclair sale traversa la pièce: Marie jetait sa lavette sur l'évier, se retournait, électrique, effarée (15, 65) – Мари здался, ніби в кімнаті сяйнула блискавка, а її вдарило електричним струмом. Вона кинула губку і обернулась (25, 80).

Здесь переводческие преобразования оправданы необходимостью однозначного описания ситуации: занятая хозяйством и погруженная в свои мысли, героиня слышит возглас мужа о том, что они выиграли 550 тысяч франков в розыгрыше облигаций. Переводческие преобразования способствуют точному представлению состояния персонажа.

Проведенный внутриязыковой и межъязыковой анализ позволяет сделать следующие выводы.

Французские прилагательные и причастия в функции обстоятельственного определения являются периферийным средством выражения характеристики процесса, употребление которых вместо наречия на *-ment* обусловлено причинами как лексико-грамматического, так и коммуникативного характера.

Свойства, присущие прилагательным, как признаковым словам, во многом определяют их коммуникативную значимость и экспрессивные возможности.

В межъязыковом аспекте, прежде всего (отвлекаясь от переводческих преобразований, детерминированных лексико-семантическими, стилистическими и pragматическими факторами), следует отметить, что переводческие соответствия французского обстоятельственного определения в привлеченных нами для анализа языках перевода в основном не выходят за пределы имеющейся в их распоряжении системы средств выражения качественной и качественно-количественной характеристики процесса.

Использование в переводе различных средств характеристики процесса при наличии в языках перевода эквивалента обстоятельственного определения объясняется причинами как языкового, так и неязыкового характера, среди которых основными для данного случая являются следующие: грамматическая природа исследованных единиц, их полупредикативный характер, коммуникативный и экспрессивный потенциал, несовпадение норм сочетаемости исходного языка и языков перевода, стилистические факторы, необходимость адекватной передачи в переводе коммуникативной интенции автора.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М.: Высш. шк., 1991. – 432 с.
3. Веденина Л.Г. Французское предложение в речи. – М.: Высш. шк., 1991. – 192 с.
4. Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. – М.: Высш. шк., 1965. – 378 с.
5. Илия Л.И. Синтаксис современного французского языка. – М.: Издво литературы на иностр. языках, 1962. – 384 с.

6. Карпенко Е.Ю. Семантика качественности препозитивного причастия // Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть: Материалы VIII Междунар. конф. по функциональной лингвистике (Ялта, 1-6 октября 2001). – Симферополь, 2001. – С. 100-102.

7. Маринашвили М.Д. Экспрессивная функция наречных квалификаторов процесса (на материале оригиналов и переводов современной французской художественной прозы) // Мова: научово-теоретичний часопис з мовознавства. – 1999. – №. 3-4. – С. 118-123.

8. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: В 4-х т. – Т. I-II. – М.: Гос. учпедгиз, 1958. – 536 с.

9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 654 с.

10. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

11. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris: Société du nouveau Littré, 1973. – 1970 p.

12. Lozinska M. La formation des adverbes en -ment dans le français contemporain. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1978. – 120 p.

13. Moignet G. L'Incidence de l'adverbe et l'adverbialisation des adjectifs // Travaux de linguistique et de littérature, publiées par le Centre de Philologie et des Langues de l'Université de Strasbourg. – 1963. – 1. – P. 175-194.

Художественные тексты

14. Bazin H. Au nom du fils. – Paris: Editions du Seuil, 1960. – 380 p.
15. Bazin H. Le bureau des mariages. Chapeau bas. – Moscou: Editions du Progrès, 1970. – 207 p.
16. Bazin H. Un feu dévore un autre feu. – Paris: Editions du Seuil, 1978. – 222 p.

17. Bazin H. Vipère au poing. La mort du petit cheval. Cri de la chouette.
– M.: Editions du Progrès, 1979. – 526 p.
18. Camus A. L'étranger. – Paris: Gallimard, 1957. – 180 p.
19. Céline L.-F. Voyage au bout de la nuit. – Paris: Gallimard, 1952. – 632 p.
20. Clavel B. La grande patience. I. La maison des autres. – Paris: Laffont, 1962. – 558 p.
21. Druon M. Les grandes familles. – Kiev: Dnipro, 1976. – 384 p.
22. Lainé P. La dentellière. – Paris: Gallimard, 1974. – 180 p.
23. Merle R. Derrière la vitre. – Paris: Gallimard, 1970. – 540 p.
24. Базен Е. І вогонь пожирає вогонь /Пер. П. Соколовського. – Київ: Дніпро, 1983. – 175 с.
25. Базен Е. Нічого не трапляється / Пер. Я. Коваля // Всесвіт. – 1984. – № 2. – С. 77-81.
26. Базен Э. Змей в кулаке/Пер. Н. Немчиновой. Смерть лошадки / Пер. Н.Жарковой. Крик совы/Пер. Н. Брандес и А. Тетеревниковой. – М.: Прогресс, 1982. – 512 с.
27. Базен Э. Ради сына /Пер. Р. Закарьян, Г. Сафоновой // Базен Э. Собр. Соч.: В 4-х т. – Т. 2.- М.: Худож. литер., 1988. – С. 405-621.
28. Дрюон М. Сильные сира сего /Пер. Я.З. Лесюка, М.С. Кавтарадзе, Ю.П. Уварова. – М.: Политиздат, 1991. – 334 с.
29. Лене П. Мережниця / Пер. П. Федосенка //Таким було наше кохання: Сучасна французька повість. – К. : Дніпро, 1985. – С. 239-316.
30. Мерль Р. За склом /Пер. Г. Філіпчука. – Київ: Молодь, 1978. – 327 с.
31. Мерль Р. За стеклом /Пер. Л.Зониной. – М.: Прогресс, 1972. – 365 с.
32. Селін Л.-Ф. Подорож на край ночі /Пер. П. Таращук. – К.: Юніверс; Харків: Фоліо, 2000. – 368 с.
33. Селин Л.-Ф. Путешествие на край ночи /Пер. А.Юнко, Ю.Гладилина. – Кишинев: Axul-Z, 1995. – 446 с.

ТОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УБЕЖДЕНИЯ И ПРИКАЗА В АНГЛИЙСКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

За последние годы в бурно развивающихся исследованиях просодии текста собраны интересные данные о тональной организации текстов различных функциональных стилей, описаны частотные и временные параметры как подготовленной, так и неподготовленной речи [2, 62].

Целью данной работы является исследование акустических признаков убеждения и приказа в художественных текстах в английской диалогической речи, в исполнении дикторов – носителей британского варианта английского языка.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

- 1) отобрать диалогические единства, содержащие фразы, выражающие убеждение или приказ;
- 2) вычислить тональные характеристики фраз внутри диалогического единства и диалогического единства в целом;
- 3) произвести сопоставительный анализ акустических характеристик речевых актов, выражающих убеждение, с речевыми актами, выражающими приказ.

Императивные акты, такие как приказ, угроза, шантаж – отрицают наличие свободы выбора у адресата.

"Речевой акт убеждения отличается от речевого акта приказа тем, что в первом из них: 1) объект речевого воздействия должен иметь возможность по собственной воле принять то или иное решение, совершить или не совершить то или иное действие; 2) действие, кото-

рое, как ожидается, совершил объект в результате акта убеждения, должно рассматриваться им как благоприятное тем или иным образом для него самого" [3, 6].

Предварительным условием речевого акта убеждения должно быть наличие конфликта знаний или конфликта мнений между говорящим и адресатом. Суть речевого акта убеждения, по мнению А.А. Ивина, такова: "убедить – значит, в условиях наличия у адресата свободы воли и возможности рационально мыслить, при помощи вербальных средств повлиять на процесс принятия адресатом решений путем изменения знания о факте или событии таким образом, чтобы адресат был уверен в благоприятности для него самого принятия предлагаемых мнений, оценок или совершения какого-либо действия" [3, 19].

Если в результате речевого воздействия (при соблюдении всех вышеперечисленных условий) адресат принял предлагаемое мнение или совершил ожидаемое действие, имеются все основания сказать, что говорящий совершил успешный речевой акт убеждения.

Материалом данного исследования послужили диалогические единства, содержащие фразы, выражающие убеждение, которые со-поставлялись с диалогическими единствами, содержащими фразы, выражающие приказ. В данной работе диалогическое единство определяется как "единица, лингвистическая сущность которой заключается в наличии структурно выраженной взаимосвязи между составляющими его репликами" [5, 32].

Для экспериментального исследования было отобрано 20 диалогических единств из произведения Оскара Уайльда (Oscar Wilde) "Lady Windermere's Fan": 10 диалогических единств, содержащих 12 фраз, выражающих убеждение, и 10 диалогических единств, содержащих 11 фраз, выражающих приказ. В каждом диалогическом единстве рассматривались фразы в начальном и конечном положении внутри диалогического единства. Общее время звучания экспериментального материала 8 минут.

Разработанная в ЛЭФ ОНУ система описания акустических признаков текста [1; 4] позволяет охарактеризовать физические особенности начальных и конечных фраз диалогического единства и диалога в целом, и сопоставить акустические характеристики фраз, выражающие убеждение, с фразами, выражающими приказ.

Принимая во внимание особенности экспериментально-фонетического интонографического анализа речи, электроакустическому анализу подвергались следующие частотные признаки, характеризующие соотношения значений частотных параметров фраз диалогического единства, в зависимости от их позиционных условий (начальных, конечных):

- 1) средняя пиковая ЧОТ (частота основного тона) первых ударных и ядерных слогов начальных фраз, выражающих убеждение или приказ и конечных фраз (Гц);
- 2) частотный диапазон начальных и конечных фраз диалогического единства (отн. ед.).

Исследовались также признаки, характеризующие диалогическое единство в целом:

- 3) локализация частотного максимума на первом ударном и ядре (Гц);
- 4) перепад частот между фразами диалогического единства (отн. ед.);
- 5) частотность терминальных тонов начальных и конечных фраз (отн. ед.).

Таким образом, рассмотрены следующие акустические параметры: пиковая ЧОТ, частотный диапазон начальных и конечных фраз, а также физические характеристики диалогического единства в целом.

Результаты электроакустического анализа показывают, что значения частотных характеристик выступают дифференцированно во фразах выражающих убеждение и приказ.

В исследованных диалогических единствах наблюдались закономерности в характеристике средней ЧОТ в начальных и конечных фразах как убеждения, так и приказа. Пиковая ЧОТ, среднечастот-

Таблица 1

Частотные характеристики фраз в составе диалога

Функционально-семантический тип диалога	Позиционные условия фразы в диалоге	Дикторы	Количество фраз	Средняя пиковая ЧОТ (Гц)	Средний частотный диапазон фразы (отн. ед.)
Убеждение	начальные фразы	м	3	180	1,963
	начальные фразы	ж	3	220	2,020
	конечные фразы	м	3	160	1,870
	конечные фразы	ж	3	200	2,005
Приказ	начальные фразы	м	2	250	2,300
	начальные фразы	ж	3	300	2,100
	конечные фразы	М	2	211	1,909
	конечные фразы	ж	4	285	2,032

Различия частотных характеристик двух видов диалогических единств находят проявление не только в пределах отдельных фраз, но и диалога в целом.

Средняя пиковая ЧОТ диалога в определенной мере различна при выражении убеждения и приказа. Диалогические единства, содержащие фразы, выражающие убеждение, характеризуются несколько менее высокими значениями ЧОТ, чем диалогические единства, содержащие фразы, выражающие приказ, которые, в свою очередь, характеризуются более высокими значениями ЧОТ, чем диалогические единства, которые содержат фразы, выражающие убеждение.

Наблюдались закономерности в локализации частотного максимума на первом ударном слоге начальных и конечных фраз, выражающих убеждение и приказ. Во фразах, выражающих убеждение, частотный максимум локализовался на первом ударном слоге начальной и конечной фразы в 87,5% случаев у дикторов мужчин, и в 95,8% случаев у дикторов женщин. Во фразах, выражающих приказ, отличается меньшее количество случаев локализации час-

тотного максимума на первом ударном слоге начальной и конечной фразы, выражающих убеждение, чем во фразах, выражающих приказ (см. таблицу 1).

Примеры диалогических единств, которые содержат фразы, выражающие убеждение в начале и в конце диалога:

1) *Lord Windermere: ...I must join my wife.*

Lady Plymdale: Oh, You mustn't dream of such a thing. It's most dangerous nowadays for a husband to pay any attention to his wife in public. It always makes people think that he beats her when they're alone. The world has grown so suspicious of anything that looks like a happy married life (5, 45).

2) *Lady Windermere: That woman is not coming here tonight!*

Lord Windermere: Mrs. Erlynne is coming here, and if you in any way annoy or wound her, you will bring shame and sorrow on us both. Remember that! Only trust me! A wife should trust her husband! (5, 46).

Примеры диалогических единств, которые содержат фразы, выражающие приказ в начале и в конце диалога:

1) *Mrs. Erlynne: Lady Windermere! Thank Heaven I am in time. You must go back to your husband's house immediately.*

Lady Windermere: Must?

Mrs. Erlynne: Yes, you must. There is not a second to be lost. (5, 61).

2) *Lady Windermere: I did not spy on you. I never knew of this woman's existence till half an hour ago. Someone who pitied me was kind enough to tell me what every one in London knows already – your daily visits to Curzon Street, your mad infatuation, the monstrous sums of money you squander on this infamous woman!*

Lord Windermere: Margaret! Don't talk like that of Mrs. Erlynne, you don't know how unjust it is! (5, 35).

тотного максимума на первом ударном, однако значительно увеличивается, по сравнению с фразами, выражающими убеждение, количество случаев локализации частотного максимума на ядре (см. таблицу 2).

**Локализация частотного максимума
на структурных элементах функционально-семантических
типов диалогов (%)**

Функционально-семантический тип диалога	Дикторы	Количество фраз	корпус	ядро
			первый ударный	
Убеждение	м	6	87,5	12,5
	ж	6	95,8	4,2
Приказ	м	4	30,7	69,3
	ж	7	25,6	74,4

Таким образом, специфичность распределения частотных максимумов характерна для каждого из двух исследованных типов диалога.

Экспериментально-фонетическое изучение соотношения значений частотных характеристик структурных элементов фраз на их границах в пределах диалогического единства позволило наметить некоторые особенности связей между изменениями перепада частот и чередования тонов между фразами, выражающими убеждение и приказ.

В результате анализа среднеарифметических значений ЧОТ на границах между фразами диалогических единств установлено существенное различие между значениями перепада ЧОТ между концом предшествующей фразы и первым ударным слогом последующей фразы в диалогических единствах, содержащих фразы, выражающие убеждение и приказ. В диалогических единствах, которые содержат фразы, выражающие убеждение, перепад частот был мень-

ше, чем в диалогических единствах, содержащих фразы, выражающие приказ. Наибольший средний интервал перепада частот между концом предшествующей фразы и первым ударным слогом последующей фразы наблюдается в диалогических единствах, которые содержат фразы, выражающие приказ. Перепад частот на границах фраз был одним из признаков, различающих убеждение и приказ (см. таблицу 3).

**Таблица 3
Среднеарифметические значения перепада частот на
границах фраз функционально-семантических типов
диалогов.**

Функционально-семантический тип диалога	дикторы	Кол-во фраз	Частотный интервал между концом предшествующей фразы и первым ударным последующей фразы (отн. ед.)
убеждение	м	6	1,390
	ж	6	1,400
приказ	м	4	1,502
	ж	7	1,470

Основное место в дифференциации убеждения и призыва занимают особенности их тональной организации – разновидности тональных контуров и их частотность.

Диалогические единства, содержащие фразы, выражающие убеждение, характеризуются меньшей долей (по сравнению с диалогическими единствами, которые содержат фразы, выражающие приказ) низкого нисходящего тона и нисходящее-восходящего тона. Диалогические единства, которые содержат фразы, выражающие приказ, отличаются большей долей среднего и высокого нисходящего тона, причем для мужского голоса более характерен был средний нисходящий и восходящее-нисходящий тон, для женского голоса – высокий нисходящий тон (см. таблицу 4).

Таблица 4

Частотность тональных контуров фраз

Функционально-семантических типов диалогов (%).

Функционально-семантические типы диалога	ДИКТОРИ	Кол-во фраз	Тональные контуры завершения				
Убеждение	м	6	33,1	25,1	28,3	8,1	5,4
	ж	6	41,4	20,9	25,4	12,3	
Приказ	м	4	42,4	30,2			27,4
	ж	7	30,1	40,8		8,9	20,2

Тональные особенности диалогических единств, которые содержат фразы, выражающие убеждение, отличаются от диалогических единств, которые содержат фразы, выражающие приказ, особенностью в показателях пиковой частоты основного тона начальных и конечных фраз, в локализации частотного максимума, в перепаде частот между фразами двух типов диалога (содержащих фразы, выражающие убеждение и приказ) и частотностью различных терминальных тонов.

Литература

- Бровченко Т.А., Волошин В.Г. Методические указания по математической обработке и анализу результатов фонетического эксперимента. – Одесса: Изд-во ОГУ, 1986. – С. 4-11.
- Блохина Л.П. Специфика фонетической организации спонтанных текстов // Звучащий текст: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН АН СССР, 1983. – С. 61-76.
- Ивин А.А. Основы теории аргументации. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 352 с.
- Отчет по гос. теме ЛЭФ ОНУ 2001. – 21 с.
- Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Наука, 1960. – 337 с.
- Oscar Wilde. Lady Windermere's Fan // Plays. – Moscow: Foreign languages publishing house, 1961. – P. 19-91.

РОЛЬ ЕПІТЕТІВ У КОЛЬОРОВІЙ НАСИЧЕНОСТІ ХУДОЖНЬОГО ТЕКСТУ

У літературі трапляється визначення письменника як правдивого художника. При цьому часто з метою характеристики письменника і його творчості використовується спеціальна термінологія, прийнята у живописі та графіці. Робиться це очевидь для того, щоб здайти раз підкреслити, як багато спільнога у творчості письменника та художника.

Зрозуміло, що ці два види мистецтва пов'язують спільний предмет творчості – об'єктивна реальна дійсність, яку відображає у своїх творах своїми специфічними засобами – і художник, і письменник. Цей зв'язок настільки тісний, що слово "художник" фактично стало синонімом до слова "письменник". А слова "полотно", "колорит", "кольорова палітра", "кольорова насиченість", "гама", "кольорова тональність" та подібні наміцно увійшли у сучасну філологічну термінологію.

Ми звикли до аналізу кольору у живописі і в прикладному мистецтві, а останнім часом – у техніці і на виробництві. Написано багато праць про значення кольору у житті людини [1; 6]. У різних галузях науки по-своєму переломляється проблема кольору, трактується його вплив на психіку людини. Не випадково існує поділ кольорів на теплі (жовтий, червоний, оранжевий, рожевий) та холодні (сірий, голубий, синій, зелений). Зокрема, психологами доведений заспокійливий вплив на нервову систему людини зеленого, салатного та збудливий – червоного, оранжевого кольорів.

У відборі кольорової палітри, у наданні кольорової переваги виразно проявляється особистість автора, його естетичні уподобання

(*esthētis* – почуття, відчуття). Спробуємо виявити та описати естетичне функціонування категорій кольору та світлотіній в епітетах двох творів – "Мати й не мати" Е.Хемінгуея і "Великий Гетсбі" Ф.С.Фіцджеральда. Простежимо, як ці два письменники, різко відмінні за стилем, використовують кольорові і світлові епітети у своїй творчості.

Варто зазначити, що характерною рисою сучасної науки є прагнення до кількісних підрахунків, пошук точних методів – у цій площині і філологія не являє собою винятку.

З метою точнішого зіставлення кольорової насиченості художніх текстів ми використовуємо поняття "кольорового числа", що містить в собі потужну змістову силу. Воно характеризує насиченість тексту літературного твору кольоровими і світловими епітетами.

Уявляється доцільним виділити абсолютне кольорове число (C), що характеризує загальну насиченість тексту кольоровими і світловими епітетами:

$$C = \frac{\text{число згадувань усіх кольорових і світлових епітетів тексту}}{\text{кількість сторінок твору}}$$

і відносне кольорове число (C_1), що характеризує улюблений колір автора, найбільше повторюваний у всьому творі:

$$C_1 = \frac{\text{число згадувань будь – якого кольорового або світлового епітета}}{\text{кількість сторінок твору}}$$

Кольорові і світлові епітети у романі Е.Хемінгуея "Мати й не мати". Безсумнівно, кольорова гама у тексті твору несе в собі смислове і прагматичне навантаження. Абсолютне кольорове число роману становить 1,2. Про що свідчить ця цифра? Передусім, ця цифра підтверджує думку критиків про те, що Е.Хемінгуей велику увагу приділяє не кольору та іншим зовнішнім ознакам, а опису внутрішнього світу героя. "По відношенню до кольору світ внутрішній і світ зовнішній перебувають у вічному конфлікті, і перехід до внутрішнього світу знаменний не послабленням, а витисненням кольору" [3, 55].

Уся творчість Е.Хемінгуея підтверджує своєрідність його стилю. Автор пише просто, чесно і, незважаючи на стриманість та неприязнь до всякої зовнішньої експресії, – схвильовано, оскільки "не видимість, а сокровenna сутність явища хвилює письменника-гуманіста" [3, 237]. Звідси і стриманість у використанні кольоропозначення. Е.Хемінгуей постійно прагне до ідеального лаконізму, залишає найнеобхідніше, не піддане вилученню.

Представляючи кольорову палітру епітетів роману, треба також звернути увагу на семантичне поле кольору, що, в свою чергу, розпадається на мікрополя окремих кольорів.

Так, у романі простежується наявність усіх основних мікрополів (*white, silver, yellow, blue, grey, green, red, brown, black*). Найоб'ємнішими і найрізноманітнішими за кількістю відтінків є мікрополя червоного, зеленого, жовтого. Мікрополе червоного кольору, наприклад, включає шість відтінків: *red, reddish, purple, pink, ruddy, purple-black*. В основному кольорові епітети у романі виражаються простими прикметниками (нульового ступеня). Складні прикметники вкрай нечислені і, як правило, оказіональні, наприклад: *tearreddened, sunyellowed*.

У кількісному співвідношенні світлові епітети займають приблизно 22% всієї кольорової насиченості. Це свідчить про те, що світлові засоби теж підпорядковані "принципові психологічного обґрунтування колористичних засобів і виконують художньо-оцінну функцію" [5, 34]. Слово *dark*, що передає не колір, а характер світлового зорового сприймання, трапляється у романі Е.Хемінгуея відносно часто: $C_1 = 0,2$ при $C = 1,2$, тому що чимало сцен у романі відбуваються під покровом темноти.

За контрастом світлові епітети, що передають яскравість, світлість, незначні (близько 1,6%, за умови, коли світлове поле прийняти за 100%).

Вище йшлося про якісну характеристику кольорової палітри роману "Мати й не мати". А яка ж картина з кількісним співвідношенням кольорів? Як уже зазначалося, кольорове число роману складає $C=1,2$. Найчастотнішим є червоний колір (*red*) і його відтінкові тона

(pink, reddish; purple, ruddy). Його відносне кольорове число складає $C_1 = 0,26$. До найбільш уживаних належить і семантичне мікрополе білого кольору, відносне кольорове число якого $C_1 = 0,14$.

З якою метою автор так часто використовує в романі червоний і білий кольори? Частково це можна пояснити багатовіковою символією цих кольорів: чистота, цнотливість, гармонійність – білий колір; небезпека, жорстокість, насильство, кровопролиття – червоний колір. До певної міри це обумовлено і сюжетом роману, сповненим вбивствами, насильством і жорстокістю. Поранення Гаррі Моргана, в результаті якого він втрачає руку; його злочинна угода з аферистом Синрешт – загибель і самого Гаррі. Протягом усього роману проливається людська кров.

Навіть в описах природи червоний захід сонця, який спостерігають кубинці, сидячи у човні, сприймається ними як зловісне передбачення їх невідворотної смерті:

... Harry /was/ looking out across the grey swell of the Gulf Stream where the round red sun was touching the water [7, 126-127].

Не можна залишити поза увагою і те, що при усій скупості кольорового словника письменника опис моря і його мешканців в аналізованому романі містить в собі найяскравіші його елементи.

Then I saw him (the mackerel) coming from behind under water. You could see his fins out wide like purple wings and the purple stripes across the brown /.../. The stripes showed clear on him. He was a fine fish, bright silver now, barred with purple, and as big around as a log [7, 24-25].

Описовість чужа стилю Е.Хемінгуея. "Він не описує, а показує – пластично, яскраво, зримо відтворює образ зовнішнього світу" [3, 308]. Всього кількома скрупчими штрихами письменник передає красу природи, особливо моря. Хоча кольоровий словник його вкрай обмежений, все ж автор не може повністю відмовитися від тих емоцій і настроїв, що їх викликає природа, її ландшафти. Письменник, безумовно, враховує, що "кольори викликають різноманітні емоції і настрої,

активізують чуттєво-оцінне сприймання дійсності читачем, що сприяє прешті-решт формуванню ставлення до ідейно-образної системи роману в цілому" [5, 37].

Кольорові і світлові епітети в романі Ф.Скотта Фіцджеральда "Великий Гетсбі". Простежимо, як забезпечує кольорову насыщеність тексту Ф.Скотт Фіцджеральд у творі "Великий Гетсбі" – одному з кращих романів американської літератури ХХ ст.. Зазначимо, що часовий період двох романів приблизно той же, але тематика, стиль роману Ф. Скотта Фіцджеральда різко відмінні від Хемінгуєвських.

Головне у романі "Великий Гетсбі" – це разючий контраст між величезним матеріальним багатством та граничною духовною бідністю "сильних світу сього". Ймовірно, саме це протиріччя і викликало підсвідомо у письменника таку насыщеність і багатство паліtri у названому творі. "Багатство – фетиш, кумир, предмет цього роману" [2, 73].

Найперше, що убирає очі, – це багатство кольорового словника, представленого основними, змішаними і відтінковими тонами (46 кольорів і відтінків). Ф.Скотт Фіцджеральд явно надає перевагу не світловим, а кольоровим епітетам (84%). У тексті роману наявні усі основні мікрополя кольорів, причому об'єми цих мікрополів набагато більші, ніж в романі Е.Хемінгуея.

Панівним постає білий колір (28,3% усіх кольорових епітетів, $C_1 = 0,4$). Наступними, за частотністю, проявляються мікрополя жовтого (27,7%), червоного (10%) і золотого (0,6%) кольорів.

"Головний художній прийом, який Ф.С.Фіцджеральд використовує у романі "Великий Гетсбі", – це прийом контрасту, що поступово розкривається за ходом дії..." [1, 93]. Цьому прийомові підпорядкована і кольорова зображеність роману. Усі кольорові епітети роману можна умовно поділити на поле світлих, багатих, соковитих тонів (серед них – мікрополя білого, червоного, золотого) і – контрастуюче поле темних, похмурих, сірих тонів.

Варто відзначити, що абсолютне кольорове число роману "Великий Гетсбі" складає $C=1,5$. У кількісному відношенні ця цифра відносно не висока (у романі Е.Хемінгуея – $C=1,2$), однак ширина кольорово-

го діапазону свідчить, що поетичний стиль Ф.Скотта Фіцджеральда "емоційно піднесений і насычений найрізноманітнішою "відверто" емоційною лексикою" [1, 93]. І якщо у Е.Хемінгуея "це – кришталево чиста, "німа" поезія, схожа зі свідомою простотою дикції сучасних поетів, то проза Ф.С.Фіцджеральда значно близчча сенсуалістичній поезії романтиків" [1, 94 -95].

Звідси і багатство кольорових синонімів: *light blue – gas blue, green – apple-green, murky yellow – autumn-leaf yellow*; кольорових епітетів, у структурі яких міститься художнє порівняння: *wine-coloured, ash-grey, milky white*. Часто трапляються епітети, у значенні яких є і світлові, і кольорові компоненти: *pale gold, dull gold, gorgeous pink, light green, faint orange*.

З цих прикладів видно, що світловий компонент допомагає автору представити відтінок того чи іншого кольору більш диференційованим, а опис – точнішим.

У романі Ф.Скотта Фіцджеральда наочно проявляється цілісна кольорова яскрава тональність. Автор не шкодує фарб описуючи багаті особняки процвітаючих американців.

Their house was even more elaborate than I expected, a cheerful red-and-white Georgian Colonial mansion, overlooking the bay. The lawn started at the beach and ran toward the front door for a quarter of a mile, jumping over sundials and brick walks and burning gardens – finally when it reached the house drifting up the side in bright vines as though from the momentum of its run. The front was broken by a line of French windows, glowing now with reflected gold... [6, 7].

При цьому Ф.Скотт Фіцджеральд вряди-годи використовує темні тони у таких описах, оскільки вони внесли б суперечність в картину яскраво облудного блиску.

Ядром кольорового поля темних тонів проступає сірий колір і його похідні (19%). Головна смислова функція цього поля у посиленні враження контрасту яскравого (багатого) та сірого (бідного) кольорів.

Відмінною рисою тексту Ф.Скотта Фіцджеральда є величезна кількість епітетів, виражених субстантивно-ад'єктивними складними

прикметниками, - тоді як в романі Е.Хемінгуея їх надто мало (йдеться про тип *apple-green, ash-gray* і под.). Це засвідчує, що кольорова палітра епітетів у Ф.Скотта Фіцджеральда багатіша, вона сповнена своєрідностю кольорових розв'язок. З допомогою використання компаративних епітетів моделі N+A автор надає кольоровій характеристиці диференційований, вишуканий зміст.

...the ash-gray men swarm up with leaden spades... [6, 20].

/Edgar Beaver's hair/ turned cotton-white one winter afternoon... [6, 51].

Для Е.Хемінгуея кольорова характеристика не має такого важливого значення, оскільки він більше уваги надає внутрішньому світу людини, ніж тому зовнішньому, що його оточує. Саме тому його роман відзначається обмеженістю кольорів. "Основна увага приділяється не самій ситуації, якою б драматичною вона не була, а тому, що особливо цікавить письменника, - духовному світові людини" [2, 236].

Ф.С.Фіцджеральд використовує кольорові епітети найчастіше з метою опису зовнішності людини, її одягу, оточення. З допомогою такого кольорового опису автор допомагає читачеві краще представити їх у своїй уяві:

The sister, Catherine, was a slender, worldly girl of about thirty, with a solid, sticky bob of red hair, and a complexion powdered milky white [6, 26].

His gorgeous pink rag of a suit made a bright spot of color against the white steps... [6, 126].

"Oh, sure" agreed Wilson hurriedly, and went toward the little office mingling immediately with the cement color of the walls. A white ashen dust veiled his dark suit and his pale hair at it, veiled everything in the vicinity [6, 22].

Одяг персонажів служить в романі ніби візитними картками. Так Ф.С.Фіцджеральд малює американське суспільство, що спрямовує людину на присвоєння, на "фетизацію речей як неодмінний атрибут реалізації особистості" [2, 73].

He took out a pile of shirts and began throwing them, one by one, before us, shirts of sheer linen and thick silk and fine flannel, which

lost their folds as they fell and covered the table in manycolored disarray. While we admired he brought more and the soft rich heap mounted higher – shirts with stripes and scrolls and plaids in coral and apple-green and lavender and faint orange, with monograms of Indian blue [6, 76].

An hour later the front door opened nervously, and Gatsby, in a white flannel suit, silver shirt, and gold-colored tie, hurried in [6, 69].

Використання світлових засобів у романі Ф.С.Фіцджеральда так само красномовне. Світлові епітети становлять 16% усієї кольорової на- сиченості роману, з них *bright* 39% усіх світлових засобів, *dark* – 31%.

І знову простежується зіткнення яскравого і темного, символі- зуючи контраст між матеріальним багатством і духовною ницістю. Бачимо, як колір у Ф.С.Фіцджеральда трансформується у новий образ, що може викликати перед усім приємне або неприємне відчуття, сприяти емоційній оцінці певного явища, події, факту, предмета чи обставини. Отже, "вживання кольорових епітетів <...> служить за- собом вираження індивідуального емоційно-оцінного відношення до дійсності" [4, 119].

Литература

1. Бецольд В.И. Учение о цветах по отношению к искусству и технике. – СПб., 1978.
2. Горбунов А.Н. Романы Ф.С.Фицджеральда. – М.: Наука, 1981. – 150 с.
3. Денисова Т.Н. Экзистенциализм и современный американский роман. – К.: Наук. думка, 1985. – 168 с.
4. Маянц З. "Человек один не может...": Э.Хемингуэй. Жизнь и творчество. – М.: Наука, 1966. – 408 с.
5. Тхор Н.М. Цвет в прозе Карсон Маккалерс // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1984. – С.115-123.

6. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, искусство. – М., 1989.
7. Эстетическая функция колорита в форсайтовском цикле Дж.Голсуорси (К проблеме анализа стиля) // Филологические науки. – 1982. – №4. – С.33-37.
8. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. – London: D.Campbell Publishers Ltd., 1991. – 152 p.
9. Hemingway E. To Have and Have Not. – M.: Междунар.отношения, 1979. – 216 p.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРАММНЫХ ПАКЕТОВ ОБРАБОТКИ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ В ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

(методика анализа эксплозивной фазы немецких смычных взрывных согласных)

В области инструментальных исследований речи за последнее десятилетие фактически произошла революция, приведшая к полному вытеснению традиционных приборов, использовавшихся с начала 20 столетия при анализе речи. Эра закопченной бумажной ленты, мареевских барабанчиков, кимографов, осциллографов, спектрографов, положившая начало освоению "видимой речи" (*Visible Speech*) [17; 20], завершилась бурным прорывом в области компьютерных технологий, сделавших речь не только "видимой", но и слышимой в исполнении синтезированных голосов, приветствующих нас в метро, телефоне и даже в образе искусственно улыбающейся *Ananova*¹, рассказывающей в Интернете последние новости на английском, немецком и французском языках.

¹ Аナンова – Первый в мире диктор-аватар (анимированный виртуальный персонаж с получеловеческой индивидуальностью), "рожденный" в Соединенном Королевстве 17 апреля 2000 г. компанией *Lernout & Hauspie*, специализирующейся на речевых технологиях. Подробнее см. www.ananova.com.

Традиционно, инструментальное исследование звуковых единиц любого уровня в заданных (отобранных) речевых условиях, осуществляющееся в рамках эксперимента или методом *наблюдения*, состоит из осциллографического, интонографического, спектрального видов анализа, что позволяет получить объективное представление об объекте исследования. Применение компьютерных речевых технологий делает возможным в настоящее время провести указанные виды инструментального анализа одновременно, делая тем самым процедуру обработки данных менее трудоемкой, более точной и наглядной.

Важным этапом в подготовке инструментального исследования звучащей речи является предварительная *компьютерная обработка речевых образцов*, состоящая из ряда последовательных операций: оцифровка аналогового сигнала, выделение необходимых отрезков на осциллограмме, их сохранение в формате *.wav, обработка в программном пакете.

Оцифровка аналоговых сигналов, записанных на магнитную пленку, может производиться при помощи программы редактирования звуковых файлов, например, *Goldwave* путем присоединения источника этих сигналов к звуковой карте персонального компьютера. Шестнадцатирядные звуковые файлы, полученные в результате оцифровки с частотой дискретизации 22 кГц, сохраняются на твердом диске в формате *.wav, поддерживаемом большинством программ анализа звучащей речи. Данная частота дискретизации наиболее подходит для исследований единиц сегментного уровня, в частности, согласных звуков, спектр которых, как правило, охватывает высокие частоты (8000-10000 Гц). При этом, частота дискретизации согласно теореме Котельникова должна превышать максимальную частоту звука хотя бы в два раза [1; 2].

Из полученных в результате оцифровки больших звуковых файлов размером более 2 Мбайт выделяются отрезки, содержащие исследуемые звуковые объекты. Эти отрезки сохраняются в виде отдельных файлов в соответствующих директориях.

Далее оцифрованный материал обрабатывается в одной из программ, например, PRAAT, WinCECIL, Spectrogram, Speech Analysis Tools, Sal

и другие. Наиболее функциональной и удобной в использовании представляется PRAAT 4.0, позволяющая, среди прочего, выводить на экран компьютера осцилограмму выделенного отрезка, спектrogramму шириной анализа 5 мс и частотой 10 кГц в окне Хамминг, контуры пределов изменения интенсивности в диапазоне от 40 до 100 дБ, цифровые значения энергетических характеристик сегментов с использованием начальных и конечных данных выделенного сегмента [14].

Особенностью используемого программного обеспечения является возможность получить не только визуальное изображение отсегментированного участка с различной степенью увеличения, но и прослушать его в разных режимах скорости, которые задаются пользователем. Искомый сегмент выделяется при помощи двух курсоров (основного и вспомогательного) и прослушивается в одном из выбранных режимов. Для точности на экран монитора выводится одновременно до трех окон с изображением одного и того же отсегментированного участка в виде осциллограмм, динамических спектрограмм, огибающих контуров интенсивности. Полученные результаты измерений представляются в виде электронных таблиц с целью дальнейшей обработки данных.

Важным моментом процесса сегментации является разграничение плозива (или любого другого согласного) и предшествующего гласного, особенно, если идет обработка сегментов слитной речи. На осцилограмме за начало плозива принимается точка пересечения нуля (*zero-crossing point*) после последнего глоттального импульса (*glottal pulse*) предшествующего гласного (рис.1) [16; 22]. На спектrogramме гласный идентифицируется за счет падения (повышения) уровня спектральной энергии в области 1000 Гц. Частотные и энергетические параметры рассчитываются в различных точках дискретизации выделенных сегментов.

Для выполнения спектрального анализа программа PRAAT 4.0 использует быстрые преобразования Фурье (БПФ). БПФ обычно определяются количеством входящих исходных точек, используемых в каждом расчете, которые всегда являются кратными двум (1024). Частот-

ное разрешение спектrogramмы представляет собой цифровую частоту выборки, разделенную по частотам на количество исходных точек БПФ. Чем больше количество исходных точек БПФ, тем точнее частотное разрешение спектrogramмы [11, 149-157].

Использование программного обеспечения позволяет, безусловно, получить высококачественное графическое изображение выделенного сегмента с обширной информацией о характере речевого сигнала. Важным, однако, является умение правильно расшифровать полученное изображение и извлечь из него достоверную информацию о проанализированном отрезке. Для этого существенным является понимание следующих моментов.

Во-первых, при проведении инструментального анализа, связанного с получением информации о единицах сегментного уровня, необходимо учитывать **систему взаимоотношений артикуляторных и акустических изменений**: качественные модификации речевого сигнала, описываемые в терминах спектрального анализа, являются вторичными по отношению к артикуляторным изменениям, носящим первичный характер [9, 65-66].

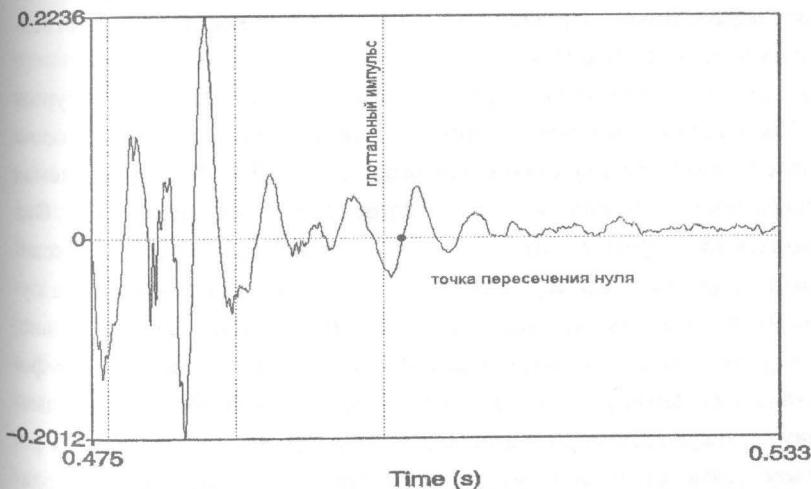

Рис.1. Точка начала сегментации предстыкового глухого плозива [t] на осциллографе

Однако, рассчитывать на прямое соответствие артикуляторных и акустических показателей в процессе речепроизводства возможно только при произнесении отдельно взятых звуков, что само по себе является искусственной ситуацией и возможно только на первичном этапе, когда исследователя интересует "чистый" вариант артикуляторно-акустической структуры звука, то есть его базовый вид. В реальных условиях производства слитной речи возникает явление артикуляторного полиморфизма, т.е. при различном положении органов речи в пределах определенной зоны достигается схожий акустический эффект. Другими словами, в определенный момент говорения происходит соединение (наложение) нескольких артикуляторных жестов при единстве акустической структуры полученного сигнала [12, 235]. С другой стороны, на характеристику сигнала влияет позиция артикулируемого речевого сегмента в высказывании, то есть здесь проявляется зависимость его сугубо артикуляторно-акустических характеристик от просодической организации единиц более высокого порядка (предложение, текст) [8; 10]. Следовательно, перед сегментатором возникает сложная задача разграничения в одном сегменте артикуляторных, акустических и просодических характеристик и, соответственно, их корректного анализа.

Далее, обрабатывая информацию о единицах сегментного уровня, необходимо учитывать **феномен сочетаемости непрерывности и дискретности звуковых единиц** [3, 125-126]. Воспринимаемая дискретность слов, фраз в реальной естественной речи отсутствует. Она является лишь результатом предшествующего языкового опыта говорящего и реализуется через знание системы того или иного языка путем использования языкового контекста и ситуации. Следовательно, между звуками существуют только фонологические границы, а не фонетические (артикуляторные, акустические). Такой подход к пониманию процессов, лежащих в основе речеобразования, выводит на решение задач, связанных, во-первых, с правильным отбором материала исследования, его инструментальной обработкой, условиями записи, качеством пленки и т.д., то есть с тем, что может повлиять на физи-

ческие характеристики сигнала и исказить реальную лингвистическую картину (трактовку). Другой блок проблем основывается на разработке четких критериев сегментации речевого потока и многоуровневом подходе, т.е. на учете всех сегментных, супрасегментных и экстралингвистических факторов, влияющих на акустические характеристики звуков [5]. Учет вышеизложенных условий организации исследования позволит использовать информацию о полученных сегментах и их признаках для дальнейшего анализа естественной речи и синтеза речи, приближенной к натуральной.

Таким образом, приступая к изучению акустической структуры речевого сигнала, необходимо принимать во внимание ряд факторов: лингвистические, а именно, артикуляторный (коартикуляторный), акустический, просодический, а также экстралингвистические, среди которых чаще всего принято выделять гендерный, т.е. зависимость звукового образа от типа голоса (женский, мужской), эмоциональный (коннотативный), а также технический (технологический), связанный с условиями корректной обработки аналогового сигнала, его оцифровки, качества магнитной пленки и условий записи.

В настоящей статье рассматривается методика организации инструментального фонетического исследования при помощи программного пакета обработки звука Praat 4.0, разработанного в Амстердамском институте фонетических исследований и успешно апробированного в ряде работ, проводимых в Лаборатории экспериментальной фонетики Одесского национального университета им. И.И.Мечникова. В качестве объекта исследования выбрана эксплозивная фаза немецких смычных взрывных согласных p, t, k, находящихся на стыках слов и выделенных из слитной речи в виде звукосочетаний. Объем выборки составляет 1400 единиц. Подробнее о методике отбора материала и классификации стыковых позиций см. [7]. Исследование характеристик эксплозивной фазы проводилось с учетом следующих условий: типа стыка, т.е. гоморганнысти/гетероорганнысти соединения, наличия паузы в звукосочетании, положения относительно ударного слога в фонетическом слове, а также типа голоса (женский/мужской).

Провести детальное исследование такого микросегмента как эксплозивная фаза, длительность которой в среднем не превышает 12 мс, стало возможным именно благодаря применению компьютерной обработки речевого сигнала, позволившей получить данные темпоральных, частотных и энергетических характеристик фазы взрыва. Расчет показателей производился исходя из значений длительности эксплозивной фазы (мс), частотного распределения энергии (Гц) и максимумов концентрации энергии взрыва в спектре (дБ).

Идентификация степени интенсивности взрыва на спектограмме может осуществляться простым визуальным способом – на основе соотношения черно-серых цветовых характеристик сигнала [5, 26; 18, 24]. Параллельно с наблюдением цветовых характеристик взрыва в соответствующем рабочем окне программы ведется измерение интенсивности энергии взрыва в дБ. Так, максимальное количество энергии характеризуется уровнем интенсивности от 90 дБ и выше, что находит выражение в наличии областей черного цвета и легко идентифицируется визуально. Уровень интенсивности взрыва от 75 до 90 дБ может быть охарактеризован как средний. На спектограмме такие области выражены темно-серым цветом. Падение интенсивности ниже 75 дБ характеризует взрыв как слабый, что будет выражаться в размытости его контуров или невозможности его сегментации в целом.

Замер спектральных пиков эксплозивной фазы производится ручным способом путем выведения рабочего курсора в точке максимального отклонения амплитудной кривой на выделенном сегменте (рис.2). В этой точке делается спектральный срез, содержащий необходимую информацию о распределении энергии на выделенном сегменте (рис.3). Точность измерений достигается за счет многократного увеличения (расширения) сегмента в рабочем окне. В таблицы вносятся начальные и конечные показатели длительности фазы взрыва, что позволяет при повторных замерах в случае необходимости произвести измерения с максимальной точностью.

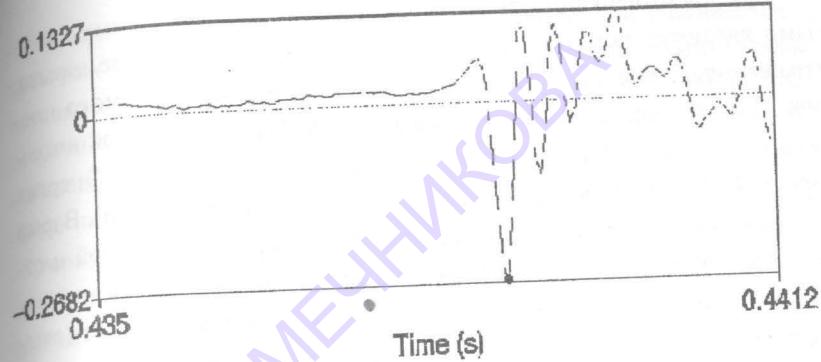

Рис. 2. Точка максимального отклонения амплитуды эксплозивной фазы [t]

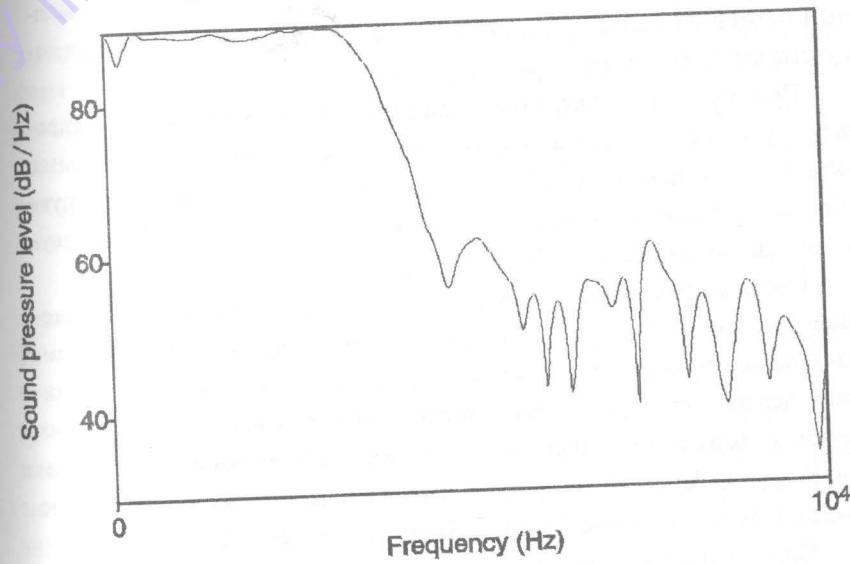

Рис.3. Спектральный срез в точке максимального отклонения амплитуды эксплозивной фазы [t]

При идентификации эксплозивной фазы на спектрограмме важными являются исходные сведения о характере и структуре взрыва, отражающие, прежде всего, место образования исследуемого плозива. Так, билабиальный плозив характеризуется самой слабой интенсивностью и наиболее короткой фазой разрешения смычки. Энергия взрыва концентрируется в области низких частот (500-1000 Гц). Взрыв альвеолярного плозива характеризуется прерывистой структурой и отсутствием многократного разрешения смычки. Максимальная концентрация энергии взрыва расположена в области высоких частот (свыше 4000 Гц). Велярный плозив характеризуется самым интенсивным взрывом с концентрацией энергии в области 1500-4000 Гц, а также наличием многократного разрешения фазы смычки, возникающего за счет большей площади контакта спинки языка с нёбом.

Следовательно, структура и уровень интенсивности взрыва могут служить надежным критерием сегментации и распознавания глухих плозивов в слитной речи, особенно в том случае, если аспирированный плозив находится в невокалическом окружении, т.е. там, где отсутствуют формантные переходы [19].

При изучении спектральной картины смычных взрывных согласных звуков принимался во внимание ряд дифференциально значимых акустических противопоставлений, необходимых для описания структуры акустического сигнала исследуемых звуков в консонантных звукосочетаниях на стыке слов.

Соотношение между объемом резонирующей полости перед сужением (смыканием) и после него выражается в противопоставлении компактный/диффузный. Компактные звуки характеризуются преобладанием центрально локализованного формантного района. У диффузных звуков энергия резонансных частот рассеяна по большому отрезку шкалы. К группе компактных звуков относятся велярные [k]/[g], а к группе диффузных альвеолярные [t]/[d] и билабиальные [p]/[b].

Противопоставление низкий/высокий акустически выражается в уровне концентрации энергии в спектре. Если энергия сосредоточена в низких частотах спектра, звук характеризуется как низкий (гравис-

ный), если соответственно энергия концентрируется в высоких частотах – как высокий (акутный). В артикуляторном плане такое противопоставление связано с объемом и расчлененностью резонирующей полости. К низким относятся билабиальные и альвеолярные плозивы, к высоким – велярные. Следовательно, акустическое противопоставление низкий/высокий соответствует изменению ротового резонатора по горизонтальной оси. Дополнительно в момент образования низких звуков происходит сужение фаринкса, тогда как высокие звуки обраются при расширенной глотке [6, 17].

Вышеуказанные противопоставления являются определяющими при описании акустического параметра эксплозивности смычных взрывных согласных: смещение характерных областей взрыва в нехарактерные для описываемого звука будут свидетельствовать об определенной степени модификаций согласного по месту образования в зависимости от ряда комбинаторных и просодических факторов.

В результате исследования эксплозивности немецких смычных взрывных звуков было установлено, что длительность эксплозивной фазы предстыковых глухих плозивов составляет в среднем 10-12 мс и является средней величиной для всех звуков этой группы, независимо от их места образования ($p > 0.7$). Изменения эксплозивных характеристик определяется не только просодией речевого высказывания, но и взаимоотношениями между сегментами самого плозива.

Как известно, уровень интенсивности взрыва определяется местом образования плозива, что выражается в следующей зависимости: чем больше объем резонатора, тем более выражена интенсивность взрыва. Энергия взрыва билабиального согласного концентрируется в области низких частот (500-1000 Гц), альвеолярного плозива в области высоких частот (свыше 4000 Гц), велярного плозива характеризуется самым интенсивным взрывом с концентрацией энергии в области 1500-4000 Гц [19].

Исследование частотного распределения энергии эксплозивной фазы глухих плозивов показало, что в слитной речи происходит сдвиг характерных энергетических областей взрыва, определяемых местом образо-

вания плозива. Так, у билабиального [p] отмечается повышение верхней частотной границы до уровня 1860 Гц, при этом нижняя граница области взрыва остается стабильной и не превышает, как правило, 700 Гц. Незначительная рассеянность энергии по шкале частот (максимальное значение 630 Гц) говорит, скорее, о компактном характере плозива, чем о диффузном. Велярный предстыковый [k] сохраняет свою характеристику компактного звука. Ширина полосы взрыва также распространяется по незначительному отрезку шкалы и составляет максимально 1850 Гц. Частотная область концентрации энергии взрыва в основном касается средних частот, при этом верхняя граница взрыва не превышает 3500 Гц. Альвеолярный плозив [t] соответствует своей характеристике диффузного звука, поскольку его энергия рассеяна по значительному отрезку шкалы и достигает максимальной ширины 3470 Гц. Частотные области концентрации энергии взрыва альвеолярного глухого плозива характеризуются нестабильностью, что выражается в смещении нижней границы взрыва в область низких частот (500 Гц).

Приведенные ниже в табл. 1 данные частотного распределения энергии взрыва глухих предстыковых звуков позволяют охарактеризовать билабиальный смычный взрывной [p] как грависный (низкий) звук, а альвеолярный [t] и велярный [k] звуки как акутные (высокие).

Таблица 1

Частотное распределение энергии эксплозивной фазы глухих смычных взрывных согласных [p], [t], [k] (n = 51) (Гц)

[p]		[t]		[k]	
Нижняя граница	Верхняя граница	Нижняя граница	Верхняя граница	Нижняя граница	Верхняя граница
50	350	4700	5390	2380	3400
950	1860	4020	4760	800	2650
650	1100	3090	4680	400	2160
1600	2230	220	2060	1500	3230
20	660	300	1250	90	930
50	790	850	1300	80	800
400	1070	1000	1340	1740	2340
700	1000	1260	2700	1150	3000

[p]		[t]		[k]	
Нижняя граница	Верхняя граница	Нижняя граница	Верхняя граница	Нижняя граница	Верхняя граница
420	1020	3600	4680	1000	1660
510	900	2900	4300	710	1020
780	1210	1900	3150	490	1940
80	490	3650	4000	890	1090
80	910	1200	1900	2060	2500
600	1400	450	1500	470	2160
810	1200	600	1900	1540	2000
750	1000	2020	2240	1290	3100
60	590	4320	4860	2080	3700
500	1045	2122	3059	1098	2216

В отличие от аспиративной фазы длительность эксплозивной фазы не зависит от длительности интерсегментной паузы в звукосочетании ($p > 0,3$). Средние значения длительности эксплозивной фазы предстыковых глухих плозивов с паузой составляют 10,7 мс, без паузы – 10,1 мс.

Наличие/отсутствие паузы приводит к существенным различиям в энергетических характеристиках взрыва, а именно в показателях максимумов интенсивности всей эксплозивной фазы, а также в спектральных срезах, проводимых в точках максимального отклонения амплитуды в зонах концентрации энергии взрыва. Так, при наличии пауз среднеарифметические показатели пиков интенсивности составляют 83,2 дБ, при отсутствии паузы внутри звукосочетания – 74,3 дБ ($p < 0,001$).

Влияние интерсегментной паузы на реализацию энергетических характеристик фазы взрыва может быть рассмотрено на конкретных примерах.

Так, в сочетании слов Macht teilen (рис.4), где длительность интерсегментной паузы равна 50 мс, максимальная интенсивность взрыва в спектре предстыкового плозива [t] составляет 98,6 дБ. Энергия взрыва концентрируется в области средних частот (3090-4680 Гц). На рис. 5 представлен спектральный срез в точке максимального отклонения амплитуды в фазе взрыва предстыкового плозива [t].

В гетероорганным сочетании плозивов [tb] на стыке слов *nacht* / *Bodenfrost* пауза отсутствует (рис. 6). Вследствие этого максимальное значение интенсивности взрыва в спектре предстыкового плозива [t] равно 64,2 дБ (рис. 7). Визуально это выражается отсутствием областей черного цвета в области взрыва.

Значительно отличаются также показатели уровня интенсивности всей эксплозивной фазы. В среднем с паузой они составляют 62,05 дБ, без паузы – 60,2 дБ ($p < 0,02$).

Положение плозива в ударном слоге не является значимым для длительности и интенсивности эксплозивной фазы. Средние значения длительности эксплозивной фазы предстыкового плозива в ударном слоге равны 11,7 мс, в безударном – 9,0 мс ($p > 0,3$). Средние значения интенсивности взрыва в спектре в ударном слоге составляют 84,3 дБ, в безударном – 82,1 дБ ($p > 0,2$).

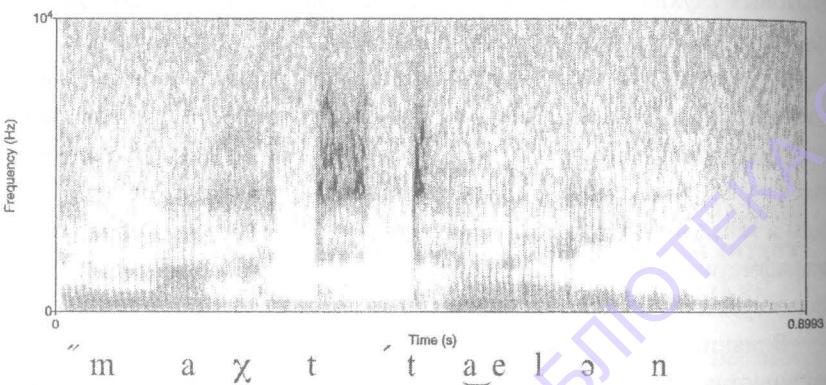

Рис. 4. Спектrogramma словосочетания *Macht teilen*

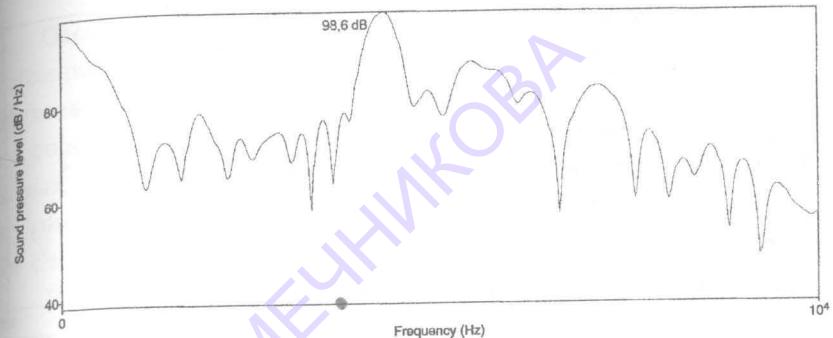

Рис. 5. Спектральный срез в области взрыва предстыкового плозива [t] в сочетании *Macht teilen*

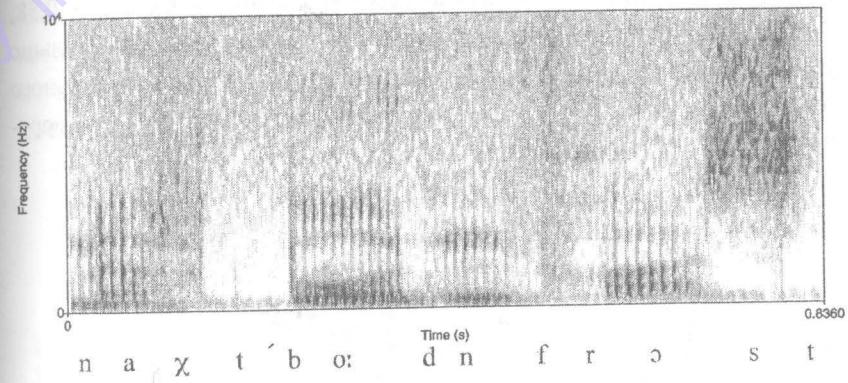

Рис. 6. Спектrogramma словосочетания *nacht Bodenfrost*

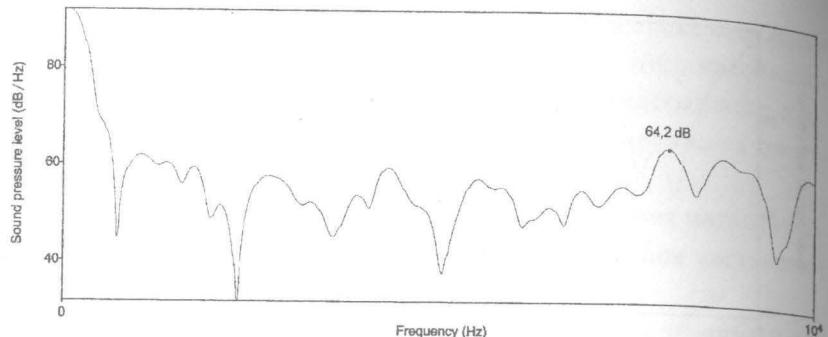

Рис.7. Спектральный срез в области взрыва предстыкового плозива [t] на стыке слов *nacht Bodenfrost*

На сегментном уровне обнаружена взаимосвязь между интенсивностью фазы смычки и интенсивностью эксплозивной фазы ($r = 0,58$; $p < 0,001$), выражаяющаяся в следующей зависимости: чем больше интенсивность смычки, а значит меньше напряженность смыкателяного движения, тем больше интенсивность взрыва (рис. 8). Данная корреляция может объяснить механизм ленизации фортификаций плозивов.

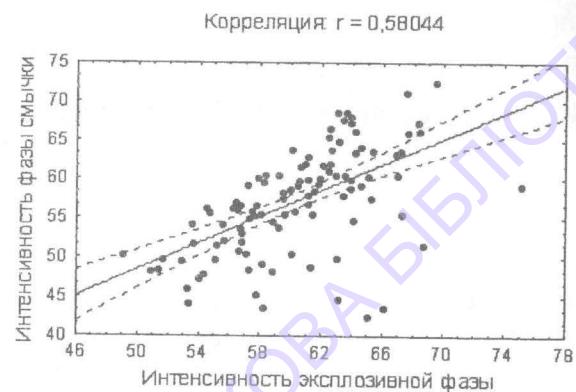

Рис. 8. График корреляции между интенсивностью фазы смычки и интенсивностью эксплозивной фазы

Отсутствие паузы в звукосочетании приводит не только к ослаблению энергетического уровня звуков, но и к различным видам звуковых модификаций, одним из которых является ассимиляция по способу образования. При определении основных причин звуковых изменений подобного рода нужно исходить, прежде всего, из гоморганичности/гетерогранности сочетаний согласных на стыке слов, а также типа последующего застыкового согласного.

В гоморганных сочетаниях плозив + плозив [td], плозив + фрикатив [tz], плозив + сонорный [tn] в случае отсутствия интерсегментной паузы эксплозивная фаза первого звука может слиться с имплозивной фазой второго звука.

В первом случае гоморгансое звукосочетание трансформируется в один консонант с максимально длительной фазой смычки. На рис. 9 приведен образец спектрограммы сочетания слов *nicht teilnehmen*, где на стыке слов идентифицируется один глухой аспирированный плозив [t] с удлиненной фазой смычки (101 мс), низкая интенсивность которой (42,2 дБ) говорит о значительной напряженности смыкателяного артикуляторного жеста. Это также отражается в показателях мощности звука, она равна 348,81 мкПа².

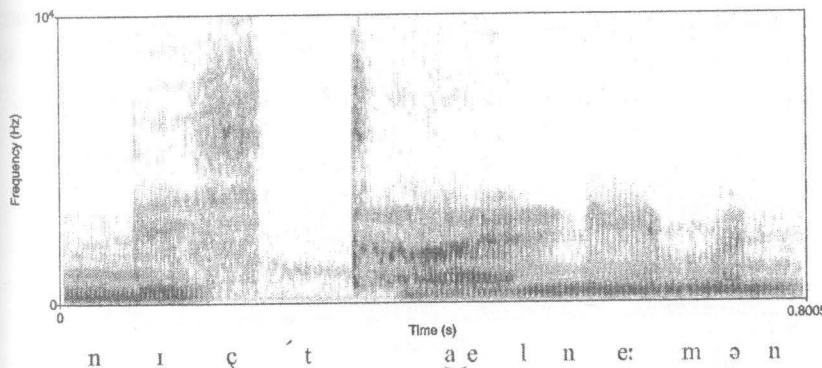

Рис. 9. Спектрограмма словосочетания *nicht teilnehmen*

Если в качестве застыкового звука выступает гоморганный звонкий плозив [d], то при отсутствии интерсегментной паузы также происходит реализация одного компонента стыка, застыкового полузвонкого [d]. На рис.10 на стыке слов *Kandidat des* идентифицируется реализация полузвонкого [d] с удлиненной фазой смычки (64 мс) при общей длительности звука 76 мс. Длительность эксплозивной фазы составляет 12 мс и характеризуется концентрацией энергии в области первой форманты. Максимальная интенсивность взрыва в спектре равна 83, 2 дБ.

В гоморганным сочетании плозив + фрикатив в плозиве образуется плавный переход к щели, что приводит к замене этого звукосочетания на аффрикату (рис.11). На спектрограмме стыка слов *hat seinen* идентифицируется слияние предстыкового альвеолярного плозива [t] с застыковым альвеолярным фрикативом [z], что приводит к образованию аффрикаты. Второй компонент стыка представляет собой оглушенный щелевой [s] с характерной областью высокочастотных шумов (3500-6400 Гц) и отсутствующей "голосовой линией" в области 500 Гц, типичным признаком звонких звуков. Компоненты стыкового звукосочетания реализуются со значительной артикуляторной напряженностью. Мощность звуков [t] и [s] равна, соответственно, 118,73 мкПа² и 90,11 мкПа².

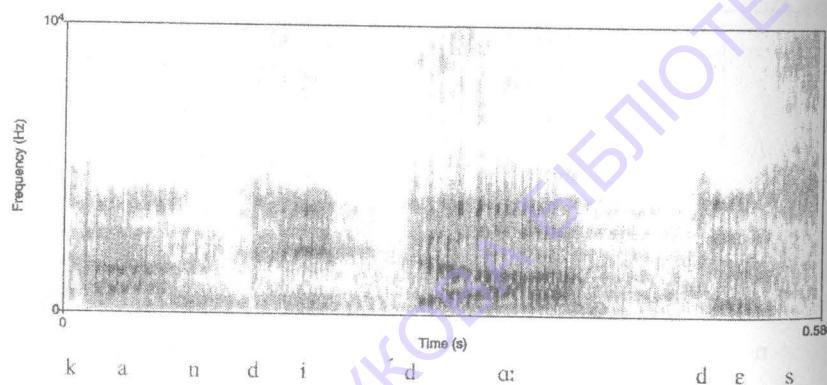

Рис.10. Спектрограмма словосочетания *Kandidat des*

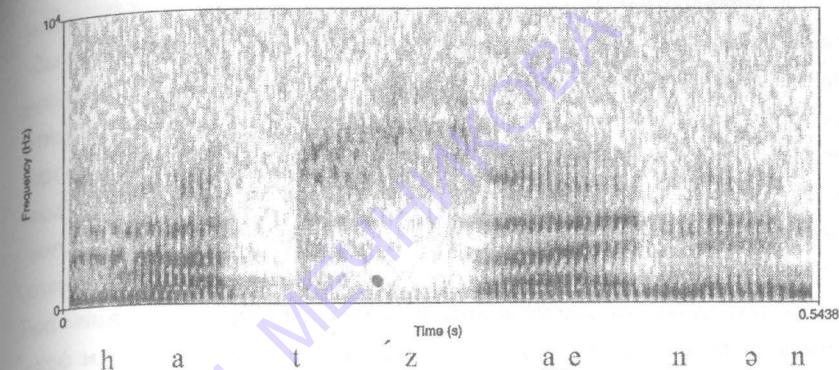

Рис. 11. Спектрограмма словосочетания *hat seinen*

В сочетаниях плозив + аффриката в случае отсутствия интерсегментной паузы происходит слияние плозива [t] с первым компонентом аффриката [ts], т.е. гоморганным звуком. На спектрограмме *Bereitschaft zur* в стыковом звукосочетании [ts] идентифицируются только удлиненная фаза смычки (55 мс) плозива [t] с последующей зоной высокочастотного шума, соответствующей сегменту глухого щелевого [s] (рис.12). Контуры взрыва не определяются, следовательно, первым компонентом аффриката является дезэксплозированный смычный звук. Подобная модификация является результатом спирантизации, т.е. быстрого преобразования фазы смычки в щель, вызванной ослаблением смыкательного артикуляторного жеста (59 дБ).

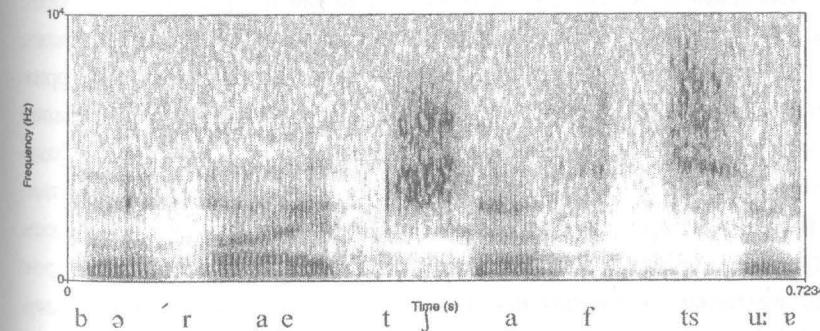

Рис.12. Спектрограмма словосочетания *Bereitschaft zur*

В гетероорганных сочетаниях плозив + постальвеолярный фрикатив значительное сокращение длительности эксплозивной фазы и ослабление интенсивности взрыва в данном виде стыка возникает в результате наложения турбулентного шума застыкового фрикатива с концентрацией энергии в области высоких частот. Здесь прослеживается прямая зависимость длительности аспиративной фазы и интенсивности взрыва от артикуляторной (акустической) глубины контактного щелевого: чем глубже по шкале частот расположена нижняя граница фрикативного шума, тем слабее аспирация контактного плозива [19]. В контактном положении предстыкового плозива с застыковым постальвеолярным фрикативом [ʃ], например, на стыке слов *mit Schnee*, обладающим максимальным объемом концентрации энергии в области 2500-7000 Гц, отсутствие аспирации фиксируется во всех без исключения случаях (рис. 13).

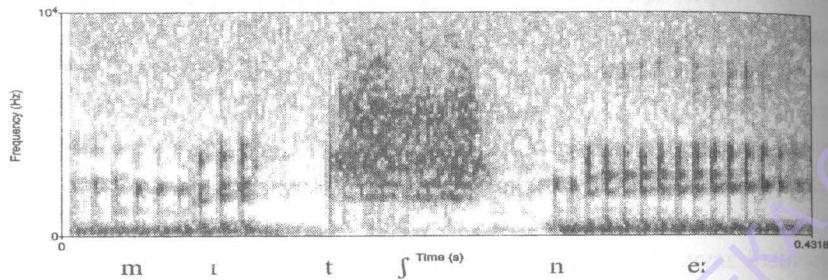

Рис.13. Спектрограмма словосочетания *mit Schnee*

Стыковые звукосочетания плозив + глottальный [h] представляют особую трудность при расшифровке спектрограмм, поскольку здесь сложно провести сегментацию аспирированного плозива и глottального фрикатива, особенно если в звукосочетании отсутствует пауза. Как правило, в таких стыках происходит наложение областей глottального [h] на fazu аспирации предстыкового плозива. В сегменте глottального [h] на стыке слов *geföhrt hat* четко прослеживаются формантные переходы к последующему гласному (рис. 14), которые протекают параллельно. В результате сильного влияния последующего вокалического сегмента застыковый глottальный фрикатив реализуется в звонкой форме.

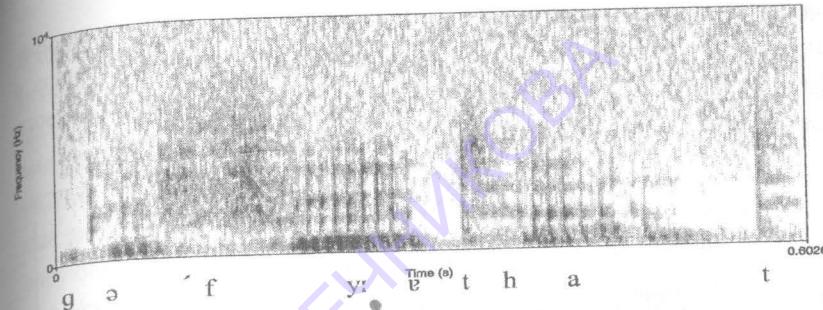

Рис. 14. Спектрограмма словосочетания *geföhrt hat*

Гомоганное сочетание плозива и сонорного характеризуется отсутствием аспиративной и эксплозивной фаз, что приводит только к реализации смычки и ее удлинению до 70-100 мс, например, на стыке слов *bestimmt nicht* (рис. 15). В этом случае предстыковый согласный становится имплозивным. Одновременно в данном виде стыка происходит замена орального взрыва фукальным, образующимся при переходе к сонорному согласному вследствие опускания нёбной занавески [24, 179]. Смычка при переходе от [p] к [m], или от [t] к [n] не прерывается, начало артикуляции сонорного характеризуется лишь отрывом нёбной занавески от задней стенки носоглотки, что создает эффект фукального (носового) взрыва [23, 26].

В сочетании гетероорганных плозивов при сохранении взрыва предстыкового согласного смычки застыкового плозива может осуществляться до взрыва предстыкового звука. В этом случае существенное значение имеет порядок следования согласных. Если в сочетании предшествует плозив более глубокого образования (например, велярный [k] перед альвеолярными [t/d] или билабиальными [p/b]), то его взрыв сводится только к отделению активного органа от пассивного, за которым не следует выхода воздуха. Такой взрыв практически не дает акустического эффекта и характеризуется минимальной длительностью (3-5 мс) и слабой интенсивностью (55-60 дБ). Уровень концентрации энергии взрыва перемещается в область низких частот (1000-1600 Гц) и по уровню интенсивности не превышает 75-80 дБ, что

на спектрограмме сочетания слов *Bundesparteitag der* (рис. 16) выражается отсутствием черно-серых цветовых характеристик сигнала в фазе взрыва велярного [k]. Длительность фазы смычки застыкового плозива [d] увеличивается до 60 мс.

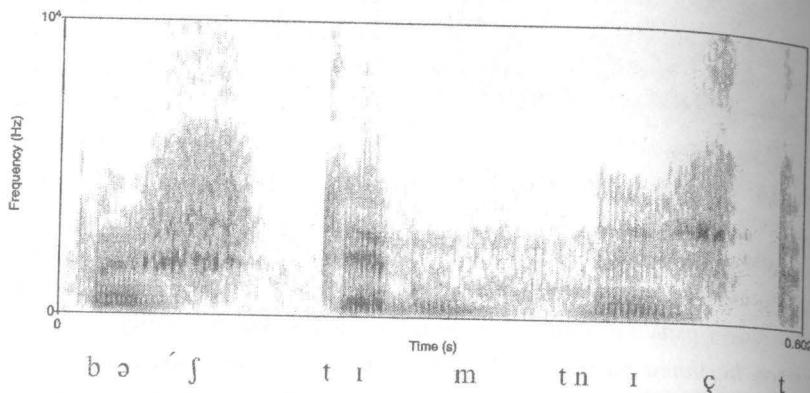

Рис. 15. Спектрограмма словосочетания *bestimmt nicht*

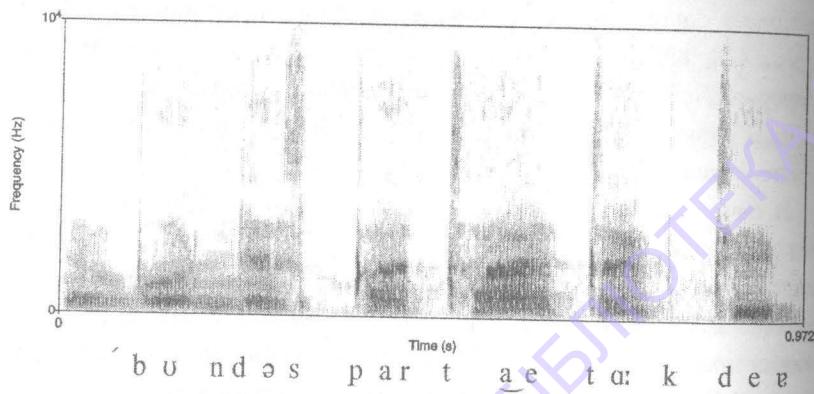

Рис. 16. Спектрограмма словосочетания *Bundesparteitag der*

Перцептивно такое сочетание воспринимается как долгий смычный с более глубокой экскурсией и более передней рекурсией. Идентифицировать велярный плозив в этом случае можно только на основе формантных переходов предшествующего гласного. F2 и F3 конвергируют в области 2800-3000 Гц, если это гласный переднего или

среднего ряда. Если перед велярным плозивом находится гласный заднего ряда, то за счет низкого локуса у [g], [k] определение формантных переходов становится невозможным [19]. Следовательно, данный вид стыка характеризуется высокой степенью антиципирующей коартикуляции гетероорганных звукосочетаний, при которой артикуляторные жесты лабиального или альвеолярного смыкания являются доминирующими и определяют специфику велярного смыкания [15; 21].

Усиление влияния антиципирующей коартикуляции может произойти также за счет полярности (отдаленности) компонентов звукосочетания. Так, например, в сочетании велярного плозива с билабиальным [k + p/b] уровень антиципации будет выше, чем в сочетании с альвеолярным плозивом [k + t/d]. На спектрограмме сочетания слов *Nürnberg bereits* (рис. 17) идентифицируется только застыковый билабиальный плозив [b] с удлиненной фазой смычки (80 мс). Однако перцептивно аудиторы идентифицируют в этом сочетании смычку велярного плозива [k]. Следовательно, сегмент, на котором отсутствуют периодические колебания, состоит из смычки предстыкового велярного [k] и смычки застыкового билабиального [b]. Провести правильную сегментацию данного отрезка и определить части смычки, относящиеся к разным звукам, можно при помощи аудитивного контроля сегментации, однако и в этом случае она не может быть точной.

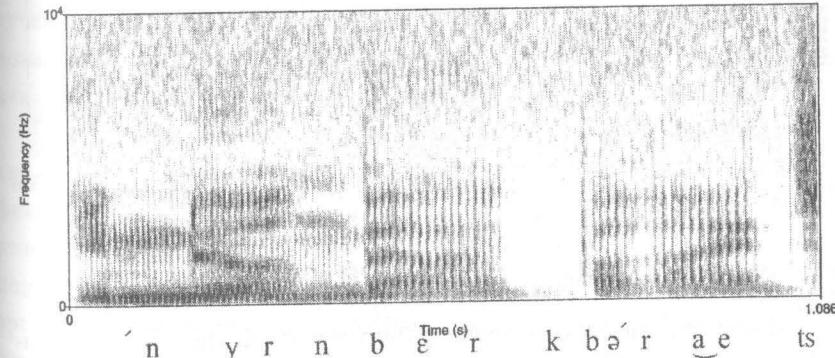

Рис. 17. Спектрограмма словосочетания *Nürnberg bereits*

Сокращение указанной длительности паузы внутри звукосочетания [tg] на стыке слов *Tod gerissen* приводит к реализации неаспирированного предстыкового плозива [t] при сохранении эксплозивной фазы с уровнем интенсивности взрыва 85-90 дБ и концентрацией энергии в области высоких частот (3000-5000 Гц), что является характерным для альвеолярного плозива (рис. 18). В целом взрыв будет ослабленным, так как количество выходящего при этом воздуха невелико, оно ограничено небольшим запасом, который содержится в пространстве между передней и задней смычкой [4, 229].

Сегментный анализ гетероорганных сочетаний плозивов на стыке слов показал, что реализация фаз эксплозии и аспирации предстыковых глухих плозивов в сочетании с последующим гетероорганным плозивом возможна только при наличии интерсегментной паузы длительностью более 80 мс. В случае сокращения длительности интерсегментной паузы до 40-65 мс возможна реализация неаспирированного плозива с достаточно структурированным взрывом, при этом уровень концентрации энергии эксплозивной фазы может смещаться в нетипичные для плозива частотные уровни.

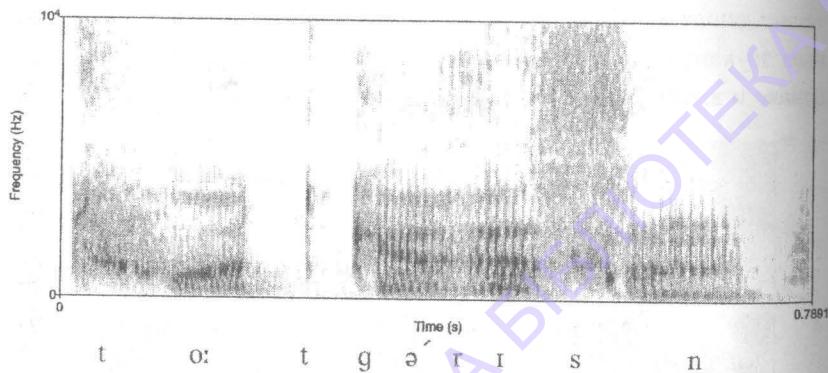

Рис. 18. Спектограмма словосочетания *Tod gerissen*

Последовательное сравнение средних значений длительности и интенсивности эксплозивной фазы предстыковых смычных звуков показало отсутствие существенных различий в зависимости от их положе-

ния в ударном слоге. Длительность эксплозивной фазы в акцентной позиции составляет 11,7 мс, в безударном слоге – 9,0 мс ($p > 0,3$). Средние показатели интенсивности взрыва в спектре в ударном слоге составляют 84,3 дБ, в безударной позиции – 82,1 дБ.

Также положение звукосочетаний на стыках слов внутри и на границах ФС является не существенным при определении их различий. Длительность эксплозивной фазы смычных предстыковых звуков на границах слов в рамках ФС составляет 11,2 мс, на стыках слов, образующих границы фонетических слов – 10,3 мс ($p > 0,2$). Средние показатели интенсивности эксплозивной фазы в спектре составляют 84,6 дБ, если звукосочетание находится на стыке слов *внутри* ФС, 81,2 дБ для плозивов, являющихся *пограничными на стыке* ФС ($p > 0,2$).

Несущественными являются различия по показателям средних величин длительности интерсегментных пауз и эксплозивной фазы глухих предстыковых плозивов в зависимости от гендерного фактора. В целом, средние показатели длительности пауз являются различными и составляют у женщин 60,2 мс и у мужчин 54,2 мс, но эти различия не являются статистически значимыми ($p > 0,1$). Средние значения длительности эксплозивной фазы в реализации дикторов-женщин составляют 10,35 мс, дикторов-мужчин – 10,15 мс ($p > 0,7$).

Сравнение средних показателей интенсивности эксплозивной фазы у женских и мужских голосов так же показало несущественность полученных различий ($p > 0,2$). Средние значения интенсивности эксплозивной фазы для женских голосов составляют 59,2 дБ, для мужских – 61,3 дБ.

В результате исследования эксплозивной фазы предстыковых глухих смычных звуков были определены причины, вызывающие модификации данного сегмента плозивов. Прежде всего, это высокий уровень антиципирующей коартикуляции, возникающий только при определенной последовательности звуков на границах слов, где артикуляторные жесты последующего звука доминируют над артикуляторными жестами предыдущего. Эти изменения обнаружены как в сочетаниях звуков, сходных по способу образования, но отличающихся

ся по месту артикуляции, так и в сочетаниях звуков, различных по способу образования. В гетероорганных сочетаниях плозивов будет доминировать билабиальная смычка над велярной и альвеолярной, если билабиальный звук будет находиться в застыковой позиции. В сочетаниях с фрикативными звуками, в той же последовательности будет преобладать влияние застыкового щелевого звука, поскольку он обладает большими энергетическими характеристиками.

Нереализация эксплозивной фазы связана также с ослаблением напряженности смыкательного жеста, о чем свидетельствуют результаты полученной корреляции между значениями интенсивности фазы смычки и взрыва. Результатом ослабления смыкательного жеста является спирантизация смычных взрывных плозивов. Смещение характерных для каждого из видов плозивов зон концентрации энергии взрыва также является следствием сильных коартикуляторных процессов, возникающих в слитной речи при связывании слов в единое высказывание. Сохранение структуры отдельных сегментов звуков, в частности предстыковых глухих плозивов возможно только при наличии длительных интерсегментных пауз, хотя и это условие не может быть однозначным, поскольку взаимовлияние звуков в слитном произнесении не прекращается в полной мере даже при этом условии.

Столь точное исследование такого микросегмента как эксплозивная фаза немецких смычных взрывных согласных стало возможным благодаря применению современных программных пакетов обработки речи, которые, несомненно, будут использоваться и в дальнейших инструментальных исследованиях речи, связанных, прежде всего, с просодическим анализом более крупных единиц, таких как сверхфразовое единство, текст.

Литература

1. Анерт В., Райхардт В. Основы техники звукоусиления. – М.: Радио и связь, 1984. – 320 с.
2. Гоноровский И.С. Радио-технические цепи и сигналы. – М.: Советское радио, 1967. – 439 с.

3. Дукельский Н.И. Принципы сегментации речевого потока. – М. – Л.: Изд-во АН СССР (Ленинградское отделение), 1962. – 138 с.
4. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. – М.: Высшая школа, 1979. – 312 с.
5. Зиндер Л.Р. Фонема и восприятие // Proc. of the 6th Int. Congr. Phon Sci. (Prague, 7-13 Sept., 1967) – Prague, 1970. – Р. 1070-1073.
6. Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Трунин-Донской В.Н. Общая и прикладная фонетика. М.: Изд-во МГУ, 1986. – 304 с.
7. Петлюченко Н.В. Реализация консонантных сочетаний на стыке лексических единиц (инструментально-фонетическое исследование на материале речи дикторов радио и телевидения Германии): Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1999. – 230 с.
8. Потапова Р.К. Просодические характеристики макросегментации слитной речи // Экспериментальная фонетика. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 125-146.
9. Потапова Р.К. Слоговая фонетика германских языков. – М.: Высшая школа, 1986. – 144 с.
10. Потапова Р.К., Гордеева Т.А. К вопросу о пограничных сигналах в современном немецком языке // Вопросы языкоznания. – М., 1998. – № 2. – С. 118-128.
11. Применение цифровой обработки сигналов. / Под. ред. Э.Оппенгейма. – М.: Мир, 1980. – 552 с.
12. Реформатский А.А. Введение в языкovedение. / Под ред. В.А. Виноградова. – М., 1998. – 536 с.
13. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
14. Boersma P. Praat, a system for doing phonetics by computer. – <http://fonsg3.let.uva.nl/>.
15. Fowler C., Saltzman E. Coordination and coarticulation in speech production // Language and Speech 36, 1993. – Р. 171-195.
16. Giovanardi M., Di Benedetto M. G. Acoustic analysis of singleton and geminate fricatives in Italian // The European Student Journal of

17. Koenig, W., Dunn, H.K., Lacy, L.Y. The sound spectrograph // JASA. – 1946. – Vol. 18. – P.19-49.
18. Kohler K. Einführung in die Phonetik des Deutschen. – Berlin: Erich Schmidt, 1977. – 251 S.
19. Machelett K., Tillmann H.G. Das Lesen von Sonogrammen. – München, 1996. <http://www.phonetik.uni-muenchen.de/SGL>.
20. Potter, R.K., Kopp, G.A., Green, H. Visible Speech. – New York, 1947.
21. Saltzman E., Munhall K. A dynamical approach to gestural patterning in speech production // Ecological Psychology 1, 1989. – P. 333-382.
22. Son – van R.J.J.H., Pols L.C.W. A comparison between the acoustics of vowel and consonant reduction // Proceedings Vol. 20. – Amsterdam: Institute for Phonetic Sciences, University of Amsterdam, 1996. – P.13-25.
23. Tillmann H.G., Schiel F. Akustische Phonetik. – München, 1998. – 233 S.
24. Wängler H. H. Grundriss einer Phonetik des Deutschen. – Marburg: N.G. Elwelt, 1983. – 256 S.

ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯДЕРНЫХ ЛЕКСЕМ ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ "FRIENDLINESS/HOSTILITY" В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В истории языкознания понятие **диахрония** неразрывно связано с понятием **синхронии** и с противопоставлением двух аспектов и двух подходов к анализу языка. Диахрония (от греч. *dia* – через, сквозь и *chrónos* – время) – историческое развитие языковой системы как предмет лингвистического исследования, исследование языка во времени, в процессе его развития на временной оси. Проблемы диахронии изучаются диахронической лингвистикой. Последняя иногда отождествлялась со сравнительно-историческим языкознанием, а с начала XX века с исторической фонетикой; позднее объектом ее исследования стали считать языковые изменения и установление причин этих изменений и времени их появления. Во 2-й половине XX века диахронический подход, в отличие от собственно исторического, связанного с периодизацией истории языка и описанием элементов его частных подсистем, направляется на изучение диахронических преобразований в системе языка и на определение их роли в перестройке системы; он ориентируется на восстановление основных закономерностей (универсалий, констант) развития языка как системы и включает поиски числа и типа закономерных переходов от одного состояния к другому, вырабатывая для этого свои методы.

Принадлежащий Ф. де Соссюру тезис об абсолютном противопоставлении двух принципов – синхронного и диахронного, принятый, в частности, Ш. Бали, затем отвергался большинством языковедов (например, представителями пражской лингвистической школы). Синхронный анализ легче осуществляется практически – в силу большей полноты фактических данных и их доступности; он проще подвергается проверке на достоверность, т.е. верификации. Однако диахронический подход помогает глубже понять и точнее объяснить, как сложилась определенная языковая система. Диахронические объяснения в связи с этим понимаются как способствующие познанию особенностей функционирования языка во времени [4, 136].

Многие лингвисты уделяют большое внимание изучению диахронии. Так, В.Г. Таранец в своей работе "Походження поняття числа і його мовної реалізації" отмечает: "Всебічне і глибоке вивчення мов привело до нагромадження великої кількості лінгвістичної інформації, що дозволяє суттєво усвідомити механізм функціонування мови, історію її зародження, а також реконструювати форми і значення слів великої діахронічної глибини" [8, 3].

В центре нашего исследования находится функционально-семантическое поле (ФСП) "*friendliness/hostility*", т.е. "дружелюбие/враждебность". Для более глубокого понимания семантического своеобразия этого феномена следует начать его изучение с описания этимологии двух ядерных лексем *friendliness* и *hostility*. Как известно, "Этимология (от греч. *éyūton* – истина, истинное значение и ... "логия") – раздел языкоznания, занимающийся изучением первоначальной словообразовательной структуры слова и выявлением элементов его значения" [7, 1568], следовательно, именно этимологическое описание ядерных составляющих ФСП служит надежным стартовым этапом изучения того, как зародилось и развивалось данное функционально-семантическое поле в целом.

Наше исследование основывается на данных толковых и этимологических словарей, а также теоретических источников по истории английского языка.

Современное английское существительное *friend* "друг" – это слово германского происхождения, которое первоначально в древнеанг-

лийском языке имело форму *frēond*. Оно произошло от слабого глагола *frēon* "любить" при помощи суффикса *-end*, который служил для образования существительных, обозначающих действующее лицо (*agent nouns*). Этот суффикс связан с суффиксом *-ende* причастия настоящего времени. Поэтому слово *freond* имело значение "любящий", "друг" [2, 75].

Как известно, в морфологии существительных в древнеанглийском языке различаются категории рода, числа и падежа. Имя существительное имело 4 падежа: именительный (*Nominative*), винительный (*Accusative*), дательный (*Dative*), родительный (*Genitive*); 2 числа: единственное (*singular*) и множественное (*plural*), и 3 рода: мужской (*masculine*), женский (*feminine*) и средний (*neuter*). Перечисленные выше категории в древнеанглийском языке выражались с помощью окончаний, т. е. флексивно [6, 213-216].

Парадигмы склонения подразделялись по принципу различия основ. Обычно различаются основы на *-o*, *-ā*, *-i*, *-u*, *-n*, *-r*, *-s*, *-nt* и корневые основы. В некоторых трудах по английской филологии даются несколько иные названия основ, не общеиндоевропейские, а германские. При этом основы на *-o*, *-ā*, *-nt* выделяются соответственно, как основы на *-a*, *-ō*, *-nd* [6, 217].

Древнеанглийское слово *frēond* – существительное мужского рода с основой на *-nt* или *-nd*. Его парадигма склонения в древнеанглийском имела следующий вид:

	Masculine	
	Singular	Plural
Nominative	<i>frēond</i>	<i>frīend</i>
Accusative	<i>frēond</i>	<i>frīend</i>
Dative	<i>frīend</i>	<i>frēondum</i>
Genitive	<i>frēondes</i>	<i>frēonda</i>

[10, xcix]

Существительное *frēond* имело ряд производных, образованных при помощи словообразовательных суффиксов.

Некоторые самостоятельные слова в древнеанглийском языке со временем превращались в словообразовательные суффиксы. Так, на-

пример, существительное *lic* "тело", – генетически тождественно древнеанглийскому суффиксу *-lic*, образующий прилагательные от существительных: *frēond* "друг" – *frēondlic* "дружественный" [6, 161; 9, 144].

В свою очередь, прилагательные с суффиксом *-lic* образуют наречия на *-lice*, представлявшее собою первоначально сочетание двух суффиксов (*-lic+* *-e*), которое превратилось в единый словообразовательный суффикс наречия, например: *frēondlic* "дружественный" – *frēondlice* "дружественно" [2, 136; 9, 145].

Другим примером образования суффиксов из самостоятельного слова в результате словосложения может служить возникновение суффикса *-scipe*, который в древнеанглийском языке встречается в существительных с абстрактным значением: *frēondscipe* "дружба". Этот суффикс восходит к существительному *scipe* "положение", "состояние"; оно этимологически связано с глаголом *scieppan* "создавать" [6, 162; 2, 76; 9, 144].

Суффикс *-lēas* (из прилагательного *lēas* "лишенный") образует от существительных и глаголов прилагательные с отрицательным значением: *frēondlēas* "не имеющий друзей" [2, 77; 9, 145].

Древнеанглийское слово *frēond* и его производные можно представить в виде схемы (см. рис. 1).

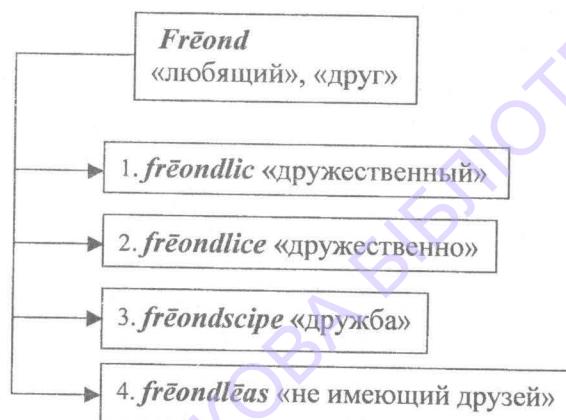

Рис. 1. Словообразовательное гнездо *friend* в древнеанглийском языке

Ниже представлены примеры из древнеанглийских источников со словом *frēond* и его производными.

Важнейшим и крайне ценным поэтическим памятником древнеанглийского периода является героическая поэма "Беовульф", написанная неизвестным автором в самом начале VIII века, в основном, на уэссекском диалекте [6, 31-32].

"Beowulf maðalode, bearne Ecgþeowes:

"Ne sorga, snotor gumal! Selre bið aeghwæm,
ræt hē his frēond wrece, fonne hē fela murne;.."

"Беовульф молвил, отрыск Эгтьеова:

– Не печалься, разумный муж! Лучше каждому,
чтобы он за своего друга отомстил, чем (он) много горевал бы..."

(«Беовульф», 1383. Цит. по: [6, 34])

Следующий пример взят из первых двух строчек предисловия, сделанного королем Альфредом (годы правления 871-900), к выполненному им самим переводу с латыни на уэссекский диалект послания Папы Григория I, *"Cura Pastoralis"* ("Обязанности пастыря"):

"Ælfred kuning hā teð grētan Werferð biscep his wordum luflīce ond
frēondloce;.."

"Король Альфред велит приветствовать Уэрферта епископа
своими словами любовно и дружественно;.."

(Цит. по: [2, 155-156]).

На протяжении трех периодов истории английского языка существительное *frēond* "друг" и его производные претерпели значительные изменения (см. рис. 2).

Слово *friend* возникло в результате аффиксального словообразования и, следовательно, было производным, но оно подверглось опрощению и в настоящее время имеет вид непроизводной основы, т.к. суффикс существительных, обозначающих действующее лицо *-end*, с течением времени потерял свою продуктивность [1, 80; 9, 319].

Периоды английского языка

древнеанглийский среднеанглийский новоанглийский

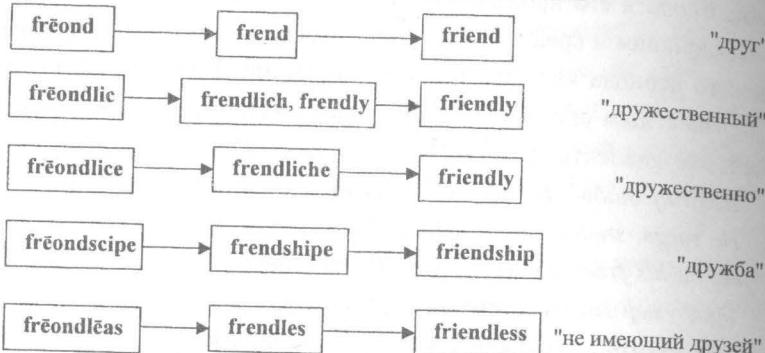

Рис. 2. Изменения словообразовательного гнезда *friend* в диахронии

Слияние двух разнотипных морфем (корневой *frēon* + суффиксальной *-end*) и образование в ходе исторического развития единой морфемы *friend* еще раз показывает, что уровневый статус языковых сущностей – это диахронически изменчивое явление. Это же наблюдаем при трансформации слова "*lēas*" в суффикс *-less*, слова "*scipe*" в суффикс *-ship*. Как видим, отдельное слово может превратиться в единицу низшего уровня морфему, отдельная морфема может вообще утратить свой уровневый статус, влившись в более крупную морфему на правах ее смыслового и формального компонента.

Перейдем к рассмотрению этимологии второго ядерного компонента ФСП "friendliness/hostility".

Английские слова *hostile* "враждебный" и *hostility* "враждебность" восходят к тому же этимологическому источнику, что и древнеанглийское слово *gæst*, – к латинскому слову *hostis* "враг".

Латинское слово *hostis* первоначально обозначало "пришелец, чужеземец, гость", позднее – "чужеземец-неприятель, враг".

Одним из самых существенных признаков германских языков является система согласных звуков, точнее, наличие первого перевоя согласных. Наряду с термином "первый перевой" для обозначе-

ния этого явления употребляется также термин "первое передвижение согласных".

Закономерности, изложенные в законе первого перевоя согласных (*Grimm's Law, the First or Proto-Germanic Consonant Shift*), установил знаменитый немецкий лингвист и собиратель народных сказок Яков Гримм во втором издании труда "Немецкая грамматика" в 1822 году. В этих закономерностях выражены регулярные соотношения между консонантизмом германских и консонантизмом других индоевропейских языков.

Сопоставляя слова германских языков с соответствующими словами других индоевропейских языков (в первую очередь – латинского, греческого, санскритского и русского), мы наблюдаем твердые соотношения.

Звуки		Примеры	
И.-е.	Герм.	И.-е.	Герм.
*g *gh	g	лат. <i>hostis</i> "враг" русск. гость	готск. <i>gasts</i> "гость" нем. <i>Gast</i>

Особую трудность представляет соответствие индоевропейского *gh* и германского *g*. В этом случае нет соответствующих слов в санскрите. Звонкий смычный придыхательный *gh* восстанавливается только на основании соответствия латинского *h* (*hostis*) и германского *g* (готск. *gasts*). Что касается смысловой связи между значениями "враг" и "гость", то она легко устанавливается из первоначального значения этого слова "чужеземец", из которого развились значения: 1) "враждебный чужеземец" – "враг", 2) "дружественный чужеземец" – "гость" [2,25-27].

Современное английское слово *guest* восходит к германской форме *gast-iz* (это произошло в 400 году по закону Я. Гримма). С.-англ. *gest* < д.-англ. *gæst*, *gest*, *gist*, *giest* "чужестранец, гость; враг". Однако значение "враг" в слове *gæst* в древнеанглийском языке долго не просуществовало. Оно стало передаваться заимствованным из

французского языка словом *enemity*. Так, английские слова *hostile* и *hostility*, будучи родственными словами английскому слову *guest* "гость", очень разошлись с ним в значениях [3, 117-118]. Этимология слов *hostile* и *hostility* представляет интересные наблюдения над тем, как эти слова прошли различные этапы семантического развития. Изучение и описание этого развития составит предмет нашего дальнейшего исследования.

Завершая нынешний этап изучения ФСП "friendliness/hostility", присоединяемся к меткому и выразительному наблюдению М.М.Маковского: "Язык – одно из самых удивительных и в то же время одно из самых загадочных явлений, бытующих в человеческом обществе. Люди говорят посредством слов, судьбы которых такие же сложные, удивительные и разнообразные, как и человеческие судьбы. Они немые свидетели человеческой истории и культуры. Развитие значений слов отражает человеческие нравы, обычаи, способы мышления. Да, язык не выдает своих тайн, но именно это "молчание" является настойчивым призывом разгадать то, что как бы незримо написано между строк языка, на котором мы говорим" [5, 5].

Литература

1. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 218 с.
2. Ильиш Б.А. История английского языка. – М.: Высшая школа, 1968. – 419 с.
3. Куштенко Л.Ю. Этимологический справочник учителя английского языка. – Киев: Рад. школа, 1987. – 229 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь /Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
5. Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. – М.: Высшая школа, 1989. – 199 с.
6. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1955. – 319 с.
7. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – 1600 с.
8. Таранець В.Г. Походження поняття числа і його мовної реалізації (до витоків іndoєвропейської прамови). – Одеса: Астрапrint, 1999. – 116 с.
9. Rastorguyeva T.A. A History of English. – M.: Высшая школа, 1983. – 347 с.
10. Sweet H. An Anglo-Saxon Reader in Prose and Verse with Grammar, Metre, Notes and Glossary. – Oxford, 1898. – 310 p.

ВАРИАТИВНОСТЬ ТОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СПОНТАННЫХ МОНОЛОГОВ ПЯТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ БРИТАНСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

Последние десятилетия характеризуется повышением интереса в отечественной и зарубежной лингвистике к социально-лингвистической проблематике, к изучению различных типов дифференциации в пределах одного языка и определению факторов, вызывающих подобную дифференциацию [1; 4; 8; 9].

В отечественном языкознании проблема "язык-общество" особенно бурно обсуждалась в конце 20-х - начале 30х годов в работах Р.О. Шор, Е.Д. Поливанова, Л.П. Якубинского, В.М. Жирмунского (которому, в частности, принадлежит термин "социальная диалектология"), В.В. Виноградова и других языковедов.

В начале 60-х годов в США возник большой интерес к изучению социологии языка, что привело к выделению социолингвистики как особого направления [5; 6; 7].

В Великобритании исследования социальной вариативности языка, основанные на элементах звуковой системы языка, проводятся последователями У.Лабова согласно его методике "полевой работы" с городским населением Нью-Йорка, что особенно характерно для работ П.Традгилла [8].

Как известно, любой национальный язык представляет собой совокупность различных форм языка. Это литературный язык, диалект, полудиалект, обиходно-разговорный язык. Как правило, базой для фор-

мирования национального литературного языка служит диалект крупного экономического и культурного центра страны, который противопоставляется другим диалектам и со временем осознается членами коллектива как образец по отношению к другим локальным формам речи [2, 164].

Подобным образом шло развитие литературного языка в Англии, где язык Лондона оказался противопоставлен как источник некой общенациональной нормы по отношению ко всем другим местным диалектам.

Специфика языковой ситуации на Британских островах заключается в том, что общенациональный произносительный стандарт *Received Pronunciation (RP)* имеет статус престижной нормы верхушки правящего класса. И несмотря на высказывания о некоторой демократизации RP, только 3% населения благодаря средствам массовой информации и образованию владеют этой нормой [6]. В обществе существуют социальные барьеры, разделяющие говорящих и практически непреодолимые для определенных классов; это прежде всего относится к рабочему классу Англии [8, 33]. Региональные различия тем сильнее проявляются в речи, чем ниже социальный уровень говорящих.

Традиционно схему социальной вариативности английского языка изображают в виде пирамиды, на вершине которой находится общенациональный произносительный стандарт *RP*, ниже расположены региональные стандарты, например шотландский или северо-ирландский, а широкое основание пирамиды соответствует большому количеству местных сельских и городских диалектов. При этом если диалекты сельских жителей, сохраняющие архаичные черты среднеанглийского периода и артикуляционные навыки кельтского населения, постепенно отмирают под влиянием средств коммуникации и образования, то городские диалекты рабочего класса, напротив, вследствие урбанизации и усиления классовых различий, проявляют тенденцию к увеличению расхождений по отношению к *RP* [4, 13].

Диалект рассматривается Т.И.Шевченко как вариант языка, который обслуживает, в основном, сферу обиходно-разговорной речи, в то

время как нормализованное литературное произношение является обязательным для всех речевых ситуаций официального характера [3, 227].

Многочисленные эксперименты английских социолингвистов свидетельствуют о том, что люди, говорящие на *RP*, получают высокую оценку окружающих с точки зрения их компетенции, интеллекта, принадлежности к определенному социальному классу, в то время как говорящие на диалекте нередко наделяются чисто человеческими достоинствами – честностью и искренностью [3, 226]. Региональный акцент идентифицирует этническую и национальную принадлежность говорящего, демонстрирует солидарность с определенным классом или группой людей. По мнению некоторых социолингвистов, низкопrestижные типы произношения упорно сохраняются потому, что с ними ассоциируются не только признаки групповой солидарности, но и определенные качества мужского характера – силы, твердости, грубости [1].

Представленная градация различных типов произношения по шкале социальной оценки в реальной речевой деятельности индивидуумов не всегда разделена жесткими границами, подобно тому, как и переход от одного географически обусловленного типа произношения к другому есть не что иное, как постоянный континuum. Установлено, что в языковых коллективах существует практика перехода от одного типа произношения к другому, так называемая "смена кода", в зависимости от степени официальности речевой ситуации, от социального статуса собеседника, темы разговора, обстановки и т. д. [3, 227].

Способность говорящего переходить от одного типа произношения к другому и, в первую очередь, от обиходно-разговорного к литературному, безусловно, связана с образовательным уровнем говорящего, традициями семейного или социально-группового говорения, то есть социальными факторами.

Итак, языковая ситуация на Британских островах характеризуется противопоставлением высокопрестижной, не связанной территориально ни с каким районом (только исторически – с юго-востоком), выполняющей самые важные социальные функции орфоэпической нормы произношения, с одной стороны, и сложной системы социально-тер-

риториальных типов произношения, включающих региональные стандарты типа шотландского, северо-ирландского, имеющих ограниченные социально-коммуникативные функции, с другой. Тип произношения, таким образом, является показателем социально-территориальной, социально-классовой и социально-групповой, а также функционально-стилистической дифференциации [4, 18].

Целью данной статьи является исследование региональных интонационных характеристик эдинбургского, дублинского, западно-мидлендского, южно-уэльского, дейвонского типов произношения и их проявления в таком виде речевой деятельности как спонтанный монолог. Мы стремились к тому, чтобы на основании изучения индивидуальных особенностей дикторов, представляющих разные регионы, обнаружить прежде всего общерегиональные черты, объединяющие все региональные типы произношения и специфические черты, присущие только отдельным регионам.

Материалом для анализа послужили записи спонтанных монологов на бытовую тематику, произведенные в Лаборатории экспериментальной фонетики Одесского Национального Университета (ЛЭФ ОНУ), общий объем звучания около 30 мин, возраст дикторов средний, все голоса мужские. Дикторы являются уроженцами Западного Мидленда, Дейвона, Южного Уэльса, Эдинбурга, Дублина и относятся к единой социальной группе – рабочие.

Электроакустическому анализу подвергались следующие частотные характеристики: 1) максимальные и минимальные значения частоты основного тона (ЧОТ) структурных элементов фраз, составляющих текст; 2) средняя ЧОТ, которая в нашем материале устанавливается на уровне безударных слогов начала контура; 3) частотный интервал (отн. ед.) 1-го ударного слога, ядра и заядерного слога, вычисляемый следующим отношением: fo_{\max} / fo_{\min} слога; 4) частотный диапазон фразы (отн. ед.), являющийся отношением максимального значения ЧОТ фразы к ее минимальному значению.

На основании функционального анализа дискретных значений ЧОТ структурных элементов фраз в пределах каждой фразы (2 измерения

ЧОТ в начале безударного слога, 7 в корпусе, 4 в ядре, 2 в ядерных слогах) получены данные о следующих частотных характеристиках: 1) частотность терминальных тонов; 2) характер движения тона.

Электроакустический анализ вышеуказанных параметров показал наличие определенных различий между значениями частотных характеристик в различных региональных типах произношения (табл.1).

Таблица 1

Среднеарифметические значения частоты основного тона структурных элементов фраз в составе текста в различных региональных типах произношения (Гц)

Регион	Позиционные условия фразы в тексте	Уровень средней чот	Первые ударные слоги		Ядерные слоги	
			Макс	Мин	Макс	Мин
Зап. Мидленд	нач	140	175	120	150	105
	кон	125	170	110	125	100
Дейвон	нач.	120	150	95	85	70
	кон.	100	170	110	140	125
Юж. Уэльс	нач.	100	100	60	85	70
	кон.	110	120	80	120	90
Эдинбург	нач.	110	160	95	125	120
	кон.	100	160	80	95	80
Дублин	нач.	110	120	80	95	90
	кон.	100	125	90	125	115

Показатель пиковой ЧОТ первых ударных и ядерных слогов мидлендского типа произношения значительно превышает ЧОТ структурных элементов фраз всех остальных исследуемых типов произношения. Эдинбургский и дейвонский типы произношения отличаются несколько меньшими значениями пиковой ЧОТ 1-го ударного и ядерного слогов по сравнению с мидлендским типом. Наименьший показатель пиковой ЧОТ первых ударных и ядерных слогов зарегистрирован в начальных фразах в южно-уэльском и дублинском типах произношения. Самые высокие показатели пиковой ЧОТ ядерных слогов зарегистрированы в мидлендском и дейвонском типах произношения. Самые низкие показатели пиковой ЧОТ ядерных слогов отмечены в на-

чальных фразах дейвонского и южно-уэльского типах произношения. Мидлендский и эдинбургский типы произношения характеризуются высокими показателями пиковой ЧОТ 1-го ударного и ядерных слогов в начальных фразах. Южно-уэльский и дублинский типы произношения очень близки по своим показателям, почти одинаковы.

Анализируя все вышеперечисленные данные следует отметить, что несмотря на индивидуальные различия голосов все дикторы говорят в диапазоне, который вдвое меньше, чем максимально реализуемый в данном тексте диапазон ЧОТ. Отмечается общерегиональное явление уменьшения диапазона, однако направление сужения диапазона не однодirectionalno у всех говорящих: несмотря на то, что, как правило, у всех сужаются и нижняя, и верхняя части диапазона, в большинстве региональных типов сильнее сокращается верхняя часть диапазона. Тем самым средняя линия как бы смещается кверху относительно середины, что и является типичной региональной чертой.

Таблица 2

Среднеарифметические значения частотного интервала структурных элементов фраз в составе текста различных региональных типов произношения (отн.ед.)

Регион	Позиционные условия фразы в тексте	Первые ударные слоги	Ядерные слоги
Зап. Мидленд	Нач	1,458	1,428
	Кон	1,545	1,25
Дейвон	Нач.	1,578	1,214
	Кон.	1,545	1,12
Юж. Уэльс	Нач.	1,667	1,214
	Кон.	1,5	1,333
Эдинбург	Нач.	1,684	1,041
	Кон.	2,00	1,187
Дублин	Нач.	1,5	1,056
	Кон.	1,389	1,136

Анализируя среднеарифметические значения частотного интервала в различных позиционных условиях различных региональных типов произношения (табл.2), следует отметить, что во всех региональ-

ных типах произношения значения частотного интервала 1-го ударного слога значительно превышают значения ядерных слогов. Особо ярко данное различие проступает в значениях частотного интервала 1-го ударного и ядерных слогов в эдинбургском типе произношения. Самые высокие значения частотного интервала 1-го ударного слога зарегистрированы в южно-уэльском типе произношения в начальных фразах и в эдинбургском в конечных фразах. Самые низкие значения частотного интервала ядерных слогов отмечены в дейвонском типе произношения в конечных фразах и дублинском и эдинбургском в начальных фразах.

Основное место в дифференциации различных типов произношения занимают особенности их тональной организации - разновидности тональных контуров и их частотность в различных региональных типах произношения (табл.3).

Таблица 3
Частотность тональных контуров фраз различных
региональных типов произношения (%)

Регионы	Тональные контуры завершения										
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7	№ 8	№ 9	№ 10	№ 11
	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----
Западный мидленд		14	27		18			27	14		
Дейвон	30	30				20				20	
Южный уэльс	25	12,5	25	12,5				12,5			12,5
Эдинбург	32	32			18		18				
Дублин	35			35				15		15	

Анализируя частотность тональных контуров фраз различных региональных типов произношения, мы находим подтверждение общепринятого факта: нисходящее движение ЧОТ является одним из самых характерных. Действительно, нисходящий тон зафиксирован во всех типах произношения, его частотность колеблется от 12,5% (южно-уэльский тип), до 35% (дублинский тип). Для мидлендского типа произношения характерно наличие среднего нисходящего (№ 2, 14%), высокого нисходящего (№ 3 27%), восходящего (№ 5, 18%), нисходя-

щего-восходящего (№ 8, 27%) и среднего восходящего (№ 9, 14%) тонов. Дейвонский тип произношения характеризуется наличием низкого нисходящего (№ 1, 30%), среднего нисходящего (№ 2, 30%), высокого восходящего (№ 6, 20%) и восходящего-нисходящего (№ 10, 20%) тонов.

Для Южного Уэльса характерно наличие низкого нисходящего (№ 1, 25%), среднего нисходящего (№ 2, 12,5 %), высокого нисходящего (№ 3, 25%), низкого восходящего (№ 4, 12,5%), нисходящего-восходящего (№ 8, 12,5%) и восходящего-нисходящего (№ 11, 12,5%) тонов. Эдинбургский тип произношения характеризуется низким нисходящим (№ 1, 32%), средним нисходящим (№ 2, 32%), восходящим (№ 5, 18%) и ровным (№ 7, 18%) тонами. Для дублинского типа характерно наличие низкого нисходящего (№ 1, 35%), низкого восходящего (№ 4, 35%), нисходящего-восходящего (№ 8, 15%) и восходящего-нисходящего (№ 10, 15%) тонов.

Региональная вариативность интонации реально существует, что подтверждается результатами интонографического анализа, который позволил сделать следующие выводы:

- 1) общерегиональной характеристикой следует считать более сглаженный пологий характер всех тонов, что является следствием сужения диапазона синтагмы в целом и что является типологической чертой всех региональных типов произношения;
- 2) региональными характеристиками в мелодике являются ограниченность инвентаря тонов, повышение частотности восходящих и восходящего-нисходящих тонов.

Литература

1. Скопинцева Т.С. Территориальная вариативность английской интонации на Британских островах (экспериментально-фонетическое исследование на материале девяти территориальных типов британского произношения английского языка): Дис...канд.филол.наук. – М., 1995.

2. Скуланова Г.М. Региональная вариативность интонации английского языка в Шотландии //Фонология текста / Сб. научных трудов МГПИИ им. М. Тореза. – М., 1984. – Вып.239. – С.164 -188.
3. Шевченко Т.И. О месте интонации в социолингвистических исследованиях английского языка в Великобритании // Функциональная просодия текста / Сб. научных трудов МГПИИ им. М. Тореза. – М., 1982. – Вып. 201. – С. 225-237.
4. Шевченко Т.И. Социальная дифференциация английского произношения. – М.: ВШ, 1990.
5. Gumperz J.J. Language in Social groups: Essays. – Stanford, California: Stanford University Press, 1971.
6. Hughes A and Trudgill P. English Accents and Dialects. An introduction to Social and Regional Varieties of British English, 3d ed. – Arnold, 1996.
7. Labov W. The Social Stratification of English in New York City. – Washington, D.C.: Center for Applied Linguistics, 1966.
8. Trudgill P. The Social Differentiation of English in Norwich. – Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
9. Wells J.C. Accents of English. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982.– Vol.2: The British Isles.

ДІАХРОНІЧНИЙ ОГЛЯД ТЕОРІЇ ДЕЙКСИСА

Сучасна лінгвістична наука намагається вийти за межі традиційного, супо формального вивчення та дослідження мови. Все більше уваги приділяється зв'язкам мовних елементів різних семантико-функціональних полів. Розглядається їх роль в процесі функціонування мови в межах окремого висловлювання, а також як елемента текстової єдності. Зацікавленість сучасних дослідників в цих питаннях, зокрема, відмічає В.Г.Гак: "Мовознавство все детальніше вивчає використання мовних фактів та структур в практиці людського спілкування, в умовах їх функціонування. Звідси зацікавленість щодо вивчення мовних явищ в реальних актах комунікації, в мовленні, в текстах.., прагнення дослідити мову в її конкретній реалізації" [3, 5].

Зростаюча увага до комунікативного аспекту мови стимулювала активний науковий інтерес до дейксису як прагматичного комунікативно-семантичного явища. Дейксис як засіб мовної номінації розглядається в багатьох дослідженнях, тому що слова, які містять дейктичне відображення і позначення дійсності, складають різноманітну та цікаву, з точки зору семантики, групу слів які беруть значну участь в здійсненні процесу комунікації.

Дейксис – це універсальна мовна категорія, яка розглядається в системі трьох координат: особи, часу та простору. Термін "дейксис", з грецької "вказівка", використовувався ще античними граматистами (Аристотелем, Діонісієм Фракійським та ін.) відносно вказівних займенників. Вважалося, що вони відрізняються від іменників тим, що не відображають ніяких властивостей предметів, а лише вказують на них.

В сучасній лінгвістиці термін "дейксис" був уведений К.Бюлером в 30-х роках ХХ століття. В роботі "Теорія мови" [8], що стала класичною, було фундаментально досліджено природу дейксиса, а також були розроблені й представлені основні теоретичні проблеми дейксису.

К. Бюлер виділяє в мові три типи вказівки: "на видиме", тобто "наочний дейксис", "на уявне", тобто "мисленнєвий дейксис" та "анафоричну вказівку" [8, 80, 121-124]. В основі такого розмежування типів дейксиса полягає різна ступінь участі уявлення мовця в означуванні об'єктів мовлення. Вказівка "на видиме" передбачає безпосередню присутність об'єкта в мовленнєвій ситуації. Вказівка "на уявне" вказує на певний предмет, явище, подію, що відсутні в безпосередній мовленнєвій ситуації і лише описуються мовцем. Під анафоричною вказівкою в межах цілого мовленнєвого висловлювання розуміється експлікація відношення його окремих частин.

Згідно з основними параметрами мовленнєвого акта К. Бюлер пропонує три основні типи дейктичних категорій: особовий дейксис ("я" – "ти"), часовий дейксис ("зараз" – "тоді") та просторовий дейксис ("тут" – "там"). Він доводить, що дейксис – це універсальне мовне явище, тому що основні компоненти мовленнєвої ситуації (мовець, слухач, час та місце), на які вказує дейксис, є необхідними для здійснення комунікації будь-якою мовою. Вживання дейктичних слів є можливим передусім в усному мовленні, тобто в ситуації безпосереднього спілкування. А, що до вживання дейксиса в опосередкованому спілкуванні, в письмовій формі мовлення, то в межах теорії К. Бюлера, питання залишається відкритим.

Для подальшого огляду історії дослідження дейксиса, звернемось до лінгвістичної теорії, що запропонував Р.О.Якобсон. Він розглядає відбиття мовленнєвого акта та основних його компонентів в системі граматичних категорій мови, користуючись при цьому термінологією точних наук. Термінопоняття "код" означає засіб представлення інформації в формі, що необхідна для передачі по каналах зв'язку, "повідомлення", трактується як послідовність сигналів коду. При цьому уводиться і детально розробляється поняття "шифтера". Під шифтерами Р.О. Якобсон

розуміє дейктичні мовні елементи, тобто такі елементи мовного коду, які будучи ужиті у повідомленні, відправляють слухача до відповідного повідомлення. Типовими шифтерами вважаються особові займенники. За даною теорією до шифтерів також відносяться граматичні категорії особи й відміни, значення яких містять посилання на учасників повідомлення, та граматична категорія часу, значення якої також містить посилання на повідомлення [7, 95-113].

Розглянемо трактовку дейксиса в теорії Е. Бенвеніста. В своїй роботі "Людина в мові" [2, 259-320] вченій досліджує дейксис через проблему суб'єктивності в мові. Суб'єктивність в першу чергу реалізується за допомогою особових займенників. За Е.Бенвеністом, вона є можливістю мовця представляти себе в якості "суб'єкта". "Я" – це індивід, який виконує даний мовленнєвий акт, що містить акт виробництва мовної форми *я* (...); *ти* - індивід, до якого звертаються в даному мовленнєвому акті, що містить акт виробництва мовної форми *ти*" [2, 287]. Ця постійна й обов'язкова референція на акт мовлення і є особливістю, що поєднує з *я/ти* групу інших "вказівок" – займенників, прислівників, прислівникових виразів та ін. Цій теорії притаманне вузьке розуміння значення дейксису, в її межах особові займенники є передусім базою для виразу суб'єктивності в мові, а суто дейктичними називаються лише вказівні займенники, які поряд з прислівниками та притаманниками організують просторові та часові відношення навколо "суб'єкта", що береться за орієнтир: *це, тут, зараз та їх кореляти – те, там, тоді, вчора, минулого року*, та ін. Всі вони мають одну спільну рису, а саме, знаходяться в залежності від *Я*, що висловлює себе в даному акті мовлення [2, 296].

Порівнюючи теорії К. Бюлера та Е. Бенвеніста, бачимо, що жодна не розглядає реалізацію дейксиса в письмовому тексті.

Знайомлячись з теоретичними дослідженнями Дж. Лайонза, відмічаємо, що в них дейктичними визнаються більш чисельні мовні явища, а саме: система особових займенників, система вказівних займенників та прислівників, форми ввічливості та час дієслів. Науковець описує співвідношення дейксиса та анафори, "текстовий дейксис", десь описує співвідношення дейксиса та анафори, "текстовий дейксис", десь

ктичні компоненти в семантиці виразів, що позначають час та простір. Слід зазначити, що саме Дж. Лайонз запропонував визначення дейксиса, що найчастіше вживається в сучасній лінгвістичній літературі: "Під дейксисом розуміється локація та ідентифікація осіб, предметів, явищ, процесів та дій, про які говорять або на які посилаються, відносно просторово-часового контексту, що створюється та підтримується актом висловлювання та участю в ньому, як правило, одного мовця та хоча б одного адресата" [9, 637].

Ч. Філлмор в "Лекціях по дейксису" також пропонує своє визначення дейксиса та його класифікацію. Під дейктиками він розуміє "лектичні та граматичні одиниці, які інтерпретуються лише в тому випадку, якщо речення, що містять їх, сприймаються як заціплені за певний соціальний контекст, який визначається так, щоб ідентифікувати учасників акта комунікації, їх локацію в просторі та час здійснення цього акта комунікації" [10, 59]. Отже, автор акцентує важливість контексту, знання ситуації.

Класифікація дейксиса Ч. Філлмора аналогічна класифікації К. Бюлера, оскільки в ній також розрізняється три види вживання дейктичних елементів, а саме: "жестове", "символічне", та "анафоричне" [10, 62-63]. Нагадаємо, у К.Бюлера це триада наочної, мисленнєвої та анафоричної вказівок. Перший вид уживання дейктичних елементів передбачає повну інтерпретацію лише за умовою, що мовець фізично вказує на певний об'єкт або місце в комунікативній ситуації. Подібне визначення спостерігаємо також у Ш. Баллі, який називає дейктичні одиниці звуковими жестами, що слугують для підтримки мімічних жестів [1, 96]. Під "символічним" дейксисом Ч. Філлмор має на увазі вказівку на такі елементи мовленнєвої ситуації, які можуть не знаходитись в полі зору, (на приклад, *there* в розмові по телефону). І нарешті, "анафоричне" вживання може бути вірно інтерпретовано, якщо відома інша частина дискурсу, з якою саме і співвідноситься дейктичний елемент. Автор демонструє вживання всіх трьох видів на прикладі прислівника *there*.

Наочним аналогом різниці між дейктичним та не-дейктичним по-значенням референту може бути (запропонована Ч. Філлмором) різниця

між зображенням об'єкту на фотокартці та у скульптурі. Він порівнює дейктичну мовну одиницю з фотокарткою, а не-дейктичну – зі скульптурою, тому що "скульптура не фіксує точки зору спостерігача, а фотокартка фіксує" [10, 28], вказуючи на місцеположення останнього під час огляду. Ми розуміємо цю аналогію наступним чином: при дейктичній ідентифікації референту адресат не в змозі змінити запропоновану йому адресантну точку зору на об'єкт зображення. Адресантне "там" і "тоді", що відбиває просторову позицію спостерігача і час спостерігання, не може бути інтерпретоване адресатом-читачем як "тут" і "тепер", або ж навпаки, адресантне "тепер" неможливо замінити адресатним "тоді". Умовно кажучи, адресат не може підійти до об'єкту спостереження і відображення ближче, чи обійти його навкруги, бо "фотокартка" обмежує його свободу сприйняття та інтерпретації об'єкту завдяки жорстко фікованій позиції "фотографа", тобто мовця, який використовує дейктичний засіб.

Водночас недейктичний засіб відображення об'єкту залишається нейтральним щодо положення мовця у часі і просторі. Користуючись аналогією Ч. Філлмора, адресант певною мірою вільний вирішувати самостійно з якого боку і з якої дистанції йому слід сприймати зображеній адресатом об'єкт.

Місце дейксиса в лексико-семантичній системі мови розглядається також Г.А. Уфімцевою [5, 164-199]. Дейктичними вона вважає знаки, що не називають осіб, предмети, а виділяють та диференціюють факти, явища, предмети та особи відносно координат акту мовлення [5, 166]. Авторка розрізняє три типи вказівки:

1) систему засобів суб'єктивної вказівки (орієнтація здійснюється відносно основних координат мовленнєвого акта). Ця група об'єднує власно дейктичні засоби: особові та вказівні займенники, присвійні займенники (частково), займенникові прислівники часу та місця (*я*, *ти*, *його*, *їх*, *тут*, *там*, *зарaz*, *цей* та ін.). Ці слова характеризуються найвищим ступенем дейктичності;

2) систему засобів об'єктивної вказівки, до складу якої входять прислівники часу, місця, просторової локації, дієслова переміщення, рух,

прийменники, післялоги, що виражають поняття співвідношення (*нагорі, внизу, позаду, попереду, справа, зліва, близько, далеко, входити, виходити* та ін.). Такі слова, що включають в своє лексичне значення дейктичний компонент поряд з називним, відносяться Г.А.Уфімцевою до полудейктичних одиниць;

3) систему засобів відносної "внутрішньоструктурної вказівки". Внутрішньоструктурна вказівка (анафорична, епіфорична, корелятивна та ін.) – це вказівка на позицію частини відносно цілого, а саме, позначення за допомогою слів порядку слідування одиниць, місця їх зв'язків (фраз – в речення, членів – в словосполучення та ін.). Важливим є не стільки вказівка на взаємоположення самих предметів у реальній дійності, скільки характеристика їх передусім як предметів думки у конкретній мовленнєвій ситуації. Ця група поєднує відносні, вказівні займенники в їх анафоричній функції, питальні прислівники, сполучники.

Г.А. Шамова запропонувала розглядати дейксис у широкому та вузькому значеннях. У вузькому значенні – це точка відліку, відносно якої характеризується дія, у широкому – вказівка на місце, особу або час дії, явища, процесу в акті мовлення за участю одного мовця і хоча б одного слухача [6, 10-12]. Слід зазначити, що під точкою відліку деякі науковці розуміють лише особу мовця (Кірвалідзе, Крилов, Яковleva), в той час як інші розглядають її як взаємодію деяких суб'єктів, а саме: мовця, спостерігача та діяча. Така неоднозначність сприяла введенню в лінгвістику допоміжних суміжних понять: "egoцентричність" та "індексальність" [4, 42].

Підсумовуючи сказане, можна зазначити, що дейксис як мовна категорія виражає вказівку на особу, час, місцезнаходження, напрямок руху предмета, явища та ін., що ідентифікується і визначається відносно умовно обраної точки відліку. Дейксис – це універсальна мовна категорія, яка представляє відповідні поняття особи (*я, ти*), часу (*теперішній, минулий, майбутній* та ін.), простору (*тут-там, вперед-назад, зліва-справа, далеко-близько* та ін.). Дейктикам притаманне варіювання, змінювання конкретного референційного значення. Вони

характеризуються комплексом спільних семантичних особливостей, як, наприклад, відносність значення, ситуативність (змістова залежність від ситуації мовлення), індивідуальність і, навпаки, узагальненість. Дейктичні засоби постійно співвідносяться з особою мовця, часом і місцем породження мовлення, в той час як недейктичні засоби для адекватної інтерпретації не вимагають певної точки відліку і надають адресатові йому свободи вибору інтерпретаційних дій, щодо позначення простору або часу.

З XIX століття по теперішній час категорія дейксиса розглядалася та досліджувалася багатьма науковцями. Цікаво зазначити, що спочатку вживання дейктиків пов'язували головним чином з усним діалогом, конкретною ситуацією спілкування, і менше уваги приділяли вивченю ролі дейксиса в монологічному, опосередкованому мовленні, а саме, в тексті. В сучасному мовознавстві розробляються переважно такі аспекти дослідження дейксису, як прагматичний, психолінгвістичний, структурно-семантичний, контрастивний і логіко-референційний.

Література

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языкознания. – М.: Иностранная литература, 1955. – 230 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – 175 с.
4. Орленко О.В. Авторизация художественного текста (на материале британской прозы XVIII-XXв.): Дис. ...канд. фил. наук: – 10.02.04. – Одесса, 1995. – 127 с.
5. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974. – 206 с.
6. Шамова Г.А. К типологии функционирования дейктических средств: Автoref. дис. ...канд. фил. наук.: 10.02.19. – Пермь, 1992. – 18 с.

7. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95-113.
8. Bühler K. Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache – Jena: Fischer, 1934. – XVI. – 434 S.
9. Lyons J. Semantics. – Cambridge; N.-Y.; Melbourne: Cambridge University Press. 1977. – Vol. I, II.
10. Fillmore Ch. J. Lectures on Deixis. – Stanford, California, 1997. – 145 p.

E.A. Рулёва

СТРАТЕГИИ СОЗДАНИЯ ДЕТСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, ГРЕЧЕСКОМ, УКРАИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Являясь важнейшим источником наблюдений над природой человеческого языка и ходом развития речи в онтогенезе, речевая креативная деятельность ребёнка вот уже более века привлекает к себе внимание психологов и лингвистов.

Существуют различные виды креативной деятельности в речи детей. Всем известны детские "игры с языком", когда дети создают "стихотворения" из несуществующих слов и таким образом осваивают потенциал лексико-грамматических средств изучаемой ими языковой системы. Другим случаем креативной деятельности ребёнка, который и будет рассмотрен в данной статье, является создание неологизмов, обусловленное незнанием конвенциональной лексики, передающей значения, которые необходимо выразить детям [1, 58].

Детские неологизмы, анализируемые в статье, были получены в серии ономасиологических экспериментов, которые проводились в детских садах г.Парижа (*Ecole maternelle 7, rue Maurice d'Ocagne*), г.Киева (детский сад № 643) и в лагере Министерства Здравоохранения Греции (г. Каммена Вурла). Были использованы экспериментальные данные ряда зарубежных лингвистов (Е. Кларк, М.Боверман, Л. Блум, М. Лахей, Д.И. Слобина, С. Фостер-Коэн и К.Гарвэй [2-17]) и психологов [18], которые занимались изучением речи

детей в возрасте от трёх до шести лет; использовались также наблюдения, почерпнутые из художественной литературы о детях [19].

Было выявлено, что, как правило, неологизмы создаются по законам того языка, носителем которого является ребенок, причем в качестве "строительного материала" используются элементы, уже существующие в языке. В то же время, в языках, относящихся к разным языковым группам (французский, греческий, украинский и английский языки), было отмечено наличие общих стратегий, применяемых ребёнком для образования новых слов.

I. Генерализация известной словообразовательной модели.

Термин "генерализация известной словообразовательной модели", который был предложен Р.И. Лалаевой и Н.В. Серебряковой [20, 20-21], совпадает с понятием аналогического типа словообразования по Е.С. Кубряковой [26, 216]. Мы предпочитаем придерживаться первого термина, так как в основе корреляционного типа словообразования, представленного ниже (см. пункт II), также лежат процессы усвоения информации на базе аналогии.

Генерализация известной словообразовательной модели представляет собой создание нового слова по образцу какой-либо уже готовой лексической единицы. При этом необходимо учитывать, что "комбинация частей слов в детской речи является процессом творческим и продуктивным, а не механически воспроизведимым и подражательным" [22, 62-63].

Характерной особенностью образования номинации по известной словообразовательной модели является сохранение структуры слова-модели и его грамматической категории (меняется только лексическое наполнение):

un arbre-hibou (*un arbre* + *un hibou*);

кицик (*кица* + *-ик*);

bicycler (*bicycle* + *-er*).

Неологизмы такого типа появляются тогда, когда ребенок, овладев какой-либо словообразовательной моделью, начинает применять её и для других случаев словообразования. Так, в украинском языке существует несколько уменьшительных форм для слова *кішка*: *кіця*,

кіцька, *кішечка* и др. Однако ребёнок, под влиянием продуктивной словообразовательной модели с добавлением суффикса *-ик*, создаёт собственное слово *кіцик*, не входящее в лексический фонд украинского языка. Греческие дети добавляли при назывании изображений уменьшительно-ласкательные суффиксы *-άκι*, *-όβλα*: *σταφυλάκι*, *βουναλάκια*, *ψαράκι*, *πουλάκι*, *υατούλα*; украинские – суффиксы *-к* и *-къ*: *муфельки*, *ягідки*, *зайчик*, *коцлик*, *кораблик*; английские дети – суффикс *-i*: *wallie*, *bookies*.

Английские дети образовывали наречия, обозначающие качество: *And it's snakey too "cause it has snakes and it's beary too because it has bears... And it's ... it's hatty "cause it has hats.* (И там змеино тоже, потому что там есть змеи, и там медвежино тоже, потому что там есть медведи... И там... там шляино, потому что там есть шляпы).

По всей видимости, таким образом ребёнок усваивает модели образования уменьшительных форм существительных, продуктивные в его языке.

Генерализация известной словообразовательной модели применяется детьми не только для образования существительных, но и для образования глаголов. Так, при номинации действий французские дети использовали суффикс *-er*, продуктивный во французском языке. При этом в качестве основы выступало наименование предмета, участвующего в действии:

pincer – рисовать кисточкой (*dessiner avec un pinceau*);

pantoufler – надевать тапочки (*mettre les pantoufles*);

piper – курить трубку (*fumer la pipe*);

pianer – играть на пианино (*jouer du piano*).

По другой словообразовательной модели, с помощью транспозиции существительного *a key*, была образована детская номинация *to key* (вместо *open a door with a key* – открывать дверь ключом). Заслуживает внимания тот факт, что данная номинация употребляется в предложениях: *He's keying the door*, т. е. ребёнок сразу включает новое слово в грамматические отношения с другими словами, имеющимися в его лексиконе.

В речи английских детей был найден ряд номинаций, образованных с помощью префиксации. Большой популярностью в английском языке пользуется префикс *in-*, выражающий противоположность. Дети быстро усваивают значение этого префикса и начинают активно его использовать:

to open (открывать) – *to inopen* (закрывать);

I'm inprujamaing (Я снимаю пижаму).

Можно предположить, что данная словообразовательная модель применяется детьми в различных целях. В ряде случаев она служит для того, чтобы заполнить лакуны в словаре, а иногда префикс *in-* употребляется ребёнком для придания выразительности высказыванию и выполняет экспрессивную функцию: *I'll never unhate you* (Я никогда тебя не разненавижу).

В образовании номинаций данного типа задействованы ключевые процессы, лежащие в основе овладения языковой системой: семантический анализ действительности (определение грамматического значения морфем, артиклей и т.п.) и семантический синтез (построение новых словоформ по правилам данного языка).

II. Создание собственной словообразовательной модели.

Дети могут создавать новые слова с помощью средств, не характерных для данного языка, либо не использующихся в нём для словообразования:

дуба – пень (от слова дуб);

čůlі – сломанная скамейка (от слова čólo - дерево);

craiver – рисовать мелом (от слова *la craie*);

тигряні ножки;

морожено.

Особый интерес представляют последние два примера, которые отражают современную лингвистическую ситуацию в Украине. Во многих украинских городах и сёлах дети живут и развиваются в ситуации билингвизма: хотя государственным языком является украинский, значительную роль в жизни общества играет русский язык, который служит языком межнационального общения для жителей бывшего Советского Со-

юза. В процессе создания номинации *тигряні ножки* дети используют для создания нового слова словообразовательную модель, заимствованную из другого (в данном случае, русского) языка. Данная модель применяется на базе украинской фонетики, которая способствует уподоблению неологизма нормативной лексике, имеющейся в лексиконе ребёнка.

Схема появления слова *морожено* несколько иная. По всей видимости, ребёнок заимствует русское слово *мороженое*, на которое накладывается модель образования существительных среднего рода в украинском языке, в результате чего возникает такая промежуточная русско-украинская форма.

III. Корреляционный тип словообразования.

Данный тип образования неологизмов ориентирован на создание нового слова, образцом для которого служит "бинарная корреляция двух однокоренных единиц" [23, 147].

Неологизм, образованный по данной модели, цитируется Е. Кларк в книге "The lexicon in acquisition" [24]. Трёхлетний мальчик ждал, когда его поведут в цирк. Отец сказал, что если будет дождь, то пойти в цирк не получится, потому что никто не может "прогнать" дождь. Мальчик ответил: "*The rainer can*" (Дождевик может). После вопроса отца о том, кто такой *the rainer*, от ребёнка было получено следующее объяснение: "*A man who lives in the forest – MY forest – and has to drive the rain away*" (Человек, который живёт в лесу – в МОЁМ лесу – и должен прогонять дождь).

Мы видим, как ребёнок создаёт новое слово, добавляя суффикс *-er* к знакомому слову *rain* (дождь). По всей видимости, ребёнок проанализировал, каким образом от глаголов, типа *farm*, *ride* и *swim* образуются существительные *farmer*, *rider*, *swimmer* и попробовал применить данную словообразовательную модель, чтобы выразить нужное ему значение.

Корреляционный тип словообразования, как и генерализация словообразовательной модели, базируется на принципах построения аналогии. Если A:j^turp в прошедшем времени соответствует B:j^tumped, то C:b^turp состоит в таком же отношении с D:b^tumped [25, 125]:

bump - bumped (коррелят *jump - jumped*);
foot - foots (кор. *dog - dogs*);
éteindre - éteindu (кор. *descendre - descendu*);
un dragon - une dragonne (кор. *bon - bonne*).

Интересен тот факт, что в детской речи могут существовать две формы номинации: детская "неправильная" и нормативная языковая форма, которая постепенно вытесняет слово, придуманное ребёнком. Так, наблюдались случаи, когда ребёнок употреблял в одном и том же значении глагол *tenir* (норм.) и *tiendre* (результат сверхрегуляризации), причастие прошедшего времени *ouverte* (норм.) и свою форму *ouvrie*.

Отличие корреляционного типа словообразования от генерализации словаобразовательной модели состоит в том, что грамматическая категория производного слова изменяется под влиянием грамматической категории мотивирующего слова в ассоциативной бинарной корреляции.

IV. Синтаксический тип словообразования.

Синтаксический тип словообразования наблюдается в тех номинациях, которые представляют собой свёрнутые синтаксические структуры, содержащие определение или суждение о номинате (номинация-универб):

wall-builder – человек, который строит стены (a man who builds walls);

snow-hat – шляпа, которую носят во время снега (a hat you wear in the snow);

un montagneur – человек, который любит подниматься в горы (l'homme qui aime monter dans la montagne);

un regardeur – человек, который на что-то смотрит (l'homme qui regarde quelque chose);

a people go plane – самолёт для перевозки людей (a plane that transports people).

Последняя номинация представляла собой реакцию ребёнка на номинацию матери "*a cargo plane*" (грузовой самолёт). Очевидно, ребё-

нок ложко проанализировал словосочетание "*a cargo plane*" как "*a cargo plane*" (машина – ехать – самолёт) и понял его значение как "самолёт, который перевозит машины". Затем, чтобы передать значение "самолёт, который перевозит людей", он заменил слово *car* на слово *people*, скопировав структуру словосочетания, услышанного от матери.

Таким образом, мы видим, что дети от 3-х до 6 лет способны к анализу структуры словосочетаний и слов. Более того, они активно применяют результаты данного анализа для овладения языком и построения новых слов и конструкций. Примером тому служит следующий детский вопрос:

Mommy, is it an a-dult or a nuh-dult?

Ребёнок, который задал вопрос, уже имеет представление о том, что в английском языке существует 2 формы неопределённого артикля *a* и *an* (перед гласными), и, соответственно, видит два возможных способа разбить это слово на слоги.

Подобная ситуация наблюдается в примере *I don't have a raser* (вместо *I don't have eraser*). Зная о том, что слову обычно предшествует неопределённый артикль *a* и услышав слово *eraser*, ребёнок принял первый слог этого слова за артикль и произнёс его отдельно, сделав после него паузу.

Номинация-универб содержит дефиницию именуемого объекта, однако, в отличие от дефиниции, в номинации-универбе "имеет место отвлечение от генерализованного "прямого" отношения" и активизация семантического компонента высказывания (тот, кто играет – игральщик) [26, 218]. Процесс образования номинации-универба состоит из вычленения "ключевого" компонента синтагмы, несущего в ней основную семантическую нагрузку, и преобразования его в сложное слово, которое моделируется из различных морфологических компонентов [там же, 216].

V. Звукоподражание.

охотник -> *μλάζιτα*;

мяукать -> *miaouner*;

часы -> *tick-tock*.

Ещё в 18 веке в предисловии к "Толковому словарю французских ономатопеи" Шарль Нодье высказал следующую мысль: "Для того, чтобы у других людей возникло ощущение какого-либо объекта, нужно представить звуки или внешний вид объекта, который вызывает это ощущение" [27, 60-61]. Наблюдая за тем, как дети создают номинации-ономатопеи, мы видим, что таким образом они воспроизводят акустический образ предмета или действия, с ним связанного (когда охотник стреляет из ружья, раздаётся звук – *птачи!*! – отсюда номинация охотника словом *птица*). Номинации-ономатопеи появляются у детей очень рано, ещё до года, и вначале служат для наименования ситуации как "нерасчленённого, целостного единства" [22, 60]. Постепенно ситуация в сознании ребёнка дифференцируется: происходит разграничение предмета и совершающего им действия (*птачи* – *птица*), и номинация предмета, несмотря на её явную мотивированность характером соответствующего действия, получает самостоятельное грамматическое оформление [там же].

VI. Образование неологизмов по типу "народной этимологии".

un accident de taxi -> *un taxident*;

le Parc Montsouris -> *mon parc souris*

цапля -> *цаплік*.

Механизм образования номинаций такого типа иной. Ребёнок изменяет звучание слова под влиянием другого слова или слов, обладающих с ним некоторым звуковым сходством. При этом меняется морфология слова и происходит переосмысление его значения.

Пример создания нового слова на основе другого слова, слышанного ранее, встречается нам, когда трёхлетний Огюстен на ходу сочиняет песню о волке:

Il a paculé tout ça,

Il a méculé les mamans,

Il a méculé les papas,

Il a méculé les bébés,

Il a méculé, il a tué aussi un renard.

Мы много раз слышим слово *méculer* и один раз его вариант *paculer*, однако в словаре такие слова отсутствуют. Вероятно, Огюстен

искажает другое французское слово: *maculer* (пачкать), которое когда-то слышал. Ребёнок усвоил негативную коннотацию данного слова, и оно получило у него значение некоего страшного действия, близкого или равного по смыслу *tuer* (убивать).

Таким образом, мы видим, что словообразование включает в себя ряд умений: анализ словообразовательной структуры слова при его восприятии, способность к членению слова на составляющие элементы и к установлению их значений, а также умение самостоятельно осуществить мотивированную номинацию в адекватной ситуации [28, 40]. Наличие общих моделей образования неологизмов детьми свидетельствует о наличии единых языковых механизмов и структур, задействованных в процессе овладения языком, которые могут использоваться при создании методик обучения ребёнка родному или иностранному языку.

Литература

1. Cordier F. *Représentation cognitive & langage: une conquête progressive.* – Paris: Armand Colin, 1994. – 129 p.
2. Clark Eve V. Awareness of language: some evidence from what children say and do // *The child's conception of language.* / Editors A. Sinclair, R.J. Jarvella, W.J.M. Levelt. – Berlin; Heidelberg; New York: Springer-Verlag, 1978. – P. 17-45.
3. Clark Eve V. The acquisition of Romance with special reference to French // *The crosslinguistic study of language acquisition.* / Ed. by Dan Isaak Slobin. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers. – 1985. – V. I. – P. 687-782.
4. Clark Eve V. The lexicon in acquisition. – Cambridge: CUP, 1993. – 306 p.
5. Clark Eve V. The young word maker: a case study of innovation in the child lexicon // *Language acquisition: the state of the art.* / Ed. by Eric Wanner and Lila R. Gleitman. – Cambridge: CUP, 1982. – P. 390-425.
6. Bowerman M. Early syntactic development: a cross-linguistic study with special reference to Finnish. – Cambridge, 1973. – 302 p.

7. Bowerman M. Including the latent structure of language // The Development of language and language researchers: essays in honor of Roger Brown/ Ed. by Frank S. Kesser. – Hillsdale; New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1988. – P. 23-51.
8. Bowerman M. Reorganizational processes in the lexical and syntactic development // Language acquisition: the state of the art. / Ed. by Eric Wanner and Lila R. Gleitman. – Cambridge: CUP, 1982. – P. 319-347.
9. Bloom L.M. Language development: form and function in emerging grammar. – Cambridge, Mass: MIT Press, 1970. – 270 p.
10. Bloom L., Lahey M. Language development and language disorders. – N.Y.: Wiley, 1978. – 685 p.
11. Slobin D.I. A case study of early language awareness // The child's conception of language. / Editors A. Sinclair, R.J. Jarvella, W.J.M. Levelt. – Berlin... et al.: Springer-Verlag, 1978. – P. 45-55.
12. Slobin D. I. Cognitive prerequisites for the acquisition of grammar // Studies of child language development. / Ed. by C.A. Ferguson & D.I. Slobin. – N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1973. – P. 173-208.
13. Slobin D. I. Cognitive prerequisites for the development of grammar // Studies of child language development. / Ed. by C.A. Ferguson & D.I. Slobin. – N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1973. – P. 175-208.
14. Slobin D.I. Pedia ke glossa: ta pedia mathenun me ton idio tropo s'olo ton kosmo // Kimena ekseliktikis psihilogias./ Epimelia Stella Vosniadou. – Sira: Psihologia/3a'. – A' Tomos. – Athena: Gutenberg, 1992. – 214 p.
15. Slobin D.I. Universals of grammatical development in children // Advances in Psycholinguistics. / Ed. by Giovanni B. Flores d'Arcais and Willem J.M. Levelt. – Amsterdam: North-Holland, 1970. – P. 174-186.
16. Foster-Cohen S.H. An introduction to child language development. – L.; N. Y.: Addison Wesley Longman, 1999. – 232 p.
17. Garvey C. Play with Language and Speech // Child Discourse. / Ed. by Susan Ervin-Tripp, Claudia Mitchell-Kernan. – N.Y.; San Francisco; L.: Academic Press, Inc, 1977. – P. 27-49.
18. Maniou-Vakali M., Tsapoutzoglou M., Tata D. Anaptiki ke aksiologisi tou lexilogiou pedion ilikias 3 eos 6 eton. – Thessaloniki: Tmima psychologias APTh, 1999. – 14 p.
19. Cleary B. Ramona the Pest. – N.Y.: William Morrow Company, 1968. – 156 p.
20. Лалаева Р.И., Серебрякова Н.В. Коррекция общего недоразвития речи у дошкольников (формирование лексики и грамматического строя). – СПб.: СОЮЗ, 1999. – 160 с.
21. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 158 с.
22. Лепская Н.И. Языковая номинация и процесс её становления (на материале детских высказываний) // Вестн. Моск. Ун-та. – Сер. 9: Филология – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1984. – №6. – С. 59-65.
23. Юрьева Н. Изучение семантики производного слова в детской речи. // Фонетика и психология речи: Межвуз. сб. науч. трудов. – Иваново: Ивановский государственный университет, 1984. – С. 141-150.
24. Clark Eve V. The lexicon in acquisition. – Cambridge: CUP, 1993. – 306 p.
25. Bastien C. Les connaissances de l'enfant à l'adulte. – Paris: Armand Colin, 1997. – 171 p.
26. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
27. Guilbert L. La créativité lexicale. / Collection "Langue et langage". – Paris: Larousse Université, 1975. – 285 p.
28. Арушанова А.Г. Познавательная активность в процессе освоения способов словообразования дошкольниками // Развитие речи дошкольника: Сб. науч. тр. / Под ред. О.С. Ушаковой. – М.: Изд-во АПН СССР, 1990. – С. 39-53.

РЕАЛИЗАЦИЯ ВАЛЕНТНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА В ТЕКСТАХ ПУБЛИЦИСТИКИ

При освещении комбинаторных связей лексических единиц (как, впрочем, и единиц других уровней языка) в лингвистике пользуются терминами "валентность" и "сочетаемость". Под валентностью слова понимаем его потенциальную способность к сочетанию с другими конституентами предложения с разной степенью когезии [1, 95]. Под сочетаемостью понимаем реализацию этой потенции в речи, синтагматические связи слова [5, 119]. Валентность присуща всем словам и формам слов, которые имеют самостоятельное структурно-смысловое значение, однако центральное место в теории валентности занимает глагол. Именно глагол сказуемого является тем структурно-смысловым центром предложения, посредством которого осуществляется взаимосвязь всех членов простого предложения, что и обуславливает структурно-смысловую целостность каждого конкретного предложения [см. 2, 4].

В настоящей статье представлены результаты анализа реализации комбинаторного потенциала английского глагола. Материалом для анализа послужили эссе современных американских политологов о выдающихся политиках США. Объем сплошной выборки составил 5674 речевых отрезка с предикатным глаголом из восьми текстов общей длиной в 80000 словоформ. Достаточность объема сплошной выборки и достоверность полученных результатов были проверены по принятым в лингвистике при статистических подсчетах формулам [3, 296]. Относительная ошибка, показывающая, какой процент возможной ге-

неральной совокупности текстов оказался не охваченным выборкой, составила 2,6 %. Отметим, что в математической лингвистике при анализе лексики и фразеологии величина допускаемой относительной ошибки может достигать 30-35 % [там же, 299].

В результате проведенного анализа оказалось, что валентностный потенциал глагола в исследуемом материале реализуется в моно-, ди- и тривалентных структурах, представленных рядом вариантов каждая. Рассмотрим эти структуры и их варианты несколько детальнее.

Моновалентные структуры. Если в предложении у финитного глагола реализуется только одна обязательная синтаксическая связь, то его относят к моновалентным. Глаголы, как известно, указывают на специфическое существование субстанции-подлежащего, её признаков и отношений с другими субстанциями. Логично поэтому предположить, что в моновалентных структурах манифестируется именно субъектная валентность предикатного глагола. Основная, исходная формула моновалентной структуры, следовательно, выглядит так: S – V, где S – субъект, V – предикатный глагол, знак " – " обозначает валентностную связь.

В случае активного залога глагола-сказуемого подлежащее предложения выполняет семантическую роль агента действия. Отсюда первый вариант моновалентной структуры условно обозначаем как S ag. – V.

Если глагол-сказуемое использован в одной из видо-временных форм страдательного залога, тогда подлежащее выполняет семантическую роль объекта действия. Формула данного варианта валентностной структуры глагола: S obj. – Vpass.

В отдельную подгруппу для детального анализа были выделены предложения с моновалентными глагольными структурами, в которых подлежащее было выражено местоимением *it* (так называемое формальное подлежащее). Формула данного варианта: S it – V.

Поскольку любой элементарный процесс может сопровождаться определенными локативными, темпоральными и другими характеристиками, примыкающими к глаголу-сказуемому, фактически же детерминирующими не только глагол, но все предложение в целом, всю первичную структуру предикатии, то к группе моновалентных струк-

тур в данной работе относим и структуры типа S – V – Md, где Md – адвербальный модификатор, структурно факультативный компонент предложения.

Естественно, что в зависимости от залога предикатного глагола и от семантической роли подлежащего, модель S – V – Md может быть представлена вариантами: S ag. – V – Md, S it – V – Md и S obj. – V pass. – Md.

В свою очередь, обстоятельственный детерминант Md, может быть расклассифицирован на целый ряд подтипов, или функционально-семантических групп, – локативные, темпоральные, обусловленности, рестриктивные, способа действия и т.д. Кроме того, с целью детализации пространственно-временных координат, а также другого рода характеристик обозначаемого процесса, в предложение нередко вводится не один, а несколько адвербальных модификаторов. Модификаторы одной функционально-семантической группы образуют синтаксическую структуру координации:

(Md1 + Md2),

или в символах глагольной валентности:

S – V – Md (1+1+...).

Если же адвербальные модификаторы принадлежат различным функционально-семантическим группам (например, локативный и темпоральный), то синтаксической структуры координации они не образуют и в символах глагольной валентности могут быть условно обозначены как:

S – V – Md1 или S – V – Md1 и т.д.
 |
 Md2 / \ Md3 Md2

Выделенные варианты моновалентной структуры предикатного глагола и данные о частотности их употребления в публицистических текстах приводятся в таблице ниже.

Варианты моновалентной структуры глагола S – V в англоязычной публицистике

№ п/п	Варианты моновалентной структурь	Ранговый номер	Частота Абсолют. Относит.
1.	S ag. – V	3	32 5,9%
2.	S obj. – V	2	52 9,5%
3.	S it – V	3	32 5,9%
4.	S – V – Md (a) S ag. – V – Md (b) S it – V – Md (c) S obj. – V – Md (d) S – V – M1 Mn M2	1 (135) (1) (172) (121)	429 78,7%
	Всего:		545 100%

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что наибольшей частотностью из всех вариантов моновалентной структуры характеризуется вариант S – V – Md (почти 79%); на остальные варианты приходится около 21% всех употреблений. Примеры к таблице 1 (номер примера соответствует порядковому номеру варианта моновалентной структуры в табл. 1).

1. *The old deference to superior character and judgement was disappearing* (Faulkner, 108).
2. *But this claim to esteem and originality has been disputed* (Lerner, 143);
3. *It appears that the states, and not the Supreme Court, were to be the final judges of violations of the Constitution* (Schotten, 137);
4. a. *The influence of the house increased correspondingly* (Faulkner, 109);
 b. *It doesn't follow from human equality that men can be equal members of a racially mixed society* (Mansfield, 36);
 c. *...the issue would be decided by force, not reason* (Mansfield, 37);
 d. *"Perhaps", noted story ruefully in 1833, "they have never entirely ceased"* (Schotten, 136).

Сочетаемость адвербальных модификаторов в публицистических текстах

	Time	Location	Aim and Purpose	Degree	Means	Attitude	Reason	Manner	Concession	Affirmation	Limit, restriction	Condition	Result	Accompaniment
Time	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Location	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Aim, purpose	+	+	+	+		+		+						
Degree	+	+	+	+	+	+	+	+				+		+
Means	+	+		+	+	+			+					
Attitude	+	+	+	+	+	+								
Reason	+	+		+			+	+						
Manner	+	+	+	+	+	+	+				+	+		
Concession	+	+								+				
Affirmation	+	+									+			
Limit, restriction										+		+	+	
Condition	+	+		+			+				+	+	+	
Result	+	+											+	
Accompaniment	+	+		+									+	

Дивалентные структуры. К дивалентным структурам относятся такие валентностные структуры глагола, в которых последний реализует две облигаторные семантико-синтаксические связи, другими словами, имеет левую (субъектную) и правую валентности. Правосторонним валентным партнёром предикатного глагола выступают различные виды комплементов. Основная, исходная формула дивалентных структур выглядит, следовательно, таким образом: S – V – C, где С – восполнитель смысла (комплемент) глагола. В зависимости от типа комплемента дивалентные структуры финитного глагола в активном залоге могут быть представлены следующими вариантами:

1. S – V – Cs, где Cs – субъектный комплемент (предикатив).
2. S – V – Co, где Co – объектный комплемент (дополнение).
3. S – V – Cv, где Cv – глагольный комплемент.
4. S – V – Cd, где Cd – адвербальный комплемент*.

Что касается глаголов, отмеченных в вариантах моновалентной структуры, то они используются (а) в непереходном значении при употреблении их в формах активного залога, и (б) в переходном значении в случае использования в формах пассива. Так, в варианте S ag. – V встретились 14 глаголов *acquiesce* (2), *begin* (2), *disappear* (2), *govern* (2), *liberate* (2), *pass* (3), *persist* (1), *prevail* (2), *remain* (6), *require* (2), *reveal* (3), *vary* (3), *vote* (1), *work* (1). В варианте S obj. – V pass. Отмечены следующие 22 глагола: *agree* (2), *anticipate* (1), *avoid* (3), *choose* (2), *cite* (2), *create* (2), *deem* (4), *defeat* (1), *demonstrate* (3), *discountenance* (1), *dispute* (3), *establish* (4), *introduce* (2), *involve* (2), *make* (3), *need* (1), *remember* (2), *require* (2), *say* (4), *see* (3), *state* (1), *suppose* (4). Единственным глаголом, зарегистрированным и в варианте S ag. – V, и в варианте S obj. – V pass., т.е. употреблённом в переходном и непереходном значениях в материале исследования, является глагол require.

Только семь глаголов – *appear* (8 употреблений), *do* (2), *follow* (3), *recall* (Pass. – 1), *seem* (12), *show* (Pass. – 2) и *suffice* (2) – отмечены в варианте S it – V, при этом следующий за предикатным глаголом *that-clause* получал статус аппозитивного определения к формальному подлежащему *it*. В моновалентной структуре с одним и более модификаторами зарегистрировано более 150 глаголов в функции предиката, список которых здесь не приводится в целях экономии места (в этот список также вошли все глаголы из перечисленных выше). Среди адвербальных модификаторов (обстоятельственных распространителей предложения) наиболее частотными оказались локативные модификаторы (18 % от общего числа употребления модификаторов в моновалентной структуре), модификаторы образа действия (15,4 %), темпоральные модификаторы (9,4 %), модификаторы цели (5,7 %), а также модификаторы степени (4 %), обусловленности (4 %) и причинности (4 %). И хотя, как мы предполагаем, ограничений сочетаемости разнотипных обстоятельственных модификаторов в рамках одного предложения, по-видимому, не должно быть, в анализируемом материале лишь темпоральные и локативные модификаторы показали наибольшую "солидарность" с модификаторами других типов (см. табл. 2).

Если глагол использован в тех или иных видо-временных формах страдательного залога, формулы дивалентных структур глагола имеют такой вид:

5. S – Vpass – Cs,
6. S – Vpass – Co,
7. S – Vpass – Cv,
8. S – Vpass – Cd,

где Vpass – финитный глагол в форме пассивного залога, при этом в зависимости от семантической роли подлежащее S выступает либо объектом, либо бенефактивом, либо реципиентом процесса, обозначенного всей первичной структурой предикатии.

К дивалентным глагольным структурам будем относить также и варианты с одним и более обстоятельственными распространителями Md. В отдельные варианты для анализа были выделены предложения с так называемым формальным подлежащим *IT* и *THERE*.

Ниже в таблице 3 приводим данные частотности выделенных в анализируемом материале вариантов дивалентной глагольной структуры S – V – C (варианты с одним или более адвербальным модификатором здесь в целях экономии места отдельно не выделены, но учитываются в рамках выделенных вариантов).

Таблица 3

Варианты дивалентной глагольной структуры S – V – C в публицистике

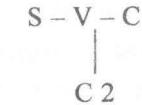
№ п/п	Варианты дивалентной структуры	Ранговый номер	Частотность	
			Абсолютная	Относительная
1.	S – V – Cs	2	1200 (246)	25,3 (5,2)
2.	S – V – Co	1	2502 (1073)	52,7 (22,6)
3.	S – V – Cv	5	208 (35)	4,4 (0,7)
4.	S – V – Cd	4	226 (52)	4,8 (1,1)
5.	S – Vpass – Cs	9	37 (17)	0,8 (0,4)
6.	S – Vpass – Co	3	271 (113)	5,7 (2,4)
7.	S – Vpass – Cd	8	38 (15)	0,8 (0,3)
8.	S – Vpass – Cv	10	15 (2)	0,3 (0,04)
9.	S it – V – C	6	179 (17)	3,7 (0,4)
10.	There – V – S	7	69 (23)	1,5 (0,5)
ВСЕГО:			4745 (1593)	100,0% (33,6)

Примеры к таблице 3 (номер примера соответствует порядковому номеру варианта дивалентной структуры):

1. *One explanation seems* persuasive (Schotten, 138).
2. *The people make the constitution under which the government makes* ordinary laws (Mansfield, 34).
3. *Political power is* to be won or lost (Lerner, 157).
4. *That was* in 1776 (Mansfield, 34).
5. *All men are created equal* (Mansfield, 23).
6. *These rights are not given by society* (Faulkner, 93).
7. <...> his primary love was directed toward the Union (Schotten, 137).
8. *The Congress was obligated to provide the means to enforce federal law* (Schotten, 127).
9. *It was* fashionable at that time to praise judicial restraint (Berns, 305).
10. *There was one way to see that economic and social justice was secured in spite of a fossilized judiciary* (Schambra, 244).

Что касается глаголов, зарегистрированных в вариантах дивалентной структуры, то их число превышает 500. В десятку наиболее употребительных глаголов в позиции V вышли глаголы: *be* (1448 употреблений), *become* (52), *believe* (52), *find* (46), *have* (144), *make* (140), *require* (52), *say* (42), *see* (53), *seem* (54).

Тривалентные структуры. В тривалентных структурах предикатный глагол реализует три обязательные связи – с субъектом и двумя некоординированными (неоднородными) комплементами. Основная, исходная формула тривалентной структуры выглядит так:

В зависимости от типов комплементов, тривалентные структуры предикатных глаголов могут быть представлены такими вариантами:

Таблица 4

1. S – V – Co 1 Co 2,	5. S – V _{pass} – Co 1 Co 2,
2. S – V – Co Cd,	6. S – V _{pass} – Co Cd,
6. S – V – Cd Cv,	7. S – V _{pass} – Cs Co,
4. There – V – S Cd,	8. S – V _{pass} – Co Cv

где Co 1 и Co 2 – объектные комплементы, не образующие друг с другом синтаксической структуры координации.

Кроме того, выделенные варианты могут включать в себя один или несколько адвербальных модификаторов, которые носят факультативный характер на структурном уровне организации предложения.

Среди выделенных на материале публицистических текстов тривалентных глагольных структур наиболее частотным оказался вариант, в котором правосторонняя валентность глагола, имеющая на данных схемах вид: "вправо" и "вниз", реализуется в двух некоординированных объектных комплементах. Наименьшей частотностью характеризуются варианты с предикатным глаголом в пассивных формах. Ниже в таблице 4 сведены данные о частотности вариантов тривалентной глагольной структуры (в целях экономии места формулы вариантов тривалентной структуры представлены в сокращенном виде: выпущены обязательные для всех структур компоненты S и V и оставлены переменные компоненты; в скобках приводятся данные о частотности использования обстоятельственных распространителей в тех или иных вариантах тривалентной структуры).

Варианты тривалентной глагольной структуры S – V | – C 1 C 2 в англоязычной публицистике

№ п/п	Варианты тривалентной структуры	Ранговый номер	Частотность	
			Абсолютная	Относительная
Активный залог				
1.	Co 1 – Co 2	1	(61)	61,4 (15,9)
2.	Co – Cd	2	(26)	20,0 (6,8)
3.	Cd – Cv	5	(1)	1,0 (0,3)
4.	There – Cd	3	49 (21) 1	2,8 (5,5)
Пассивный залог				
5.	Co 1 – Co 2	4	15 (2)	3,9 (0,5)
6.	Co – Cd	6	0,3	
7.	Co – Cs	6	0,3	
8.	Co – Cv	6	0,3	
ВСЕГО:			384 (111)	100,0 % (29 %)

Примеры к таблице 4 (номер примера соответствует порядковому номеру варианта валентной структуры глагола сказуемого):

1. *The American people have received from nature a golden opportunity for building an independent nation* (Mansfield, 32).
2. *Most judges would draw their friends from the political world* (Berns, 297).
3. *He went on to maintain in effect that self-interest forms the warp and wool of every significant political act* (Lerner, 165).
4. *There are men among us who think it no wrong to condemn the shivering African to perpetual slavery* (Schotten, 123).
5. *<...> property rights had been given explicit sanction by government* (Schotten, 123).
6. *Constitution, institutional arrangements, the forms of legislation <...> - all were stripped away by Calnoun to reveal the harsher stuff of politics* (Lerner, 165).
7. *<...> acquisitiveness would degenerate into monopoly, speculation, and exploitation, were it not made responsible by "industry" and private faith <...>* (Faulkner, 95).

8. This America is neither forced nor encouraged by nature to have commerce with the Old World (Mansfield, 31).

В качестве глагольного компонента в тривалентных структурах зарегистрировано 133 глагола, среди наиболее частотных оказались глаголы *defend* (14 употреблений), *explain* (12), *give* (36), *place* (10), *prevent* (10), *protect* (18), *provide* (24), *put* (14), *take* (18), *write* (29).

Подводя итоги, отметим, что наиболее частотными из выделенных валентностных структур предикатного глагола в анализируемых публицистических текстах являются дивалентные структуры, на которые приходится почти 84% от общего числа употреблений (см. табл.5).

Таблица 5

№ п/п	Валентностная структура глагола	Частотность	
		Абсолютная	Относительная
1.	S – V	545	9,6
2.	S – V – C	4745	83,6
3.	S – V – C 1 C 2	384	6,8
Всего:		5674	100,0 %

Выделенные валентностные структуры и их варианты, а также их частотные характеристики составляют основу валентностного "рисунка" публицистического текста.

* Адвербальный комплемент Cd, в отличие от адвербального модификатора Md, является обязательным компонентом предложения. Без адвербального компонента Cd предложение оказывается и структурно, и семантически неполным, незавершённым. Адвербальный модификатор Md, или обстоятельственный распространитель, является факультативным элементом предложения (с точки зрения структурной целостности последнего). Один и тот же адвербиалий может употребляться в разных предложениях по-разному: как обязательный (Cd) (пример A), так и факультативный (Md) компонент (пример B):

A. *They are downstairs.*

B. *I will be waiting for you at 5 o'clock downstairs.*

Облигаторность/факультативность адвербиалия определяется методом опущения исследуемого компонента. Если при опущении адвербиалия предложение не теряет своей структурной целостности и остается грамматически отмеченным ("I will be waiting for you at 5 o'clock"), то адвербиалий носит факультативный характер. В противном случае наличие адвербиалия обязательно ("They are downstairs").

• Литература

1. Домброван Т.И. О некоторых закономерностях синтаксической сочетаемости английского глагола // Записки з загальної лінгвістики. – Вип.1. – Одеса, 1999. – С.95-99.
2. Загінсько А.П. Позиційна модель речення і валентність дієслова // Мовознавство. – 1994. – №2-3. – С.48-56.
3. Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Г., Пиотровская А.А. Математическая лингвистика. – М.: Высш. школа, 1977.
4. Сосницький І.О. Валентність дієслова та її роль в розумінні структури речення // Записки з романо-германської філології. – Вип.7. – Одеса: Латстар, 2000. – С.253-258.
5. Турьяніва Г.Р. О морфолого-синтаксической обусловленности глагольной сочетаемости // Проблемы функциональной грамматики английского языка. – Сб. науч. тр. МГПІІЯ. – Вып.246. – М., 1985. – С.118-132.

Список исследованных текстов

1. Berns, Walter. Oliver Wendell Holmes, Jr. – In: American political Thought: The Philosophic Dimension of American Statesmanship / Ed. by Morton J.Frisch and Richard G. Stevens. – 2nd ed. – F.E.Peacock Publishers, Inc., 1983. – P. 295-318.
2. Faulkner, Robert K. John Marshall. – In: ibidem. P. 89-115.
3. Holland, Kenneth M. Roger Taney. – In: ibidem. P. 169-194.

4. Lerner, Ralph. John C.Calhoun. – In: *ibidem*. P. 143-168.
5. Mansfield, Harvey C.Jr. Thomas Jefferson. – In: *ibidem*. P. 25-50.
6. Schambra, William A. Elihu Root. – In: *ibidem*. P. 237-265.
7. Schotten, Peter. Joseph Story. – In: *ibidem*. P. 117-141.
8. Stevens, Richard G. Felix Frankfurter. – In: *ibidem*. P. 337-360.

М.М. Штиліха

ФОНЕТИЧНІ СТИЛІСТИЧНІ ЗАСОБИ РОЗМОВНОГО МОВЛЕННЯ (НА ПРИКЛАДІ БОГЕМСЬКОЇ ГОВІРКИ ЗАКАРПАТТЯ)

Найбільш чутливими до зміни мовної ситуації в умовах реальної комунікативної діяльності є фонетичні засоби мови. Ритм, темп мовлення, паузи, інтонація, особливості синтагматичного членування мовленнєвого потоку та зміни висоти голосу мовця – це все служить для вираження експресії спонтанного мовлення.

Мета даної статті – визначити і проаналізувати на прикладі богемської говірки Закарпаття найхарактерніші стилістичні засоби фонетики розмовного мовлення.

Беручи до уваги те, що богемська говірка Мукачівського мовного острівка, яка належить до середньобаварського (*Mittelbairisch*) з елементами північнобаварського (*mit nordbairischen Einschlägen*) діалекту, існує тільки в усно-розмовному варіанті, ми склонні розглядати цю говірку як чудовий зразок розмовно-побутового стилю.

Матеріалом нашого дослідження були тексти монологічного та діалогічного мовлення (7 монологів і 93 діалогів), записані у справжніх богемських німців Закарпаття, які проживають у селах Синяк (*Blaubad*) і Нижня Грабівниця (*Unter-Hrabovnitz*). Ці німецькі поселення виникли у 1-й половині XIX століття поблизу Мукачева, коли в наш край за наказом графа Ервіна фон Шенборна з метою заробітку та влаштування нового життя прибули сім'ї лісорубів з чеського Бемервальду (*aus Grafschaft Prachatitz*). Таким чином, протягом двох століть на Закар-

парті живуть німці, які внаслідок певних історичних причин опинилися на одній території з представниками інших національностей.

Як відомо, необхідним наслідком взаємодії різних мов і культур на одній території є розвиток двомовності – білінгвізму, що є специфічною ознакою носіїв богемської говірки Закарпаття, які розмовляють не тільки на німецькому, але й на місцевому діалекті. Однак, незважаючи на тісні мовні контакти з місцевим населенням та значну віддалість від своєї історичної батьківщини – південної Чехії, богемські німці змогли зберегти самобутню мову, неповторні звичаї та обряди. Як ми впевнилися, богемська говірка Мукачівського мовного острівка залишається на сьогодні однією з основних форм спілкування на побутовому рівні.

Оскільки розмовне мовлення за своюю природою є діалогічним, а монолог (йдеться передусім про розповідний монолог), який завжди передбачає видимого співрозмовника, є частиною діалогу, можна стверджувати, що саме побутове діалогічне та монологічне мовлення є основною сферою функціонування богемської говірки Закарпаття.

Щоб перейти до опису одержаних результатів дослідження, необхідно зупинитися на визначенні основних звукових особливостей богемської говірки.

Як слушно зауважує німецький вчений Р.Кубічек, діалекти південної Богемії (*die unteren Gegenden des Böhmerwaldes*), до яких належить богемська говірка Мукачівського мовного острівка, є більш-менш однорідними та постійними, що проявляється у першу чергу на фонетичному рівні [7, 13]. До основних звукових особливостей богемської говірки належать, серед інших, такі:

1. Однією з найтипівіших ознак фонетичної системи говірки є дифтонги або так звані *Zwielauten*, вимову яких, як вважає відомий діалектолог М.Колмер, пояснити досить складно [6, 18]. У справжніх богемських поселеннях Закарпаття часто зустрічаємо ці дифтонги, наприклад: *kouxxa* (*kochen*), *wouxe* (*Woche*), *tauxta* (*Tochter*), *wuit* (*Wald*), *zuin* (*zahlen*), *laid* (*Leute*), *meintšai* (*Mädchen*), *wai* (*weil*), *waida* (*weiter*).

2. Досить поширеним явищем у говірці Мукачівського мовного острівка є процес монофтонгізації, про що детально йдеться у дослідженнях середньобаварського діалекту відомого австрійського лінгвіста П.Візінгера [11, 102]. Наприклад: *afa* (*herauf*), *affi* (*hinauf*), *af* (*auf*).

3. Латеральний приголосний *l* зберігається у позиції між голосними: *ulli* (*alle*), в інших випадках переходить у голосний *i* : *uiss* (*alles*) [7, 22].

4. Характерною ознакою богемської говірки Закарпаття є назальність, наприклад: *gānga* (*gegangen*), *long* (*lang*), *māi* (*Mann*), *śwōdīta* (*Schwämme*) [7, 14].

Таким чином, характеризуючись численними архаїчними формами у звуковій та морфологічній системах мовлення, богемська говірка належить до консервативних німецьких діалектів.

Говорячи про специфіку розмовного мовлення богемських німців, не можна оминути ще одного питання. Річ у тім, що в умовах реальній комунікативної діяльності мовці можуть поступово перейти з говірки на літературну німецьку мову чи навпаки. Наприклад:

A: *AH / dort sind doch alle "gestorben / das sind doch der "dritte teil nicht geblieben //*

B: *dei laid aus "hunger / unt hamt ""kutzn (Katzen) hamt geisn (gegessen) //*

На думку Й.Швітали, такий "перехід" є важливим психологічним фактором спонтанного розмовного мовлення, який в умовах конкретної мової ситуації виражає емоційний стан мовця [9, 44].

Переходимо до опису основних стилістичних засобів фонетики побутового діалогічного та монологічного мовлення на прикладі богемської говірки Закарпаття.

Як показують дослідження записаного на плівках мовленневого матеріалу, найважливішим фонетичним явищем у говірці є редукція або ослаблення ненаголошених голосних, яке може призводити до якісної видозміни їх й навіть повного зникнення. Загалом, як вважає О.Б.Сиротиніна, редукція або випадіння звуків в умо-

вах безпосереднього спілкування пов'язані з меншою напругою органів мовлення, що є характерною ознакою так званого "розмовного стилю вимови" [2, 42]. Слід додати, що сам процес порозуміння між співрозмовниками при цьому аж ніяк не порушується. Таким чином, у богемській говірці Закарпаття наявні такі різновиди редукції:

1. Опускання голосних звуків або фонетична елізія. Наприклад:

A: ... / *unt* *hod* *s'* *kind* ''*geboren* / ... //;

B: ... / *si* 's *blim* in ''*kwotir* /...//;

B: ... / *no* *wos* / *si* 's *jo* ''*rysha* //;

A: ... / *wos* *boxx* 's ? / ... //.

2. Випадіння голосного -e- у префіксі *ge* - дієприкметника II, наприклад:

A: *i hau si šau long neid* ''*g'sin* (*gesehen*) //;

A: *ea is* ''*g'steam* (*gestorben*) / *de Josef* / .. //;

B: *zwo* ... / *zwohundert mark hod ea* ''*g'sikt* (*geschickt*) //;

B: *unt* ''*katzewaiche* (*Weidekätzchen*) *hamt mia zu puintsonnta* (*zum Palmsonntag*) *g'waicht* (*geweiht*) //.

3. Редукція закінчення дієслова 1-ої особи однини теперішнього часу:

A: ''*zwai ſweister hab*' *i* //;

A: *brauch*' *i au* ''*glasl* //;

B: *hab*' *i šau omui* (*einmal*) ''*g'sogt* //.

Наведені приклади засвідчують, що в процесі конкретного гово-ріння найкраще проявляються такі основні ознаки побутового розмовного мовлення, як особлива невимушеність, фамільярність, спонтанність, мовна економія та смисловна наповненість.

Додамо, що з метою створення особливого місцевого колориту у богемській говірці Закарпаття, як і в німецькому розмовному мовленні, зливається прийменник з артиклем. Наприклад:

B: ... / *firs woussa mus* ''*zuin* / *unt* ... //;

A: *gei au zan éſinta !* (*Geh zum Teufel!*)//;

B: *jo / fin haas und firs* ''*licht* / ... //.

Своєрідна звукова зміна - злиття особової форми дієслова та займенника – відбувається у морфологічній системі говірки: *hafta* - *haben wir*. Так само утворюються форми інфінітива: *leim* (*leben*), *blim* (*bleiben*).

Як бачимо, всі ці фонетичні процеси у богемській говірці Закарпаття призводять до мовної економії та смислової наповненості спонтанного розмовного мовлення.

Для розуміння діалогічної природи побутового спілкування істотним є поняття його мовленнєвої одиниці. Тому при розгляді цього питання з точки зору інтонаційної організації мовленнєвого потоку важливим є поняття не речення, а висловлювання. Якщо речення існує як притаманна мові одиниця, то висловлювання ж не існує, а будується в процесі мовлення. На думку А.Вайса, не менш важливою мовленнєвою одиницею є фраза [10, 20], особливо, коли йдеться про синтагматичне членування мовленнєвого потоку. Таким чином, фраза, на відміну від висловлювання, є меншою мовленнєвою одиницею, адже з фонетичною точки зору потік мовлення складається з розділених паузами фраз. Як відомо, центром інтонаційної конструкції є наголос фрази. Дослідження наголосу в богемській говірці заслуговує особливої уваги. Як показують дослідження, говірці притаманні такі види наголосу: фразовий, логічний і емфатичний. Якщо фразовий наголос є звуковим виділенням одного із слів (як правило кінцевого) фрази, то логічний та емфатичний, власне кажучи, отримують в умовах безпосереднього спілкування додаткове функціональне навантаження: вираження потрібних нюансів думки та відповідне актуальне членування мовленнєвого потоку. Наприклад:

а) фразовий наголос

A: *wai di sin sehr* ''*tair* (*teuer*) //;

B: *jo / ea is kaima* ''*gwein* //;

б) логічний наголос

B: ''*sup hau i kouxt* //;

B: *mus ma* ''*woussa draf ſtei* //;

с) емфатичний наголос

A: EH / si hant sou é ruisa (rutschig) //;

A: ... / kwotir brauch ma é zuin / é woussa / é haas / unt kwotir
é zuin / ... //.

Важливим засобом смислового та емоційного членування мовленневого потоку є паузи. Тут нам доведеться повторити, що з фонетичної точки зору увесь потік мовлення складається з розділених паузами фраз. З одного боку, раптові зупинки в процесі конкретного говоріння окреслюють інтонаційні граници висловлювання, з іншого боку, вони можуть доповнюватися мімікою, жестами, які належать до невербальних засобів спілкування. Так, у розповідному монологі мовець може раптом зупинитися під час мовлення. Це підсилює напруження і свідчить про те, що він (мовець) мислить чи намагається щось пригадати. Наприклад:

A: ... / unt haum wide waid' ''g'firt bis of... / kaima bis of ... / bis
of... / wi ''hoist dos dorf? / 'Hombok / bis of ''Hombok / jo / bis of
''Hombok //.

У цьому випадку розповідь проходить у середньому темпі. Темп прискорюється тоді, коли мовець щось перелічує. Коли ж він заглиблюється у роздуми, то темп знову сповільнюється. Сповільнений темп характеризує також різноманітні вставні слова й речення, бо саме їх використовує мовець для забезпечення безперервного мовлення, коли йде пошук необхідного слова чи конструкції.

Щодо пауз-зупинок у богемській говірці, то вони є в основному факультативними, що пояснюється безпосередністю та спонтанністю побутового спілкування.

Як цілком справедливо зазначає німецький лінгвіст В.Флайшер, паузи можуть не тільки викликати увагу співрозмовника чи полегшувати порозуміння в процесі вербальної комунікації, але й, наприклад, підкреслювати іронічне ставлення мовця до предмета розмови [3, 224]. Так, у висловлюванні "UJ / no 'wi / du bist wi a é todmäu !" (Du siehst wie eine Vogelscheuche aus!) кумедно одягнута людина порівнюється з опудалом. Цей приклад дає змогу виявити конотативне забарвлення

у розмовному мовленні в конкретній мовній ситуації. Як відомо, конотація виражає певну оцінку та суб'єктивне ставлення до предметів, явищ навколошньої дійсності, які існують незалежно від нас. У наведеному прикладі проявляється емоційне забарвлення, експресія життєвого мовлення та суб'єктивна оцінка, яка підкреслює індивідуальний характер розмовного мовлення.

У діалогічному мовленні часті зупинки (паузи) доповнюються вигуками, які є безпосередніми виразниками емоцій. Вигуки, як правило, виділяються у висловлюванні паузами. Втім, ці особливі слова можуть виражати не тільки емоційний стан мовця, але й ставлення його до мовної ситуації. Свою виразну специфіку вигуки реалізують також у говірці:

A: no / schon immer ''viel / bis AJ noch vier ''šweister / unt ein
bruder / ... /;

A: AH / JOJ ! //;

B: AH! / jo / jo //;

B: OH boshe! //;

A: OHO! //.

У процесі безпосереднього спілкування мовець часто використовує такий стилістичний прийом, як повтор. Так, аналізуючи монологічне та діалогічне мовлення богемських німців Закарпаття, можна зустріти різні види повторів: повторюються окремі слова, групи слів чи навіть речення. Адже мовець підкреслює все те, що має особливе смислове значення. У розповідному монологі, наприклад, повторюється остання група слів одного речення на початку наступного (явище "анадиплосис"):

A: wai bai uns haim gwein ''zwelf kinna // zwelf kinna / unt war
ja rächt ''omut gwein //.

Повторюються також окремі групи слів на початку речень (анахора):

A: ... / owe (aber) dol h?ma neid ''long gwein // dol h?ma neid
''long gwein // dol häma gwein eppa a ''mounat //

Численні повтори у побутовому діалозі забезпечують динаміку та ритм розмовного мовлення. Наприклад,

A: wenn keine „arbeit nicht ist ... //

B: wenn keine „arbeit nicht ist / is kei „geld / ... //.

На думку А.Вайса, прості повтори виконують функцію коротких пауз-роздумів, які мовець використовує для подальшої побудови висловлювання [10, 67]. Такий вид повторів характерний для богемської говірки:

B: ésamsta is aine wide af Daitšland furt //

A: samsta? //

B: samsta is „furt // samsta / laid hant „wenig / ... //

A: no jo / habn recht //

B: habn recht //.

Слід наголосити, що використання перелічень у говірці також забезпечує динаміку, ритм спонтанного мовлення:

A: uiss is „laar gwein // is „niks gwein // „eisn is niks gwein / ko „goid (Geld) is neid gwein //;

A: no / a „sup hauma kouxt / unt neil / unt krimmi „neil/ unt ta „flaiš / ... //

Своєрідним фонетичним явищем розмовного мовлення, на думку Е.Різель, є подовження окремих звуків (голосних і приголосних) з метою виділення у висловлюванні того чи іншого слова [8, 195]. У богемській говірці цей фонетичний прийом застосовується з метою виділення певних звукових, словесних або інтонаційних моментів мовлення, наприклад: *eppa, ella, kinna, laar, gaar* тощо. Подовження голосних або приголосних звуків може залежати від емоційного стану мовця та конкретної мовної ситуації. Так, з виразною стилістичною настанововою використовується спеціальна форма множини – *ela* (*viele*), яка може виступати як засіб гіперболізації:

A: JOOJ / host du é ella kinna! //;

B: du trifflst (plauderst) 'ella! //

Наведені вище приклади, характеризуючись жартівливим та іронічним звучанням, підкреслюють особливу експресію розмовного мовлення.

В.Д.Дєвкін вважає, що важливим шляхом забезпечення смислової наповненості спонтанного мовлення є інтонація з її емоційними, суб'єктивними та модальними функціями [1, 36].

Окремо слід сказати про окличні речення, які за своїми стилістичними функціями є дуже багатими і різноманітними синтаксичними одиницями. Як показують дослідження, окличні речення у богемській говірці Закарпаття можуть виражати:

– психологічний стан людини, її переживання

A: ... / hod si denkt / no é wos? / unt mai „tauxta / ona „tauxta (einige Tochter) / Elen / dei hod „g'sogt / é mami / no los ma „steam (sterben) dol?! / ... //;

– наказово-вольові імпульси

B: é herst mi! / du neid é studirn (sich nicht aufregen)! / ... //;

– якісні оцінки предметів і явищ

A: no / so é grausi trikka (Trockenheit) is / ... //;

B: dos is a é gut eisn (Essen) / ... //;

– заперечення

A: hau i recht? //

B: neid recht //;

– ствердження

B: jo? / sou a é kwiderana menš (ein guter Mensch)! //

A: no / richti jo //

Як бачимо, окличними можуть бути навіть розповідні та питальні речення. Зазначимо, що велику роль при цьому відіграє конкретна мовна ситуація.

Не менш важливими іntonованими синтаксичними одиницями, як слушно зауважує В.Д.Дєвкін, є конструкції з спонукальною інтонацією. Головна причина виділення цих конструкцій полягає в наявності особливої форми імператива та обов'язкових односкладових утворень [1, 37], які у діалогічному мовленні богемської говірки Закарпаття відтворюють, як правило, емоційний стан людини, її бажання, хвилювання чи тривогу. Наприклад:

A: „rein wos! (Sprich!) / no / „rein wos //;

A: é herst mi ! (Hör !) //;

A: gei é weg! /...//

A: kouxt / no //;

B: is schon ''furt //;

A: is lustig //

Як бачимо, спонукальні конструкції у говірці виражают не тільки емоції, переживання мовця, але й творять певний стилістичний колорит живого мовлення.

Своєрідною формою передачі тонких емоційно-експресивних відтінків (чуттєвий стан людини, її інтереси, розpac, хвилювання) у розмовному мовленні є питальні речення. Такі питальні конструкції, які посилюють експресію висловленого, є і в богемській говірці Закарпаття. Наприклад:

A: unt ÄH ... é kimmt si / unt wi wird s' oftad zurück for ? /...//;

B: no / abe ''jetzt / wer kann gebn hundert rubl von finfe rubl ''rente? //;

A: no / ''wos kau ma kaffa (kaufen)? / é niks / ... //;

B: ... / no unt... / unt é jetzt ?!/ é was haben wir davon ?//

У розмовно-побутовому мовленні частими є зміни висоти голосу мовця. Це можна пояснити впливом мовоної ситуації на процес конкретного говоріння. Так, наприклад, мовець перед мікрофоном (мова йде про запис мовленнєвого матеріалу на плівку) говорить дещо "вищим" тоном, ніж зі своїм сусідом у повсякденному спілкуванні.

Таким чином, побутове монологічне та діалогічне мовлення, яке базується виключно на німецькому діалекті, має широкий набір фонетичних стилістичних засобів, які забезпечують особливий ритм і динаміку розмовного мовлення, і за допомогою яких реалізуються такі основні ознаки розмовно-побутового стилю, як емоційність, експресивність, ситуативність та фамільярність.

Література

1. Девкин В.Д. Особенности разговорного синтаксиса (на материале немецкого языка) // Вопросы немецкой разговорной речи. Сб.тр. – М., 1974. – С.24-44.
2. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. – М., 1974. – С. 41-49.
3. Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. – Frankfurt am Main: Lang, 1993. – 341 S.
4. Jin F. Intonation in Gesprächen. – Bd. 248. – Tübingen: Niemeyer, 1990. – 185 S.
5. Kohler K.J. Einführung in die Phonetik des Deutschen. – Berlin: Schmidt, 1997. – 249 S.
6. Kollmer M. Die schöne Waldlersprach. – Bd.1. – Prackenbach: Eigenverlag, 1987. – 533 S.
7. Kubitschek R. Die Mundarten des Böhmerwaldes. – Pilzen: Maasch in Komm, 1927. – 71 S.
8. Riesel E. Der Stil der deutschen Alltagsrede. – Moskau, 1964. – 314 S.
9. Schwitalla J. Gesprochenes Deutsch. – Berlin: Schmidt, 1997. – 222 S.
10. Weiss A. Syntax spontaner Gespräche. – Düsseldorf, 1975. – 168 S.
11. Wiesinger P. Phonetisch-phonologische Untersuchungen zur Vokalenentwicklung in den deutschen Dialekten. – Bd. 2. – Die Diphthonge im Hochdeutschen. – Berlin: de Gruyter, 1970. – 361 S.

ВИМОГИ ДО РУКОПИСІВ

Шановні колеги!

Просимо взяти до уваги наступне: редакційна колегія приймає до публікації у збірнику статті, що містять теоретично вагомі й достовірні результати наукових досліджень, які виконані на високому професійному рівні із зауваженням останніх досягнень вітчизняної та зарубіжної філології.

1. Приймаються статті, що написані українською, російською або будь-якою з робочих мов факультету РГФ ОНУ ім. І.І.Мечникова (англійською, німецькою, французькою, іспанською).

2. Обсяг статті (разом із ілюстраціями і переліком літератури) не повинен перевищувати 0,5 авторського аркуша (7-12 сторінок машинопису).

3. Посилання на теоретичні джерела подаються в тексті згідно переліку літератури у квадратних дужках наступним чином: [№ джерела, цитована сторінка; № наступного джерела, цитована сторінка] або [№ джерела; № джерела], якщо не наведені сторінки джерела. Наприклад: [4, 154; 6, 768] або [4; 6], де 4; 6 – номери джерел, 154; 768 – номери сторінок. Посилання на матеріал, що досліджується, надаються у круглих дужках.

4. Ілюстрації (схеми, графіки, діаграми, тощо) нумеруються у межах статті і супроводжуються підмалюнковими підписами, наприклад:

Рис. 1. Графік залежності показника *a* від показника *b*.

Цифровий матеріал може оформлюватись у таблиці, які теж нумеруються в межах статті і супроводжуються назвою.

5. Окремі слова латиницею, що включені в кириличний текст, а також ілюстративні приклади виділяються курсивом, на-

приклад: Д. Артрідж свого часу запропонував термінопоняття "culturally and ideologically situated reader".

Приклади, що складаються більше, ніж з одного речення, виокремлюються у абзац та друкуються із відступом 10-15 мм від лівого боку, наприклад:

Tune in Web radio stations from across town or around the globe. Download music from the Internet, search for and compile information about tunes and artists, and do even more. (14, 653)

В разі наявності перекладу ілюстративної цитати він друкується з таким саме відступом

6. Перелік літератури під назвою „Література” подається одразу після тексту статті: спочатку подаються теоретичні роботи, що написані кирилицею, потім написані латиницею, у алфавітному порядку згідно вимог державних бібліографічних стандартів, потім подаються словники та довідкова література, потім матеріал, що досліджувався. Нумерація наскрізна.

7. Рукопис має бути представлений до редакції на 3,5 дюймовій дискеті у форматі *.doc (MS Word), або *.rtf, а також розпечатаний (1 примірник): гарнітура Times New Roman, кегль 14, міжстроковий інтервал 1,5, сторінки мають бути нумеровані.

8. Статті, що виконані аспірантами або пошукачами, мають супроводжуватись рекомендацією до друку, підписаною науковим керівником.

9. На окремому аркуші надаються дані про автора: прізвище, ім’я, по-батькові, наукова ступінь, учене звання, місце роботи і посада, номер телефону і адреса. Ці відомості необхідні для внутрішнього використання і не призначені для публікації.

10. Статті обов’язково підлягають редакційному рецензуванню і редактуванню. У разі невідповідності заявленим стандартам стаття не публікується і може бути повернена автору для доопрацювання.

Редакційна колегія

бс

ЗМІСТ

<i>Передмова</i>	3
Букреєва Л. Л.	
Інтерпретація художественного текста и образная структура произведения	5
Вит Ю.В.	
Об истоках медицинской терминологии	18
Гнед'ко Т.Н.	
Функціонально-стилевий статус научно-популярного текста	28
Гуменна О.Н.	
Постулат релевантності в рекламном тексте	39
Дем'янова Л.И.	
Новейшие итальянизмы в русском и украинском языках	51
Денисенко В.А.	
Структурная организация простого неэллиптического двусоставного предложения в современном английском языке	63
Драгомирецкий А.А.	
Гипотетичность: некоторые подходы к определению языковой категории	72
Дученко Л.В.	
Жанрообразующая роль категории времени в детективной прозе	79

Игина Е.В.

О понятиях «образ автора» и «точка зрения» в теории и практике анализа литературно-художественного произведения	85
---	----

Калинюк Е. А.

Объемные характеристики фрагментов портретного описания	96
--	----

Коккіна Л.Р.

Особливості перекладу українською мовою французьких зворотних конструкцій зі значенням пасивності	106
---	-----

Колегаєва И.М.

Газетный текст как коммуникативное явление	116
--	-----

Кравченко Н.А.

Проповедь как особый вид текстов воздействия (к истории вопроса)	127
---	-----

Кухаренко В.А., Голубенко Л.Н.

Англоязычная экспансия в русской и украинской речи конца XX – начала XXI веков: лингвистический статус и функции	134
--	-----

Лещинский С.А., Домброван Т.И.

Семантический объем глагола GET в диахронии	156
---	-----

Маринашвили М.Д.

Периферийные средства характеризации процесса в современном французском языке и особенности их перевода (обстоятельственное определение)	165
--	-----

Міллер Н.Е.

Тональные особенности убеждения и приказа в английской диалогической речи	179
--	-----

Онопрієнко Т.М.

Роль епітетів у кольоровій насыщеності художнього тексту	187
--	-----

Петлюченко Н.В.

Использование программных пакетов обработки звучащей
речи в инструментально-фонетических исследованиях
(методика анализа эксплозивной фазы немецких
смычных взрывных согласных) 196

Пирч Э.Н.

Диахроническое описание ядерных лексем лексико-
семантического поля «friendliness/hostility»
в английском языке 223

Присяжнюк О.Я.

Вариативность тональной организации
спонтанных монологов пяти региональных типов
британского произношения 232

Рудіна З.Г.

Діахронічний огляд теорії дейксиса 241

Рулєва Е.А.

Стратегии создания детских неологизмов во французском,
греческом, украинском и английском языках 249

Сосницкий И.А.

Реализация валентностного потенциала английского
глагола в текстах публицистики 260

Штиліха М.М.

Фонетичні стилістичні засоби розмовного мовлення
(на прикладі богемської говірки Закарпаття) 273

ЗАПИСКИ
з РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ
ФІЛОЛОГІЇ

Випуск 11

З 32 Записки з романо-германської філології / ред. І.М. Колегаєва.
Одеський національний університет ім. І.І. Мечникова: факультет
романо-германської філології. – Випуск 11. – Одеса: Латстар,
2002. – 289 с.

ISBN 966-8028-03-1

Редактор

Технічний редактор

Коректор

Т.Р. Короткий

В.Є. Климова

Н.В. Петлюченко

Сдано в набор 15.03.2002 г. Подписано в печать 25.03.2002 г.

Формат 60x84/16. Усл.печ.л. 12,6. Уч.изд.л. 12,7 Тираж 300.

МП ЛАТСТАР, 65059, г.Одесса, Краснова, 6, тел.: (0482) 250-444.